

Bestseller

**ЗВОНОК
МЕРТВЕЦУ**

Р. Ладлэм

Д. Ле Карре

М. Спиллейн

Bestseller

ЗВОНОК МЕРТВЕЦУ

R. Ludlum
The Osterman
Weekend

J. Le Carré
Call to the Dead

M. Spillane
Me, Hood!

Р. Ладлэм
Уикенд
Остермана

Д. Ле Карре
Звонок мертвецу

М. Спиллейн
Я гангстер

ББК 84.4/8
3 42

Перевели с английского
Илан Полоцк и Александра Спаль

3 $\frac{4703010100-000}{\text{Ш}(02)03-93}$ Без обьявл.

ISBN 5-85441-005-2

© Издательство «Вики», Санкт-Петербург, 1993
© Уильям Остерманн. Закон мерт-
цу. Перевод на русский. Илан По-
лоцк, 1992
© Илан Полоцк. Перевод на русский.
Александра Спаль, 1992

Джон Ле Карре

Звонок мертвецу

Глава I

Краткая история Джорджа Смайли

Когда незадолго до конца войны леди Анна Серкомб вышла замуж за Джорджа Смайли, своим потрясенным подругам из Мэйфэра* она описывала его, как удивительно обыкновенного человека, настолько обыденного, что даже захватывало дыхание. Когда два года спустя она оставила его ради кубинского автогонщика, то загадочно сообщила, что, не сделай она этого сейчас, ей бы это никогда не удалось, и виконт Сейли специально отправился в клуб, чтобы посмотреть на этого кота в мешке.

Это высказывание, которое в течение одного сезона ходило из уст в уста как образец *mot***, было доступно для понимания лишь тем, кто знал Смайли. Невысокий, полноватый, с тихими вежливыми манерами, он, казалось, тратил кучу денег на то, чтобы приобретать как можно более плохую одежду, которая висела на нем, как кожа на огощавшей лягушке. На свадебной церемонии Сейли объявил, что «Серкомб спарилась с заколдованным принцем в образе лягуш-

* Мэйфэр — фешенебельный район лондонского Уэст-Энда; известен дорогими магазинами и гостиницами (Прим. пер.).

** *Mot* (фр.) — остроумное выражение.

ки-быка». Смайли же, не догадываясь о такой характеристике, трепеща, стоял перед алтарем в ожидании поцелуя, который превратит его в принца.

Был ли он богат или беден, возделывал ли он землю или возносил мольбы богу? Откуда она его раздобыла? Несовместимость этой пары подчеркивалась неоспоримой красотой леди Анны, и бросающаяся в глаза диспропорция пары таинственным образом лишь подчеркивала ее. Но сплетня предпочитает иметь дело лишь с черными и белыми цветами, и в беглых светских разговорах проскальзывали упоминания о тайных грехах и скрытых мотивах. И когда развод наконец стал свершившимся фактом, Смайли, не посещавший приличной школы, не имевший обеспеченных родителей, не служивший в привилегированном полку и не обладающий своим делом, без состояния, хотя и не бедняк, скоро был забыт, как вчерашняя новость, как старый саквояж на пыльной полке шкафа.

Хотя леди Анна последовала за своей звездой на Кубу, она невольно вспомнила Смайли. Борясь с волнением, она призналась себе, что если и был мужчина в ее жизни, то только Смайли.

Тот факт, что леди Анна рассталась со своим бывшим мужем, не заинтересовал общество — оно достаточно равнодушно отнеслось к последствиям этой сенсации. Тем не менее интересно отметить, что Сейли и его компания заинтересовались тем, что можно было бы назвать реакцией Смайли, но его пухлое близорукое лицо выражало глубокую сосредоточенность, лишь когда он погружался в поэзию третьестепенных немецких поэтов, потирая при этом влажные руки, высовывающиеся из мятых рукавов пиджака. Так что Сейли оставалось лишь небрежно пожать плечами, пребывая в уверенности, что, несмотря на бегство леди Анны, маленький Смайли отнюдь не собирается кончать с собой.

То, что осталось от Смайли после потрясения, трудно было совместить с такими понятиями, как любовь или вкус к неизвестным поэтам, ибо его профессия именовалась «офицер разведки». Она ему нравилась, и он обрел ее с любезной помощью своих коллег, которые с равной степенью равнодушия относились к его характеру и облику. Она также обеспечила ему то, что он любил в жизни больше всего: академическое погружение в тайны использования его собственного дедуктивного метода.

В свое время, в двадцатых годах, когда Смайли кончил свою неприятную школу и, шурясь, бродил меж

скромных монастырских стен оксфордского колледжа, он мечтал о членстве в студенческом братстве и о жизни, отданной изучению литературных непристойностей Германии XVII столетия. Но его преподаватель, знавший Смайли лучше его самого, мудро отклонил ученика с пути, который неминуемо привел его к получению ученой степени. И прекрасным июльским утром 1928 года удивленный и краснеющий Смайли сидел перед задающими ему вопросы членами Заграничного Комитета академических исследований — организации, о которой ему раньше и слышать не приходилось. Джебеде (его преподаватель), вводя его в курс дела, был краток: «Предоставь этим людям позаботиться о тебе, что вполне им по силам; платить тебе будут немного, но достаточно, чтобы ты оказался в приличном обществе». Но что-то смущало Смайли, и он признался в этом. Его беспокоило, что Джебеде, обычно столь точный, на этот раз был столь уклончив. С легким вздохом он согласился отложить свое решение отдаться колледжу Всех Душ, пока не поведается с «таинственной публикой» Джебеде.

Члены Комитета ему не представлялись, но половину из них он знал в лицо. Среди них был Филдинг, специалист по средним векам Франции из Кембриджа, Спарк из колледжа восточных языков и Стид-Эспри, который обедал за «высоким столом»* в тот вечер, когда Смайли был гостем Джебеде. Он не мог не признать, что был поражен. Само присутствие Филдинга, оставившего свой кабинет, уже было чудом. Впоследствии Смайли вспомнил об этой беседе как о танце с каким-то сумасшедшим па; постепенно и рассчитанно раскрываясь, перед Смайли представляли отдельные части таинственной сущности. Наконец Стид-Эспри, который, похоже, председательствовал на встрече, откинул последнюю завесу, и правда возникла перед ним во всей своей дразнящей наготе. Ему была предложена должность в конторе, которую Стид-Эспри за неимением лучшего слова, зардевшись, назвал Секретной службой.

Смайли попросил дать ему время подумать. Они дали ему неделю. О деньгах никто и не заикнулся.

Этим вечером, оставшись в Лондоне, он решил побаловать себя и отправился в театр. Он чувствовал странное головокружение, и это беспокоило его... Он отлично знал, что примет предложение, и мог сделать это уже во время беседы. Но его остановила инстинктивная осторожность и,

* «Высокий стол» — в столовой колледжа, для профессоров и членов совета; обычно находится на небольшом возвышении (Прим. пер.).

может быть, вполне понятное желание пококетничать с Филдингом.

После того как он дал согласие, началась подготовка: таинственные сельские коттеджи, безымянные инструкторы, утомительные поездки, и перед ним все отчетливее вырисовывались фантастические перспективы, когда ему придется работать совершенно одному.

Первое его оперативное задание носило довольно приятный характер: два года он пребывал в роли «англишер доцент» в провинциальном немецком университете — лекции о Китсе и каникулы в охотничьих домиках в баварских горах, в компании студентов, которые солидно и торжественно предавались разврату. В конце каждого длинного каникулярного срока он приглашал некоторых из них в Англию, отмечая особо подходящих, и отправлял свои рекомендации по таинственному адресу в Бонне; за все два года он так и не понял, учитывались ли его рекомендации или же сразу выбрасывались. По сути, у него не было даже желания выяснять, достигали ли цели его послания; он не поддерживал никаких контактов с Департаментом, пребывая вне Англии.

Выполняя это задание, он испытывал достаточно смутные и противоречивые эмоции. Его интересовал поиск с определенных позиций в человеческом существе «потенциального агента», когда с красной строки приходилось изучать характер и поведение человека, чтобы получить представление о качествах кандидата. Эта часть его деятельности была бескровной и бесчеловечной — в данной роли Смайли представлял как хладнокровный наемник, аморальный и не интересующийся ничем, кроме своего вознаграждения.

С другой стороны — его печалили свидетельства того, как в нем самом постепенно умирает способность испытывать естественные удовольствия. Всегда настороже, он увидел, что ныне избегает всех искушений, связанных с дружбой и верностью; испытывая усталость и изнеможение, он предостерегал себя от спонтанных реакций. Используя силу своего интеллекта, он заставлял себя изучать людей с клинической объективностью, но, поскольку ему не были свойственны ни аморализм, ни непогрешимость, он ненавидел фальшь своего существования и боялся ее.

Но Смайли был сентиментальным человеком, и долгое изгнание лишь усилило его глубокую любовь к Англии. Он жадно перебирал в памяти воспоминания об Оксфорде — его красота, его рациональная сдержанность, взвешенная неторопливость его решений. Он мечтал об исхлестанном

осенними ветрами отпуске на берегах залива Гартланд, о долгих прогулках по корнишским скалам, когда лицо горит от порывов морского ветра. Это была святая святых его тайной жизни, и в нем росла ненависть к наглому напору новой Германии, к ее крикливым маршам, студентам в униформе, с надменными, изборожденными шрамами физиономиями, к их напыщенным демонстрациям и дешевому юмору. Он с омерзением вспоминал, как факультет отнесся к предмету его любви — к его любимой немецкой литературе. И была ночь, та ужасная ночь зимы 1937 года, когда Смайли, стоя у своего окна, смотрел на огромный костер во дворе университета; вокруг него стояли сотни студентов, и их лица блестели от возбуждения в пляшущем пламени. Они сотнями бросали книги в очищающее пламя костра. Он знал, что это были за книги: Томас Манн, Гейне, Лессинг и множество других. И Смайли, тиская в потных руках изжеванный кончик сигареты, корчась от ненависти при виде этой картины, испытывал радость при мысли, что он знает своего врага.

1939 год застал его в Швеции аккредитованным представителем хорошо известной швейцарской оружейной фирмы, и дата, когда он стал сотрудничать с фирмой, была предугадательно сдвинута назад. Соответственно он постарался прибавить несколько лет своей внешности, ибо Смайли открыл в себе талант к мимикрии, который далеко превосходил примитивное умение красить волосы или отпускать усики. Четыре года он играл свою роль, путешествуя между Германией, Швейцарией и Швецией. Он никогда не мог себе представить, что можно так долго жить в страхе. Он обрел нервный тик на левом глазу, который и спустя пятнадцать лет досаждал ему; на чистой коже его щек и между бровями пролегли морщины. Он усвоил, что значит никогда не спать крепким сном, никогда не расслабляться, день и ночь ощущая биение своего сердца; что значит бесконечность одиночества и жалость к самому себе, внезапно вспыхивающее безрассудное влечение к женщине, к выпивке, к здоровой физической усталости — к любому наркотику, который поможет избавиться от непрерывного напряжения.

Под прикрытием легенды он занимался своей основной работой как шпион. Со временем его сеть росла, и он видел, как остальные страны расплачивались за недостаток предусмотрительности и отсутствие подготовки.

В 1943 году его отозвали. Через шесть недель он уже стал мечтать о возвращении, но они его не отпустили.

— С вас хватит, — сказал Сид-Эспри. — Готовьте новых людей и не думайте о времени. Женитесь или что-нибудь в этом роде. Расслабьтесь.

Смайли сделал предложение секретарше Сид-Эспри — леди Анне Серкомб.

Война завершилась. С ним расплатились, и он увез свою очаровательную жену в Оксфорд, где наконец мог заняться изучением неясных мест в немецкой поэзии XVII века. Но через два года леди Анна оказалась на Кубе, а откровения молодого русского шифровальщика из Оттавы снова вызвали к жизни потребность в людях с опытом Смайли.

Работа была новой, угроза смутной, и сначала ему все нравилось. Но вокруг него обитали молодые люди, мозги у которых, возможно, отличались большей свежестью. Для продвижения по службе у Смайли не было оснований, и постепенно он осознавал, что стал человеком средних лет, не успев побыть молодым, и ему дают понять — конечно, с наивозможной вежливостью, — что он уже отработанный материал.

Все вокруг изменилось. Сид-Эспри исчез, улетел от этого нового мира в Индию, в поисках другой цивилизации. Джебеди был мертв. Вместе со своим радистом, молодым бельгийцем, он сел в 1941 году на поезд в Лилле, и с тех пор о нем не было слышно. Филдинг увлекся новой диссертацией по Роланду — остался только Мاستон. Мастон — профессиональный дипломат, рекрут военных лет, советник министров по делам разведки, «первый человек», как говорил Джебети, «игрок из Уимблдона». Создание НАТО и отчаянные меры, предложенные американцами, совершенно изменили сущность Службы Смайли. Навсегда ушли времена Сид-Эспри, когда вы получали приказы за стаканом портвейна в номере в «Магдалене»; вдохновенное любопытство горстки высококвалифицированных бескорыстных людей уступило место эффективности, бюрократии и интригам в большом правительственном департаменте — эффективности благодаря Мастону с его дорогими костюмами, его аристократизмом, его благородной сединой и галстуком с серебряным отливом; Мастону, который помнил день рождения своей секретарши и чьи манеры были притчей во языцех среди дам из регистратуры; Мастону, который с небрежным изяществом правил своей империей, устраивал небольшие вечеринки в Хейнли и кормился успехами своих подчиненных.

Они привлекли его на время войны, профессионального служащего из ортодоксального департамента, поскольку им

был нужен человек привести в порядок бумаги и придать блеск громоздкой машине бюрократии. Великих мира сего устраивало, что им приходится иметь дело с человеком, которого они знали, который любой цвет мог свести к серому, кто знал своих хозяев и мог быть допущен в их общество. И Мастон прекрасно справлялся со своими обязанностями. Им нравилась его скромность, когда он извинялся за общество, с которым ему приходится водиться, и его явная неискренность, когда он прикрывал выходки своих подчиненных, его гибкость, с которой он умел формулировать новые законопроекты. Он не пользовался преимуществами «человека плаща и кинжала», когда плащ носят для хозяев, а кинжал берегут для слуг. Его положение явно носило странный характер. Он не был номинальным главой Службы, а числился Советником министра по делам разведки, и Сид-Эспри всегда говорил о нем, как о Главном Евнухе.

Для Смайли это был новый мир; ослепительно освещенные коридоры и ловкие молодые люди. Он же чувствовал себя достаточно старомодным пешеходом, тоскующим по обветшавшей террасе дома в Найтсбридже, где все это начиналось. В этой обстановке он, казалось, ощущал почти физический дискомфорт, который заставлял его еще больше сутулиться, больше, чем обычно, напоминая лягушонка. Он чаще мигал и откликался на прозвище «Крот». Но его начинающая секретарша обожала его и неизменно называла «моим дорогим медвежонком».

Смайли ныне был уже слишком в годах, чтобы отправляться за границу. Мастон внес полную ясность: «Во всяком случае, мой дорогой друг, вам крепко досталось во время войны, так что оставайтесь лучше дома, старина, и поддерживайте огонь в камине».

Все вышесказанное в какой-то мере объясняет, почему Джордж Смайли в два часа ночи, в среду, 4 января, сидел на заднем сиденье лондонского такси, направляясь в Кембридж-серкус.

Глава 2

«Мы никогда не закрываемся»

В такси он чувствовал себя в безопасности. В тепле и безопасности. Тепло, которое оберегало его от мокрой январской ночи, он протащил сюда контрабандой из своей

постели. Безопасность создавалась ощущением нереальности улиц Лондона, по которым как привидения бродили несчастные искатели развлечений, прячась под зонтиками, и стояли проститутки — как подарочные коробки, упакованные в полиэтиленовые плащи. Все казалось ему прозрачным. Это были тени, которые возникли во сне и исчезли после резкого звука телефона на столике у кровати... Оксфорд-стрит... Почему Лондон, пожалуй, единственная столица в мире, которая по ночам теряет все своеобразие? Смайли, плотнее закутавшись в пальто, подумал, что ни один город в мире, от Берна до Лос-Анджелеса, так охотно не прекращает свою дневную борьбу за индивидуальность.

Такси повернуло на Кембридж-серкус, и Смайли выпрямился, как от толчка. Он припомнил, почему ему звонил дежурный офицер, и мысли эти безжалостно вырвали его из полусонного забытья. Разговор всплыл в памяти слово в слово — как жар воспоминания о давних успехах.

— Смайли, — говорит дежурный офицер. — С вами хочет побеседовать Советник...

— Смайли, — говорит Мэстон. — В понедельник вы допрашивали Самуэля Артура Феннана из Форин-офис, не так ли?

— Да... да, я говорил с ним.

— По какому поводу?

— Анонимное письмо с обвинениями о членстве в партии во время учебы в Оксфорде. Обычная беседа, одобренная отделом безопасности.

(«Феннан не мог пожаловаться, — подумал Смайли, — он знал, что я снял с него все обвинения. Не было сделано никаких ошибок, никаких».)

— Как вы вообще вели себя с ним? Скажите, Смайли, это был неприятный разговор?

(«Господи, да он никак напуган. Феннан, должно быть, напугал нас весь Кабинет министров».)

— Нет. Это была обычная дружеская беседа, и я даже думаю, что мы понравились друг другу. В сущности, я всего лишь следовал своим обычным правилам.

— Каким именно, Смайли, каким?

— Ну, я в той или иной мере дал ему понять, чтобы он не беспокоился.

— Вы что?

— Чувствовалось, что он был слегка взвинчен, и я сказал ему, что он может не волноваться.

— Что именно вы ему сказали?

— Я сказал, что ни я, ни Служба не обладаем властью над ним, да я вообще не вижу причин, почему мы должны заниматься им в дальнейшем.

— Это все?

Несколько секунд Смайли помолчал, он никогда раньше не видел, чтобы Мэстон был так взволнован.

— Да, все. Абсолютно все.

(«Он никогда не простит мне этого. Его поведение так не вяжется с его отработанным спокойствием, серебряными галстуками и тонкими беседами за ленчем с министрами».)

— Он сказал, что вы выразили сомнение в его лояльности, что его карьера в ФО погублена и что он стал жертвой платного доносчика.

— Что? Он, должно быть, сошел с ума. Он же знает, что он чист. Что еще ему было надо?

— Ничего. Он мертв. Покончил самоубийством в половине одиннадцатого вечера. Оставил письмо министру иностранных дел. Полиция позвонила одному из его секретарей и получила разрешение вскрыть письмо. Они сообщили нам. И теперь предстоит расследование. Смайли, вы уверены в своих действиях, не так ли?

— Уверен в чем?

— ...Неважно. Прибудьте сюда как можно скорее.

Такси он поймал далеко не сразу. Позвонил в три компании, не получив ответа. Наконец ответили со Слоансквер, и, накинув плащ, Смайли стоял у окна спальни, пока не увидел, как машина подъезжает к его дверям. Ему вспомнились полеты в Германию и сумасшедшая быстрота подготовки в мертвой тишине ночи.

На Кембридж-серкус он остановил машину в сотне метров от офиса, частично по привычке, а частью для того, чтобы успокоиться в ожидании лихорадочных вопросов Мэстона.

Показав пропуск дежурному, он неторопливо прошел к лифту.

Дежурный офицер встретил его появление со вздохом облегчения, и они вместе двинулись по коридору, окрашенному в светло-кремовый цвет.

— Мэстон ездил повидать Спарроу в Скотленд-Ярдс. Они полагаются из-за того, что полиция стала заниматься этим делом. Спарроу говорит, что дело относится к ведению Специального отдела, Эвелин считает, что к Департаменту уголовных расследований, а полиция не понимает,

какая муха их укусила. И хотел бы хуже, да некуда. Заходи и выпей кофе в зале славы. Хоть взбодришься.

Смайли повезло, что в эту ночь дежурил Питер Гильом. Подтянутый и умный офицер, который специализировался на спутниковом шпионаже, он был дружески расположен к нему, и на столе его всегда было расписание дел и перочинный ножичек.

— Из Специального отдела звонили в 12.05. Жена Феннана была в театре и нашла его только по возвращении, примерно в четверть двенадцатого. И сразу же позвонила в полицию.

— Он жил где-то в Сюррее.

— В Валлистане, за дорогой на Кингстон. Когда полиция приехала, на полу рядом с телом они нашли письмо министру иностранных дел. Суперинтендант позвонил старшему констеблю, который, в свою очередь, связался с дежурным по министерству внутренних дел, а тот — с дежурным в МИДе, откуда они сразу же дали разрешение вскрыть письмо. Вот тогда-то все и началось.

— Продолжай.

— Нам позвонил начальник отдела личного состава из министерства. Ему был нужен домашний номер Советника. Сказал, что это последний раз, когда служба безопасности занимается его людьми, что Феннан был преданный делу и талантливый сотрудник... бла-бла-бла...

— Таким он и был. Таким и был.

— Сказал, что вся эта история наглядно доказывает, что служба безопасности отбилась от рук — гестаповские методы, которые не могут быть оправданы никакими опасениями... бла-бла... Я дал ему номер телефона Советника и сам позвонил ему по другому телефону, пока тот продолжал рвать и метать. Это было просто гениально — с одной стороны у меня орал Форин-офис, а с другой — слушал Мэстон, и я сообщил ему новости. Это было в 12.20. К часу Мэстон был здесь, и вид был такой, словно у него преждевременные роды, — завтра утром он должен представить сообщение министру.

Несколько секунд они помолчали, после чего Гильом налил себе кофе и разбавил его кипятком из электрического чайника.

— Что он собой представлял? — спросил он.

— Кто? Феннан? Ну, до сегодняшнего вечера я бы мог ответить тебе на этот вопрос. Теперь все не имеет смысла. По внешнему облику — типичный еврей. Из ортодоксальной семьи, но, попав в Оксфорд, все бросил и обратился к

марксизму. Тонко чувствующий, культурный... И очень толковый человек. С мягкой речью. Внимательный слушатель. Много знает; фактов у него в изобилии. Тот, кто донес на него, был, конечно, прав: в свое время Фаннан был в партии.

— Сколько ему было лет?

— Сорок четыре. На самом деле выглядел старше. — Рассказывая, Смайли обводил глазами помещение. — Нервное лицо, копна черных волос, подстриженных, как у выпускника колледжа; в профиль выглядит лет на двадцать старше, бледная, чистая, сухая кожа. Много морщин — они повсюду, и кожа словно разделена на квадратики. Очень тонкие пальцы... относится к тому типу сдержанных людей, которые привыкли владеть собой. С удовольствием осматривается в одиночестве. Страдает тоже в одиночестве, как я предполагаю.

Вошел Мэстон, и они встали.

— А, Смайли, заходите. — Открыв двери, он отвел в сторону левую руку, пропуская Смайли перед собой. В кабинете Мэстона не было ничего из того, что принадлежало правительству. В свое время он приобрел коллекцию акварелей XIX века, и некоторые из них висели по стенам. Все остальное было столь же изысканно, решил Смайли. Как и Мэстон — с этой точки зрения. Его пиджак был чуть более легкомыслен, чем позволяли правила респектабельности, а шнурок от монокля никак не подходил к рубашке кремового цвета. На нем был светло-зеленый вязанный галстук. К нему подходило слово «шик» — именно так барменши представляют себе в мечтах подлинных джентльменов.

— Я виделся со Спарроу. Самоубийство не вызывает сомнений. Тело унесли, и, кроме обычных формальностей, старший констебль не предпринимал больше никаких действий. Через день-два начнется расследование. Достигнуто соглашение — не могу не подчеркнуть это, Смайли, — что в прессу не попадет ни слова о нашем недавнем интересе к Феннану.

— Понимаю.

(«А ты опасен, Мэстон. Ты упал духом и перепуган. Я вижу, что ты готов подставить любую шею, кроме своей. Именно так ты и смотришь на меня — прикидываешь, влезу ли я в петлю».)

— Не думайте, что я осуждаю вас, Смайли; после того, как заведующий отделом безопасности дал разрешение на беседу, вам не о чем беспокоиться.

— Кроме Феннана.

— Именно так. К сожалению, вы не получили письменного разрешения на беседу. Он, без сомнения, дал вам его устно?

— Да. И я уверен, он подтвердит это.

Мастон снова посмотрел на Смайли оценивающим взглядом; в горле у Смайли что-то запершило. Он чувствовал, что Мастон хочет сблизиться с ним, вступить в сговор, но он не должен идти ни на какие компромиссы.

— Вы знаете, что служба Феннана связывалась со мной?

— Да.

— Должно начаться расследование. И прессу держать в стороне будет просто невозможно. Завтра первым делом я должен встретиться с министром внутренних дел.

(«Снова пробует запугать меня... У меня уже подходит возраст... надо думать о пенсии... да и о безработице... но поддерживать твое вранье, Мастон, я не буду».)

— Я должен иметь на руках все данные, Смайли. Я должен выполнять свои обязанности. И если вы считаете, что можете еще что-то сообщить мне относительно вашей беседы, нечто, возможно, не отраженное вами в записях, сообщите это мне и предоставьте мне судить о важности этой информации.

— В сущности, мне нечего добавить к тому, что уже есть в досье и что я рассказывал вам вечером. Это поможет вам удостовериться (кажется, он слишком подчеркнул это «вам») — поможет вам убедиться, что беседа наша проходила в атмосфере полной раскованности и отсутствия всяких формальностей. Обвинение против Феннана фактически ничего не имело под собой — в тридцатые годы, во время учебы в университете, членство в партии и неопределенные разговоры, что он якобы продолжает ей симпатизировать. В тридцатые годы половина Кабинета была в партии. — Мастон нахмурился. — Когда я зашел в его кабинет в Форин-офисе, он был полон народу, люди все время входили и выходили, так что я предложил ему пойти прогуляться в парк.

— Продолжайте.

— Ну, так мы и сделали. Был солнечный, холодный, но достаточно приятный день. Мы кормили уток. — Мастон сделал нетерпеливый жест. — В парке мы провели примерно полчаса — и он охотно разговаривал со мной. Он был умным человеком, умным и тонким. Но очень нервным, что было даже неестественно. Такие люди любят говорить о себе, и я думаю, он был рад возможности скинуть груз с

души. Он рассказал целую историю — а затем мы зашли в известное ему кафе-эспрессо неподалеку от Миллбанка.

— Куда зашли?

— В бар-эспрессо. Они делают очень хороший кофе, всего шиллинг за порцию. Мы взяли пару чашек.

— Понимаю. И в этой непринужденной обстановке вы сказали ему, что Департамент рекомендует не предпринимать против него никаких акций?

— Да. Мы часто так поступаем, но, как правило, не фиксируем этого. — Мастон кивнул.

(«Это-то он понимает, — подумал Смайли. — Да простит мне Господь, но до чего же гнусная личность. Просто восхитительно было удостовериться, что Мастон может быть столь неприятным, как я и предполагал».)

— И, следовательно, я могу считать, что его самоубийство и, конечно, его письмо — явились для вас полной неожиданностью? И вы не можете найти объяснений?

— Было бы удивительно, если бы я смог.

— Вы не представляете, кто оклеветал его?

— Нет.

— Он был женат, вы же знаете.

— Да.

— Я прикидываю... вполне возможно предположить, что его жена могла бы дать объяснение темным местам. Я не тороплюсь с этим предположением, но, возможно, кто-то из Департамента должен был бы посетить ее, постараться войти к ней в доверие, поспрашивать ее и все такое.

— Сейчас? — Смайли с бесстрастным выражением лица смотрел на Мастона.

Тот стоял за своим большим пустоватым столом, крутя в руках разные безделушки — нож для разрезания бумаг, портсигар, зажигалку, набор, который должен был способствовать демонстрации официального гостеприимства. Запонки у него по дюйму в диаметре, отметил Смайли, отдав должное его белым рукам.

С выражением глубокой симпатии Мастон посмотрел на него.

— Смайли, я представляю, что вы сейчас чувствуете, но, несмотря на эту трагедию, вы должны понять положение, в котором мы оказались. Начальство и министерство внутренних дел захотят, чтобы было проведено самое полное и исчерпывающее расследование этой истории, и моя задача — обеспечить его. Особенно в том, что касается душевного состояния Феннана сразу же после разговора с вами... то есть с нами. Может, он чем-то поделился со своей

женой. Скорее всего, он этого не делал, но мы должны быть реалистами.

— Вы хотите от меня, чтобы я туда поехал?

— Кто-то же должен. Вопрос стоит так, что кто-то должен проводить дознание. Это должен будет решить министр внутренних дел, но в настоящее время у нас просто нет никаких фактов. Время поджигает, а вы знакомы с делом и знаете все, что под ним кроется. У нас нет времени вводить в курс дела кого-то еще. Так что придется им заниматься вам, Смайли.

— Когда вам угодно, чтобы я приступил?

— Надо сказать, что миссис Феннан не совсем обычная женщина. Иностранка. Тоже еврейка. Ей достались жестокие переживания во время войны, что, соответственно, усложняет дело. Она женщина с ясным рассудком, и смерть мужа не выбила ее из колеи. Конечно, чисто внешне. Но она контактна и отзывчива. Я выяснил у Спарроу, что она охотно отвечает им на все вопросы, и, конечно же, вам надо было бы как можно скорее увидеться с нею. Полиция Сюррея предупредит ее о вашем появлении, и утром первым делом поезжайте к ней. Позже днем я позвоню вам.

Смайли повернулся, собираясь уходить.

— Ах да... Смайли... — Он почувствовал, как Мاستон взял его под руку и, повернувшись, взглянул на него. Теперь на лице его плавала улыбка, которую он обычно приберегал для пожилых дам из Службы. — Смайли, вы понимаете, что можете всецело рассчитывать на меня; моя поддержка вам обеспечена.

(«Господи, — подумал Смайли, — тебе в самом деле придется покрутиться как белке в колесе. Круглые сутки кабаре „Мы Никогда Не Закрываемся“, — вот ты кто». — Он вышел на улицу.)

Глава 3

Эльза Феннан

Мерридейл-Лейн принадлежит к одному из тех уголков Сюррея, обитатели которых ведут неустанную битву против язв пригорода. Ухоженные деревца, возвращенные на удобрения, стояли в каждом палисаднике, полуприкрывая собой скрывающиеся за ними уродливые дома. Безыскусность окружающей обстановки подчеркивалась изображе-

ниями деревянных сов, красовавшихся над названиями домов, и сидящими на корточках гномиками, которые неотрывно смотрели в пруд с золотыми рыбками. Гномиков своих обитатели Мерридейл-Лейн не красили, подзревая, что это типичный порок пригорода, и по той же причине не считали нужным покрывать лаком сов; терпеливое, из года в год, ожидание приводило к тому, что эти сокровища приобретали поистине антикварный вид, а стропила гаража были облеплены пчелами и изъедены древоточцами.

На самом деле проезжая дорога не заканчивалась тупиком, хотя агенты по продаже недвижимости и утверждали это; отвлекаясь от проезда на Кингстон, она, прихотливо извиваясь, превращалась в гравийную дорожку, которая за поворотом обрела вид утонувшей в грязи дороги через Мерриз-филд — и вливалась в другую дорожку, неотличимую от первой. До 1920 года она вела к приходской церкви, но теперь приход превратился в некий островок безопасности между шоссе, идущим на Лондон, и дорогой между Мерридейл-Лейн и Кадоган-роуд, по которой в свое время верные прихожане спешили просить милости и провидения. Полоска открытого пространства, именуемая Мерриз-филд, ныне приобрела значенс куда большее, чем то, что она могла себе позволить; она вклинилась в пространство, которым ведает совет округа, разделив сторонников развития и консерваторов — и столь эффективно, что всему механизму местного самоуправления в Валлисто-не пришлось притормозить. Наконец был достигнут естественный компромисс: Мерриз-филд не досталась ни тем, ни другим, и по ее периметру на равном расстоянии друг от друга были воздвигнуты три стальных пилонна. В центре же появилось сооружение, напоминающее хижину каннибала с соломенной крышей, окрещенное «Памятный мемориал войны», — оно было поставлено в 1951 году как знак благодарной памяти павшим в двух войнах и служило прибежищем старым и немощным. Никому не приходило в голову поинтересоваться, чем в Мерриз-филд занимаются старые и немощные, но под сводами этого убежища наконец нашли себе приют и пауки, а когда возводились пилонны, их строители выяснили, что тут можно очень уютно посидеть.

Смайли явился сюда на своих двоих сразу же после восьми, оставив машину около полицейского участка, до которого было десять минут хода.

Шел плотный холодный дождь, который немилосердно сек лицо.

Полиция Сюррея этим делом больше не интересовалась, но Спарроу по своей инициативе прислал сюда офицера из Специального отдела, который в случае необходимости, сидя в полицейском участке, мог бы обеспечить связь между службой безопасности и полицией. Причины смерти Феннана сомнений не вызывали. Он в упор выстрелил себе в висок из маленького французского пистолета, выпущенного в Лилле в 1957 году. Пистолет был найден под телом. Все обстоятельства говорили о самоубийстве.

Номер пятнадцать по Мерридейл-Лейн оказался приземистым домом в стиле Тюдоров, спальни в котором размещались под самым коньком крыши, а гараж наполовину был утоплен в земле. Он производил впечатление неухоженности, словно в нем не жили. Здесь могли бы располагаться художники, подумал Смайли. Но к облику Феннана он не подходил. Феннан был родом из Хемпстеда*, и спутница его *au-pair*** была иностранка.

Открыв калитку, он неторопливо пошел по дорожке к входной двери, тщательно пытаясь уловить хоть какой-нибудь признак жизни за зашторенными окнами. Было очень холодно. Он позвонил у дверей.

Ему открыла Эльза Феннан.

— Они уже звонили и спрашивали, не буду ли я против вашего визита. Я не знала, что сказать. Заходите, пожалуйста. — У нее чувствовался немецкий акцент.

Должно быть, она была старше Феннана. Стройная, сильная женщина пятидесяти с лишним лет и с коротко стриженными волосами табачного цвета. Несмотря на свою хрупкость, она производила впечатление стойкости и мужества, и карие глаза ее на небольшом лице, не отрываясь, смотрели на вас. Лицо у нее было изможденным и усталым, на котором годы оставили свои несмываемые следы, лицо ребенка, который постарел из-за голода и лишений, лицо вечного беженца, с которым выходят из концлагерей, подумал Смайли.

Она протянула ему руку, сухую и твердую. Он назвал ее.

— Вы тот человек, который допрашивал моего мужа, — сказала она, — о лояльности. — Она провела его в темную гостиную с низким потолком. Огня в камине не было. Смайли внезапно почувствовал себя усталым и больным.

* Хемпстед — фешенебельный район на севере Лондона, частично сохраняющий характер живописной деревни.

** *Au-pair* (фр.) — соответственно.

Лояльности к кому, к чему? В ней не было возмущения или обиды. Он был угнетателем, а она привыкла к угнетению.

— Мне очень нравился ваш муж. С него были сняты все обвинения.

— Обвинения? Обвинения в чем?

— После того как появился повод для расследования — анонимное письмо, мне была поручена эта работа. — Помолчав, он с искренним сочувствием посмотрел на нее. — Вы перенесли ужасную потерю, миссис Феннан... должно быть, вы очень устали. Вам не пришлось спать всю ночь.

Она не ответила на выражение сочувствия.

— Благодарю вас, но вряд ли мне удастся поспать и сегодня днем. Сон — это не та роскошь, которую я могу себе позволить. — Она бросила мрачный взгляд на свое исхудавшее тело. — Я должна чувствовать, что моя душа присутствует в теле не меньше двадцати часов в день. Мы сосуществуем куда дольше, чем окружающие могут себе представить. Что же касается ужасной потери... Да, можно сказать и так. Но, понимаете ли, мистер Смайли, после того, как в течение долгого времени у меня не было ничего, кроме зубной щетки, я вообще не привыкла к обладанию чем-либо, даже после восьми лет брака.

Кивком головы она предложила ему сесть и сама села напротив него, старомодным жестом одернув юбку на коленях. В комнате стоял пронизывающий холод. Смайли прикинул, стоило ли ему вообще начинать разговор; он не осмеливался взглянуть на нее и рассеянно смотрел прямо перед собой, тщетно стараясь проникнуть за непроницаемую завесу усталого лица Эльзы Феннан. Казалось, что прошло много времени, прежде чем она снова заговорила.

— Вы сказали, что он вам понравился. Тем не менее вы не произвели на него такого впечатления.

— Я не видел письма вашего мужа, но я знаю его содержание. — Теперь Смайли поднял к ней свое серьезное пухлое лицо. — Я не вижу в этом просто никакого смысла. С полной откровенностью я сказал ему... что мы будем рекомендовать решительно прекратить это дело.

Она была недвижима, вся превратившись в слух. Что он мог ей сказать? «Простите, что я убил вашего мужа, миссис Феннан, но я всего лишь исполнял свой долг. (Долг перед кем, Господи милостивый?) Двадцать четыре года назад Феннан был членом коммунистической партии в Ок-

сфорде, затем он настолько вырос по службе, что получил доступ к самой секретной информации. Какой-то любитель вмешиваться в чужие дела написал анонимное послание, и нам не оставалось ничего иного, как разобраться в нем. Расследование всвергло вашего мужа в меланхолию и привело его к самоубийству».

Он ничего не сказал.

— Это была игра, — неожиданно сказала она, — глупое жонглирование идеями, она не имела ничего общего ни с ним, ни с кем бы то ни было. Почему вы занимаетесь нами? Отправляйтесь на Уайтхолл и ищите шпионов там. — Она замолчала, и, кроме ее пылающих темных глаз, ничего не говорило о бушевавших в ней эмоциях. — Вы давно страдаете этой странной болезнью, мистер Смайли, — сказала она, беря сигарету из пачки, — и мне доводилось видеть многих ее жертв. Мышление отделяется от тела, оно больше не учитывает реальность, прекрасно чувствуя себя лишь в бумажном царстве, что позволяет без всяких эмоций губить жертвы ваших бумажек. И порой пропасть между вашим миром и нашим становится непреодолима, у досье вырастают головы, руки и ноги — а это ведь ужасная минута, не так ли? У имен есть фамилии, а на них — характеристики, этакие отвратительные маленькие досье, в которых собраны и мотивы поступков, и вымышленные грехи. И я могу только пожалеть вас. — Помолчав несколько секунд, она продолжила: — Это как Государство и Народ. Государство — это тоже всего лишь мечта, ничего не отображающий символ, пустота, мышление без тела, игра облаков в небе. Но Государство ведет войны и сажает людей в тюрьму, разве не так? Мыслить догмами — как это удобно! Мой муж и я, оба мы попали сейчас под их пресс. — Она в упор смотрела на него. Акцент в ее речи стал более заметен. — Вы считаете себя Государством, мистер Смайли, и вам нет места среди нормальных людей. Вашими стараниями с неба сыплются бомбы — и не приходите сюда смотреть на кровь или слышать стоны. — Она говорила теперь ровным голосом, глядя куда-то мимо него. — Похоже, вы поражены. Я должна была бы плакать. Может, и так, но у меня больше нет слез, мистер Смайли, — я высохла до доньшка, и печаль моя мертва. Благодарю вас за визит, мистер Смайли, теперь вы можете возвращаться — здесь вам больше нечего делать.

Он сидел, выпрямившись на стуле, и пухлые его руки, лежавшие на коленях, мяли друг друга. У него был смущенный и ханжеский вид, как у лавочника, который

осмелился прочитать проповедь. Он был бледен, и на его висках и на верхней губе блестели капельки пота. Только подглазные мешки побагровели под тяжелой оправой очков.

— Видите ли, миссис Феннан... наша беседа была сухой формальностью. Я думаю, что вашему мужу она даже доставила определенное удовольствие, и, мне кажется, он был счастлив узнать, что с делом покончено.

— Как вы осмеливаетесь это говорить, как вы можете, именно здесь и сейчас...

— Но говорю вам, что именно так все и было; мы даже не собирались ничего сообщать правительству. Кабинет вашего мужа, когда я пришел к нему, располагался между двумя соседними помещениями, поэтому мы пошли прогуляться в парк и закончили беседу в кафе — так что, как видите, наше общение меньше всего походило на допрос. Я даже сказал ему, что он может ни о чем не волноваться, — так и сказал ему. Я просто не понимаю смысла этого письма — оно не...

— Я имела в виду не письмо, мистер Смайли. А то, что он мне сказал.

— Что вы подразумеваете под этим?

— Он рассказал мне, что беседа с вами потрясла его до глубины души. Вернувшись домой в понедельник вечером, он был просто в отчаянии, просто не мог прийти в себя. Он рухнул в кресло, и я с трудом уговорила его пойти в постель. Я дала ему снотворное, отчего он проспал всего лишь полночи. На следующее утро он продолжал говорить все о том же. Вплоть до самой смерти он думал об одном и том же.

Наверху зазвонил телефон. Смайли встал.

— Простите... Это могут звонить из моего офиса. Вы позволите?

— Телефон в первой спальне, сразу же над нами.

В полной растерянности Смайли неторопливо поднялся наверх. Что, черт возьми, может он теперь сказать Мас-тону?

Он поднял телефонную трубку, автоматически посмотрев на номер телефона.

— Валлистон 2944.

— Говорят с телефонной станции. Доброе утро. Вы просили позвонить вам в половине девятого.

— М-м-м... ах да, благодарю вас.

Он положил трубку, благодаря судьбу за временную передышку, и бегло осмотрел спальню. Это была комната

Феннана, строгая, но удобная. Перед газовым камином стояли два кресла. Смайли припомнил, что три года после войны Эльза Феннан была прикована к кровати. И когда по вечерам они бывали в спальне, воспоминания об этих годах, наверное, стояли у них перед глазами. Углубления в стенах по обе стороны от камина были заполнены полками с книгами. В дальнем углу на столике стояла пишущая машинка. Было что-то трогательное и глубоко личное в убранстве этой комнаты, и, может быть, в первый раз Смайли понял, какая трагедия пришла сюда со смертью Феннана. Он вернулся в гостиную.

— Звонили вам. С телефонной станции, откуда вы просили позвонить в половине девятого.

Наступила долгая пауза, и он украдкой взглянул на нее. Но она стояла, отвернувшись от него и глядя в окно; ее прямая спина застыла в напряжении, и ореол коротких волос светился на фоне утреннего солнца.

Внезапно он поднял на нее глаза. Ему пришло в голову то, что он должен был понять еще наверху, в спальне, но это было столь невероятно, что в первый момент он оказался не в состоянии усвоить эту мысль. Механически он продолжал что-то говорить, размышляя при этом; ему надо убраться отсюда, подальше от телефона и истерических вопросов Мастона, расстаться с Эльзой Феннан и ее темным, тревожным домом. Ему нужно исчезнуть отсюда и как следует подумать.

— Прошу прощения за вторжение, миссис Феннан, а сейчас я должен последовать вашему совету и возвратиться на Уайтхолл.

Снова почувствовав пожатие холодной хрупкой руки, он пробормотал выражение сочувствия. Сняв с вешалки в холле плащ, он вышел под лучи утреннего солнца. После дождя зимнее солнце выглянуло на несколько минут, расцветив бледные водянистые краски Мерридейл-Лейн. По небу по-прежнему ползли низкие серые тучи, но мир под ними странно светился, отражая невесть откуда взявшийся солнечный свет.

Он медленно двинулся по гравийной дорожке, страшась, что сейчас его окликнут.

Полный тревожных мыслей, он вернулся в полицейский участок. Начать с того, что Эльза Феннан не могла просить телефонную станцию позвонить ей в половине девятого.

Кофепитие у «Фонтана»

Суперинтендант отдела уголовного розыска в ВаллиSTONE был великаном, добродушная душа которого оценивала профессиональную компетентность лишь годами службы и не видела пороков в своих привычках. С другой стороны — инспектор Мендел, присланный Спарроу, был сухим джентльменом с настороженным лицом, который говорил очень быстро, выстреливая слова уголком рта. Смайли про себя сравнивал его с лесником, охраняющим дичь, который знает свой участок и не любит, когда на него вторгаются браконьеры.

— Я получил послание из вашего Департамента, сэр. Вы должны тут же позвонить Советнику. — Суперинтендант ткнул огромной лапой в телефон и, открыв двери, покинул свой кабинет. Мендел остался. Смайли, помаргивая, несколько секунд смотрел на него.

— Закройте дверь. — Мендел бесшумно прикрыл ее.

— Я хотел бы порасспрашивать кое-кого на Валлистонской телефонной станции. С кем там можно было бы связаться?

— Как правило, с заместителем начальника. Начальник обычно витает в облаках, а работает заместитель.

— Кто-то с Мерридейл-Лейн, 15 попросил телефонную станцию позвонить ему сегодня утром в 8.30. Я хотел бы узнать, в какое время была передана эта просьба и кем. Я хотел бы узнать, существует ли постоянный заказ на такие звонки и прочие детали.

— Вы знаете номер?

— Валлистон 2944. Телефон на имя Самуэля Феннана, как я предполагаю.

Подойдя к телефону, Мендел набрал ноль. Ожидая ответа, он повернулся к Смайли.

— Вы не хотите, чтобы кто-нибудь знал об этом, не так ли?

— Никто. Даже вы. Возможно, за этим ничего и нет. Если же мы начнем болтать, что это имеет отношение к убийству, то окажемся...

Услышав ответ, Мендел попросил к телефону заместителя начальника.

— Говорят из отдела уголовного розыска ВаллиSTONE, из офиса суперинтенданта. Мы проводим тут расследова-

ние... да, конечно, — перезвоните мне... да, в отдел уголовных расследований. Валлистон 2421.

Положив трубку, он подождал ответного звонка с телефонной станции.

— Умная девушка, — пробормотал он, не глядя на Смайли.

Телефон зазвонил, и он сразу же включился в разговор.

— Мы расследуем кражу на Мерридейл-Лейн, 18. Предполагаемые преступники, возможно, использовали как наблюдательный пункт дом номер 15. Не могли бы вы как-нибудь выяснить, звонили ли оттуда или туда за последние двадцать четыре часа?

Наступила пауза. Мендел, прикрыв рукой микрофон, с легкой улыбкой повернулся к Смайли, и тот внезапно увидел, что с ним можно иметь дело.

— Она опрашивает девушек, — сказал Мендел, — поглядывает по табулеграмме. — В трубке раздался голос, и он принялся записывать цифры в блокноте суперинтенданта. Внезапно он застыл, склонившись к столу.

— Ну да! — В голосе Мендела слышалась неподдельная заинтересованность, как-то контрастировавшая с его неподвижной фигурой. — Интересно, когда она просила об этом? — Еще одна пауза. — В 19.55... ах, значит, мужчина? Ваша девушка уверена в этом? О, да, я понимаю. Конечно, у вас все фиксируется. Я вам искренне благодарен. По крайней мере, ясно, на каком мы свете... О, вы в самом деле нам очень помогли... нет, мы только предполагаем, и это пока все... нам еще придется поломать голову. Словом, большое спасибо. Вы были очень любезны... Всего наилучшего.

Положив трубку, он вырвал листик из блокнота и сунул его в карман.

— Ниже по дороге, — быстро сказал Смайли, — есть одно ужасное кафе. Мне нужно позавтракать. Пойдемте и выпьем по чашке кофе...

Телефон снова зазвонил, и Смайли почти физически ощутил на другом конце линии присутствие Мастона. Мендел, бросив на него взгляд, кажется, все понял. Оставив телефон надирать, они тут же вышли из участка и двинулись по Хай-стрит.

Кафе «Фонтан» (владелица мисс Глория Адамс) было выдержано в стиле поздних Тюдоров, и тут было вдоволь конской упряжи на стенах и местных сладостей по шесть пенсов каждое. Мисс Адамс лично делала самый отвратительный кофе, который только подают к югу от Манчестера, и к каждому посетителю обращалась со словами «друг

мой». Дел с друзьями мисс Адамс не вела, а откровенно грабила их, что как-то смягчалось иллюзией легкой непринужденности, которую мисс Адамс тщательно оберегала. Происхождения она была довольно темного, но часто упоминала о своем покойном отце как о «полковнике». Среди посетителей мисс Адамс, которые особенно долго расплачивались за ее дружбу, ходили слухи, что полковничье звание было присвоено ему в Армии Спасения.

Мендел и Смайли сели за угловой стол у камина, ожидая, когда смогут сделать заказ. Мендел со странным выражением посмотрел на Смайли.

— Девушка совершенно точно помнит этот звонок. Он пришелся как раз на конец ее смены: без пяти восемь прошлым вечером. Ее попросили позвонить утром в 8.30. Заказ был сделан самим Феннаном — девушка уверена в этом.

— Каким образом?

— Феннан позвонил на телефонную станцию под Рождество, и она как раз дежурила. Он пожелал им всем счастливого Рождества. Она была даже тронута. Они немного поболтали. И она уверена, что голос, просивший позвонить в половине девятого утра, был тот же самый. «Очень вежливый джентльмен», — сказала она.

— Но это совершенно бессмысленно. Он написал предсмертную записку в половине одиннадцатого. Что произошло между восемью и половиной одиннадцатого?

Мендел поднял потрепанный старый портфель. У него не было замков, и Смайли подумал, что он смахивает на нотную папку. Вынув оттуда плоский конверт, Мендел протянул его Смайли.

— Факсимильная копия письма. Супер сказал — передать его вам. Оригинал они послали в Форин-офис, а другую копию — прямо Марлен Дитрих.

— Это еще кто такая, черт возьми?

— Простите, сэр. Так мы называем вашего Советника, сэр. Просто душа — генерал Отдела, сэр. Очень извиняюсь, сэр.

Прекрасно, подумал Смайли, просто здорово. Открыв папку, он просмотрел факсимиле. Мендел тем временем продолжал говорить:

— Первое письмо от самоубийцы, которое я увидел напечатанным на машинке. Хотя подпись выглядит подлинной. Мы проверяли, сравнив с той, что была в участке, — он как-то расписывался за найденные вещи. Как две капли воды.

Письмо было напечатано, скорее всего, на портативной машинке. Как и анонимный донос. В конце страницы была четкая изящная подпись Феннана. Под шапкой в верхней части страницы была отпечатана дата, а под ней время: 10.30 вечера.

«Дорогой сэр Дэвид!

После некоторых раздумий я решил расстаться с жизнью. Я не могу прожить оставшиеся годы, когда надо висит тень подозрений и недоверия. Я понимаю, что с моей карьерой покончено, потому что стал жертвой платного доносчика.

Сердечно ваш
Самуэль Феннан».

С пересохшим от напряжения ртом, слегка приподняв брови, как бы изумляясь, Смайли несколько раз перечитал письмо. Мендел что-то спрашивал его.

— Как вы это выяснили?

— Что именно?

— Относительно утреннего вызова.

— О, я взял трубку. Решил, что звонят мне. Но я ошибся — звонили с телефонной станции. Но тогда мне ничего не пришло в голову. Понимаете, я решил, что вызов предназначен для нее. Спустился вниз и рассказал ей.

— Вниз?

— Да. Телефон у них стоит в спальне. Она много времени проводила в постели... в свое время, вы же знаете, она была инвалидом, и как я предполагаю, в комнате все осталось как раньше. Она чем-то напоминает кабинет: книги, пишущая машинка, письменный стол и так далее.

— Пишущая машинка?

— Да. Портативная. Думаю, что письмо свое он написал на ней. Но, понимаете ли, когда я снял трубку, у меня совершенно вылетело из головы, что миссис Феннан никак не могла заказывать этот вызов.

— Почему?

— У нее бессонница — она сама мне говорила об этом. Она серьезно страдает от нее. Я посоветовал было ей отдохнуть, на что она мне ответила: «Моя душа не расстается с телом двадцать часов в сутки. Мы прожили куда более долгую жизнь, чем большинство людей». Она дала мне понять, что давно не может позволить себе такой роскоши, как сон. Так зачем же ей было нужно, чтобы ее будили в половине девятого?

— А зачем это было нужно ее мужу — и вообще кому-то? Господи, помоги нам.

— Совершенно верно. Я и сам ничего не мог понять. Форин-офис признает, что начинает работу поздно — к десяти часам. Но в любом случае Феннану надо было привести себя в порядок, побриться, позавтракать и успеть на поезд, так что ему не надо было специально просить разбудить его в половине девятого. Да и, кроме того, его могла бы поднять жена.

— Может, она дергала телефонисток просто из-за того, что ей не спится, — сказал Мендел. — Женщины, случается, ведут себя так, когда у них бессонница, мигрень и тому подобные штучки. Чтобы люди видели, как они нервничают, как волнуются. Психопатки, одним словом.

Смайли покачал головой.

— Нет, она никак не могла сделать вызов. Ее же не было дома до 10.45. Но если даже предположить, что она ошиблась, называя время, она никак не могла подойти к телефону, не наткнувшись на тело мужа. И наденось, вы не собираетесь уверять меня, что, увидев мертвого мужа, она первым делом поспешила наверх заказывать звонок утром?

Некоторое время они в молчании пили кофе.

— Еще одна вещь, — сказал Мендел.

— Да?

— Его жена вернулась из театра без четверти одиннадцать, верно?

— Так она говорит.

— Она была одна?

— Понятия не имею.

— Ручаюсь, что нет. Держу пари, что время на письме поставила она, чтобы обеспечить себе алиби.

Смайли вспомнил Эльзу Феннан, ее сдержанность, проравшуюся вспышкой подавленного гнева. Казалось смешным представлять ее в этой роли. Нет, только не Эльза Феннан. Нет.

— Где было найдено тело? — спросил Смайли.

— Внизу лестницы.

— Внизу лестницы?

— Именно так. Лежало ничком на полу холла. Под ним был найден револьвер.

— Записка. Где она была?

— Рядом с ним на полу.

— Что-нибудь еще?

— Да. Чашка какао в кабинете.

— Ясно. Феннан решил покончить с собой. Он просит

телефонную станцию поднять его в половине девятого утра. Делает себе какао и относит его в кабинет. Поднимается вверх и печатает последнее письмо. Снова спускается вниз и пускает в себя пулю, так и не притронувшись к какао. Все складывается просто великолепно.

— Да, в самом деле... Кстати, может, вам лучше позвонить в свою контору?

Он с сомнением посмотрел на Мендела.

— Боюсь, что это положит конец прекрасной нашей дружбе, — сказал он. И, направляясь к будочке таксофона, услышал слова Мендела:

— Вот и скажите это вашей публике.

Он по-прежнему улыбался, прося соединить его с Мастоном.

Мастон выразил желание незамедлительно увидеть его.

Смайли вернулся к столику. Мендел был занят булочкой с изюмом.

Смайли остановился рядом с ним.

— Мне нужно возвращаться в Лондон.

— Ну что ж, значит, кошка оказалась в голубятне. — Сдержанное лицо собеседника резко повернулось к нему. — Или я ошибаюсь? — Он говорил, с трудом шевеля губами, потому что рот у него был набит булочкой. — Если Феннан в самом деле был убит, нет такой силы на земле, которая могла бы остановить прессу, когда она вцепится в это дело. — И задумчиво добавил: — Не думаю, что Мастоноу это понравится. Он бы предпочел версию самоубийства.

— Но нам еще предстоит это выяснить, не так ли?

Смайли помолчал, нахмурившись в раздумьях. Он мог себе представить, как Мастон высмеет все его предположения и нетерпеливо отбросит всего его подозрения.

— Не знаю, — сказал он. — В самом деле не знаю.

А теперь назад в Лондон, подумал он, назад к «Идеальному Дому»* Мастонона, назад к этой проклятой крысиной суете. Туда, где ему предстоит вместить всю человеческую трагедию в три страницы рапорта.

Снова пошел дождь, на этот раз теплый, но такой плотный, что на пути от кафе «Фонтан» до полицейского участка он весь промок. Сняв плащ, он бросил его на заднее сиденье машины. Смэйли с облегчением оставлял Валлистон — пусть даже впереди его ждал Лондон. Выруливая на

* Ежегодная выставка, преимущественно предметов домашнего обихода, мебели и т.д. в выставочном зале «Олимпия» (Прим. пер.).

главную дорогу, краем глаза он увидел Мендела, который стоически трусил по тротуару к вокзалу в своей бесформенной фетровой шляпе, потемневшей от дождя. Смэйли в свое время не пришло в голову, что Мендел, может быть, хотел подохнуть с ним до Лондона, и он застыдил. Мендел, не смущаясь двусмысленностью ситуации, открыл заднюю дверь и расположился на сиденье.

— Поезду, — сказал он. — Ненавижу поезда. Вы едете в Кембридж-серкус? По пути выкинете меня у Вестминстера, идет?

Они двинулись, и Мендел вытащил потертую зеленую жестянку с табаком, из которого скрутил себе сигарету. Собравшись было сунуть ее в рот, он передумал и предложил ее Смэйли, поднеся ему огонек из огромной зажигалки, пламя из которой било на два дюйма.

— Чувствуется, что вам явно не по себе, — сказал Мендел.

— Так и есть.

После паузы Мендел сказал:

— Чертовски плохо, когда не знаешь, что тебя ждет.

Они проехали в молчании четыре или пять миль, когда Смэйли свернул на обочину и, остановившись, повернулся к Менделу.

— Не смутит ли вас, если мы развернемся обратно в Валлистон?

— Хорошая мысль. Поедем и спросим ее.

Он развернулся и неторопливо поехал в Валлистон; на Мерридейл-Лейн. Оставив Мендела в машине, он двинулся по знакомой гравийной дорожке.

Открыв двери, она без единого слова проводила его в гостиную. На ней было то же самое платье, и Смэйли попытался представить себе, как она провела время после того, как они расстались утром.

Бродила ли она по дому или недвижно сидела в кабинете? Или наверху в спальне в кожаном кресле? Как она воспринимала свалившееся на нее вдовство? Понимала ли она его или же по-прежнему была в состоянии подавленного возбуждения, которое связано с ощущением несправимой утраты? Или неотрывно смотрела на себя в зеркало, пытаясь увидеть следы, которые оставил ужас на ее лице, следы слез, которые она так и не смогла выдавить из себя?

Никто из них так и не сел — оба инстинктивно пытались избежать повторения утренней встречи.

— Есть одна вещь, о которой, как мне кажется, я дол-

жен осведомиться у вас, миссис Феннан. Простите, что снова надоедаю вам.

— Предполагаю, что относительно того звонка, раннего утреннего звонка с телефонной станции?

— Да.

— Я так и думала, что он удивит вас. Человек, страдающий бессонницей, просит пораньше разбудить его. — Она старалась говорить легко и небрежно.

— Да. Это кажется несколько странным. Вы часто ходите в театр?

— Да. Как минимум раз в две недели. Вы должны знать, что я член клуба Уайбриджского репертуарного театра. Я участвую во всех их мероприятиях. Каждый первый вторник месяца мне автоматически оставляют место. По вторникам мой муж работал допоздна. Он меня никогда не сопровождал, так как любил только классический театр.

— Но ведь ему нравился Брехт, не так ли? Он с большим удовольствием посещал гастроль берлинского театра в Лондоне.

Несколько секунд она смотрела на него и внезапно улыбнулась — он в первый раз увидел, как это у нее получается. Улыбка у нее была очаровательной: лицо ее озарилось, как у ребенка.

Перед Смайли предстало смутное видение Эльзы Феннан девочки — худенький живой сорванец, как маленькая Фадетта у Жорж Санд, наполовину женщина, наполовину хитрая девчонка. Он увидел ее в пору созревания, когда она, как кошка, дралась за право оставаться самой собой; он увидел ее измученной и истощенной в концентрационном лагере, безжалостной и жестокой в борьбе за выживание. И невыразимо грустно было видеть, как светлая улыбка, напомнившая о ее юности и невинности, сменилась стальной несокрушимостью в борьбе за жизнь.

— Боюсь, что объяснение истории с этим звонком покажется вам просто глупым, — сказала она. — Я страдаю ужасными провалами памяти, и это очень мешает. Иду в магазин и забываю, что хотела купить, договариваюсь по телефону о встрече и забываю о ней, как только кладу трубку. Приглашаю людей на уик-энд, а когда они приезжают, нас нет дома. И обычно, когда мне надо что-то запомнить, я звоню на телефонную станцию и прошу их позвонить мне за несколько минут до назначенного времени. Словно узелок на носовом платке, но узелок ведь не может напомнить о себе звонком, не так ли?

Смайли не отрываясь смотрел на нее. В горле у него пересохло, и ему пришлось слотнуть, прежде чем он смог заговорить.

— И о чем же должен был напомнить вам этот звонок, миссис Феннан?

Снова он увидел очаровательную улыбку.

— О вас. Я совершенно забыла о вашем визите.

Глава 5

Мастон и подмошки

Когда они неторопливо ехали к Лондону, Смайли практически забыл о присутствии Мендела.

Бывали периоды, когда управление машиной доставляло ему облегчение; оцепенение долгого одинокого пути давало отдых его взбудораженным мыслям, а усталость от долгого сидения за рулем заставляла забыть все заботы.

Наверно, это была одна из ненавязчивых примет возраста, когда он не мог уже управлять ходом мышления. Теперь для этого требовались более решительные меры: например, иногда он заставлял себя представлять прогулки по некоторым европейским городам — вспоминать магазины и здания, мимо которых он проходил, например, в Берне или же прогулку по Мюнстеру до университета. Но, несмотря на такие энергичные умственные тренажи, мысли о сегодняшнем дне настойчиво требовали внимания. Стараниями Анны он был лишен внутреннего покоя; именно Анна дала ему представление о настоящем как о единственно стоящей вещи и научила его воспринимать реальность, а когда она исчезла, ничего больше не осталось.

Он не мог поверить в то, что Эльза Феннан убила своего мужа. Инстинкт повелевал ей защищаться, храня сокровища своей жизни, воссоздавая хоть символы нормального существования. В ней не чувствовалось агрессии, и единственное оставшееся в ней желание заключалось в том, чтобы выстоять и сохраниться.

Но кто может это утверждать? Что там писал Гессе? «Как странно бродить в тумане, чувствуя свое одиночество. Даже деревья не чувствуют леса. Каждое само по себе». Мы ничего не знаем друг о друге, размышлял Смайли, абсолютно ничего. Как бы близки мы ни были, когда в любое время дня и ночи можно поделиться самыми потаенными

мыслями, мы все равно ничего не знаем друг о друге. Как я могу осуждать Феннан? Мне кажется, что я понимаю и какие ей пришлось вытерпеть страдания, и причины ее испуганной лжи, но что я, в сущности, знаю о ней? Ничего.

Мендел показал на дорожный знак.

— Вот здесь я живу. Митчем. Честное слово, неплохое местечко. Чертовски надоели холостяцкие апартаменты. Купил тут симпатичный домик, вернее половину, с соседями за стеной. К пенсии.

— К пенсии? Она еще не близко.

— Да? В трех днях! Поэтому я и взялся за эту работу. Ничего особенного, но без всяких сложностей. Дайте ее старому Менделу, и он перевероршит все дерьмо.

— Ну-ну. Я думаю, что в понедельник нас обоих выставляют.

Он подвез Мендела к Скотленд-Ярду и направился к Кембридж-серкус. Едва только войдя в здание, он увидел, что уже всем все известно. Это было видно и по тому, как на него смотрели; и во взглядах, и в отношении чувствовалась какая-то отчужденность. Он направился напрямик в кабинет Масто́на. Секретарша сразу же поднялась, как только он вошел.

— Советник у себя?

— Да. Он ждет вас. Он один. Сейчас я постучусь к нему и впусти вас. — Но Масто́н уже открыл двери и пригласил его. На нем были черный пиджак и полосатые брюки. Начинается кабаре, подумал Смайли.

— Я все время пытался связаться с вами, — сказал Масто́н. — Вы получили известие от меня?

— Получил, но у меня не было возможности поговорить с вами.

— Простите, не совсем понимаю вас.

— Ну, я не верю, что Феннан покончил с собой... я думаю, что он был убит. По телефону сказать я это не мог.

Масто́н снял очки и, не скрывая изумления, уставился на Смайли.

— Убит? Почему?

— Феннан написал предсмертное письмо в половине одиннадцатого вечера, если мы примем, что он поставил истинное время на письме.

— Ну и?

— В 7.55 он звонит на телефонную станцию и просит перезвонить ему в половине девятого утра.

— Как вам удалось, черт возьми, это выяснить?

— Я был там утром как раз, когда раздался звонок со

станции. Я снял трубку, думая, что, может быть, звонят из Департамента.

— Почему вы так уверенно утверждаете, что вызов заказал именно Феннан?

— Я провел расследование. Девушка на станции хорошо знала голос Феннана, и она была уверена, что без пяти восемь вечера звонил именно он.

— Что, Феннан был знаком с этой девушкой?

— Господи, да, конечно, нет. Просто время от времени они обменивались любезностями.

— Но почему же вы из этого делаете вывод, что он был убит?

— Ну, я говорил с его женой относительно этого звонка...

— И?..

— Она врет. Сказала, что сама его заказывала. Она пыталась изобразить этакую ужасную рассеянность — она просит время от времени станцию звонить ей, когда у нее какая-нибудь важная встреча, что-то вроде узелка на платке. И еще одно — как раз перед тем, как пустить в себя пулю, он сварил себе какао. Он к нему даже не притронулся.

Масто́н слушал в молчании. Наконец он улыбнулся и встал.

— Похоже, вы поставили перед собой другую цель, — сказал он. — Я послал вас выяснить, почему Феннан покончил с собой. Вы возвращаетесь и говорите, что он не кончал с собой. Но вы же не полицейский, Смайли.

— Нет. Хотя порой я и сам думаю, кто мы такие?

— Слышали ли вы что-нибудь, что может подкрепить нашу точку зрения, что-нибудь, что может вообще как-то объяснить его действия? Что-нибудь, объясняющее его предсмертное письмо.

Прежде чем ответить, Смайли помолчал. Он уже видел, что его ждет.

— Да. Из разговора с миссис Феннан я понял, что ее муж был очень взволнован после нашей с ним беседы. — Он мог бы поведать целый роман. — Воспоминания настолько потрясли его, что он не мог спать. Ей пришлось дать ему снотворное. Ее рассказ о реакции Феннана на мою с ним беседу полностью объясняет смысл письма. — С минуту он молчал, моргая с глуповатым видом. — Но вот что я пытаюсь сказать: я ей не верю. Я не верю, что Феннан сам писал это письмо или что у него вообще было намерение покончить с собой. — Он повернулся к Масто́ну. —

Мы просто не можем вот так взять и отбросить в сторону все накладки. И вот еще что, — очертя голову решил я он. — Я еще не просил экспертов провести исследование, но есть явное сходство между шрифтами, которыми были написаны анонимка и предсмертное письмо Феннана. Похоже, что они совпадают. Я понимаю, что это смешно, но вот так все обстоит... И мы должны подключить к делу полицию, выложив им все факты.

— Факты? — переспросил Мэстон. — Какие факты? Ну, предположим, что она в самом деле врёт — она странная женщина, как ее ни рассматривать, иностранка, еврейка. Бог знает, что у нее там в голове. Мне рассказывали, что она пострадала во время войны, ее преследовали и все такое. Она видит в вас угнетателя, инквизитора. Она видит, что вы на что-то наткнулись, впадает в панику и несет первое, что ей приходит в голову. Неужели из-за этого ее надо считать убийцей?

— Тогда почему Феннан просил звонить ему утром? Почему на ночь глядя он сделал себе чашку какао?

— Кто может ответить на это? — Голос Мэстона заиграл модуляциями, и в нем появились убедительные нотки. — Окажись я или вы, Смайли, на том трагическом изломе судьбы, когда приходит мысль покончить все счеты с жизнью, кто, ради всех святых, мог бы поведать о наших последних мыслях? А о Феннана? Он видит, что карьера его рухнула, и жизнь больше не имеет смысла. Разве нельзя себе представить, что в минуту слабости или нерешительности ему захотелось услышать человеческий голос, почувствовать перед смертью тепло человеческого участия? Каприз, сантименты — может быть, но их нельзя скидывать со счетов, когда речь идет о столь подавленном, столь растерянном человеке, который решает расстаться с жизнью.

Смайли должен был отдать ему должное — спектакль был разыгран по всем правилам, и Мэстон вполне заслуживал аплодисментов. Он почувствовал, как внутри у него поднимается волна раздражения, с которой он мог и не справиться. Смайли просто запаниковал — его охватывала неконтролируемая ярость против этого позера и лизоблюда, против этого гнусного труса с седеющими волосами и рассудительной улыбкой. Ярость и отчаяние захватили его с головой, сжали грудь, скрючили тело. Лицо запылало и побагровело, очки запотели, и из глаз потекли слезы, что только способствовало его унижительному положению.

Мэстон, уже успокоившись, продолжал:

— Вы не можете потребовать от меня, чтобы я, основываюсь

на столь шатких доказательствах, сообщил министерству внутренних дел — мол, полиция сделала ошибочные выводы; вы же знаете, какие у нас натянутые отношения с полицией. На одной чашке весов лежат ваши подозрения: поступки Феннана прошлой ночью не свидетельствовали, что он хочет покончить с собой. Ясно, что его жена соврала нам. Но вам противостоит точка зрения опытных детективов, которые не нашли ничего подозрительного в обстоятельствах смерти, и у нас есть показания миссис Феннан, сказавшей, что ее муж был очень расстроен разговором с вами. Простите, Смайли, но дело обстоит именно так.

Наступило молчание. Смайли медленно приходил в себя, чувствуя скованность и неудобство. Близорукими глазами уставившись перед собой, он стоял с надутым, побагровевшим лицом, чувствуя себя круглым идиотом. Мэстон ждал от него каких-то слов, но на него навалились усталость и полное равнодушие. Не глядя на Мэстона, он встал и вышел.

Оказавшись в своем кабинете, он сел за письменный стол и по привычке окинул взглядом текущую работу. В коробке для входящих почти ничего не было — несколько официальных распоряжений и письмо, адресованное «Лично Д. Смайли, эскв., в министерство обороны». Почерк был знаком. Вскрыв конверт, он прочел текст.

«Дорогой Смайли!

Для меня было бы очень важно провести завтра с вами ленч в „Комплит Энглер“ у Марло. Пожалуйста, постарайтесь встретить меня там к часу. Я вам кое-что должен рассказать.

Ваш Самуэль Феннан».

Письмо было написано от руки и датировано предыдущим днем — вторник 3 января. Оно было опущено в Уайтхолле в шесть вечера.

Несколько минут, неподвижно держа его перед собой и склонив голову в левую сторону, он тупо смотрел на него. Затем, положив письмо на стол и открыв ящик письменного стола, он вынул из него чистый лист бумаги. На нем он набросал краткое заявление Мэстону с прошением об отставке и приколот к нему приглашение Феннана. Позвонив секретарше, он оставил письмо в коробке исходящих и поднялся. Как обычно, на лестничной площадке он столкнулся со столиком на колесиках, на котором развозят чай, и после краткого ожидания лифта спустился вниз. На полпути он вспомнил, что забыл наверху свой макинтош и кое-ка-

кие мелочи в кабинете. Неважно, подумал он, они при- шлют мне все домой.

Оказавшись на стоянке, он залез в машину и устался в грязное ветровое стекло.

Не надо волноваться, не надо, черт возьми, волновать- ся. Он испытывал искреннее удивление. Удивление из-за того, что едва не потерял над собой контроль. Беседы и ин- тервью занимали большое место в жизни Смайли, и он давно уже пришел к заключению, что может их практиче- ски вести на любые темы — медицина, религия, филосо- фия. В сущности, его натуре были противны цели всех этих бесед, их всепоглощающая интимность, за которой во всей наготе выступала жестокая реальность. Он вспомнил один опьяняюще прекрасный обед с Анной, когда он объяс- нял ей, как давить на собеседника системой «хамелеон- броненосец».

Они обедали при свечах; белоснежная кожа и блеск жемчугов на ней — они пили коньяк; глаза Анны были большими и влажными, и в них был только он; Смайли иг- рал роль любовника и прекрасно справлялся с ней; Анна обожала его, трепеща от гармонии их тел и душ.

— ...Значит, первым делом я становлюсь хамелеоном.

— Ты хочешь сказать, что сидишь и рыгаешь, мой омерзительный лягушонок?

— Нет, все дело в цвете. Хамелеон меняет цвета.

— Ну, конечно, он меняет цвет. Садится на зеленый листик и сам становится зеленым. Ты тоже зеленел, мой жабеныш?

Его рука тихонько коснулась кончиков ее пальцев.

— Слушай меня, кокетка, когда я объясняю технику Смайли «хамелеон-броненосец» такой невнимательной слу- шательнице.

Лицо ее склонилось к нему, и в глазах светилось не- прикрытое восхищение.

— Техника эта исходит из теории, что любой собесед- ник ни к кому так не привязан, как к самому себе, и его привлекает лишь свой собственный образ. И ты стараешься окраситься в социальные, личностные, политические и ин- теллектуальные цвета спектра, свойственные допрашиваемо- му.

— Ты потрясающий лягушонок. Ну, до чего умный лю- бовник.

— Помолчи. Но порой начинаешь чувствовать себя пол- ным идиотом или просто страшно неудобно. И в таком слу- чае становишься броненосцем.

— И затягиваешься в такие твердые поясочки, лягу- шонок?

— Нет. Стараешься поставить вторую сторону в столь неудобное положение, чтобы он ощутил твое превосходст- во. В свое время мне пришлось иметь дело с одним пожи- лым епископом. Я с него пушинки сдувал, и пол-отпуска он меня таскал по своей епархии. Но, созерцая лицо епи- скопа, я представил себе его обросшим густой шерстью и почувствовал власть над ним. Остальное было делом голый техники. Я представлял его себе в виде обезьяны, сажал в мешок и вывешивал за окно, отправлял его голым на масо- нский банкет, заставлял, как змею, ползать на брюхе...

— Ты мой умный и любовничек-лягушонок.

Так оно и должно было быть. Но в недавнем разговоре с Мастоном сила, которую придавало ему ощущение отде- ленности, покинула его; он слишком близко стал все принимать к сердцу. Когда Мастон сделал первый ход, Смайли был слишком усталым и преисполненным отвраще- ния, чтобы сообразить, что к чему. Он предположил, что Эльза Феннан убила своего мужа, что у нее, очевидно, бы- ли на то причины, и это не должно было его больше инте- ресовать. Проблемы больше не существовало. Подозрения, его опыт, выводы, здравый смысл — брать их в расчет Мас- тон не желал. Фактом были бумаги. Министры, среди ко- торых самым неколебимым фактом был министр внутрен- них дел. Департамент не мог позволить себе втягиваться в неприятности из-за смутных подозрений, возникших у ка- кого-то офицера, тем более если речь шла о полиции.

Смайли чувствовал усталость, глубокую тяжелую уста- лость. Он неторопливо двинулся к дому. Обедать он сегод- ня вечером будет вне дома. Возьмет что-то особенное. Те- перь только время ленча — и он проведет день, листая книгу ганзейского купца Олеария о путешествии по рус- скому континенту. Пообедает он в ресторанчике, где бывал с Анной, и единственный тост поднимет за удачливого убийцу, может быть, за Эльзу, с благодарностью за то, что, оборвав жизнь Самуэля Феннана, она покончила и с карьерой Джорджа Смайли.

Он вспомнил, что ему надо взять белье из прачечной на Слоан-стрит, и наконец повернул на Байуотер-стрит, най- дя место для парковки автомобиля примерно в трех здани- ях от своего дома. Он вылез из машины, зажав под мыш- кой большой пакет коричневой бумаги, полученный им в прачечной, старательно закрыл машину и по привычке обошел вокруг нее, подергав ручки. По-прежнему моросил

мелкий дождь. Он с сокрушением подумал, что кто-то опять поставил свою машину напротив его дома. Слава богу, что миссис Чапел закрыла окно в спальне, в противном случае дождь мог бы...

Внезапно он насторожился. Кто-то был в его кабинете. Блеснул лучик, мелькнула тень, напоминающая человека. Там кто-то есть, он в этом уверен. Он увидел или ему подсказал инстинкт? Или же это ему сообщили навыки его профессии? Нервы или отточенное чутье, полузабытое умение воспринимать тревожный сигнал предупредили его, и он прислушался к этому предупреждению.

Поразмышляв несколько секунд, он сунул ключи обратно в карман плаща, поднялся по ступенькам к своей собственной двери и позвонил.

Звук эхом разнесся по всему дому. После минутного молчания до слуха Смайли донеслись приближающиеся к двери шаги, твердые и уверенные. Звяканье цепочки, щелканье ингерсолловского замка, и дверь открылась мягко и бесшумно.

Смайли никогда раньше не видел его. Высокий, симпатичный, с открытым лицом, лет тридцати пяти. Легкий серый пиджак, белая рубашка и серебристый галстук — типичный дипломат. Немец или швед. Его левая рука значительно покоилась в кармане пиджака.

Смайли застенчиво посмотрел на него.

— Добрый день. Простите, мистер Смайли у себя?

Дверь открылась настежь. Легкая пауза.

— Да. Не хотите ли войти?

Какую-то долю секунды он медлил.

— Нет, спасибо. Не будете ли вы так любезны передать ему? — Протянув человеку пакет с бельем из прачечной, он снова одолел ступени и направился к своей машине. Он знал, что ему смотрят в спину. Двинув с места машину, он повернул и поехал по Слоан-стрит, даже не взглянув на свой дом. Найдя стоянку, он зарулил на нее и мгновенно записал в блокнот семь номеров машин. Все они стояли на Байуотер-стрит.

Что ему делать? Остановить полисмена? Кто бы ни был тот человек, скорее всего, он уже ушел. Были и другие соображения. Снова заперев машину, Смайли направился к телефонной будке через дорогу. Позвонив в Скотленд-Ярд, он связался со Специальным отделом и попросил к телефону инспектора Мендела. Выяснилось, что инспектор, доложившись суперинтенданту и предвкушая грядущее удовольствие от отставки, отбыл к себе в Митчем. После

долгих уклончивых уговоров Смайли все же получил его адрес и, снова сев в машину, объехал площадь и направился к Альберт-бридж. В новом пабе, нависшем над рекой, он взял сэндвич и большую порцию виски, а через четверть часа уже пересекал мост, направляясь в Митчем, дождь по-прежнему поливал его многострадальную маленькую машину. Он был обеспокоен — и очень серьезно обеспокоен.

Глава 6

«МГ-салон» в Баттерси

Когда он приехал на место, по-прежнему шел дождь. Мендел возился в садике, натянув на голову самую экстравагантную шляпу, которую Смайли когда-либо доводилось видеть. Начав свое существование как головной убор австралийских или новозеландских войск, она, судя по всему, проделала немалый путь превращений — широкие поля обвисли по кругу, так что теперь шляпа напоминала всего лишь огромный мухомор. Мендел копошился у дерева, окапывая его ствол остроконечной лопатой, которой ловко орудовал своими мускулистыми руками.

Он бросил на Смайли беглый взгляд, а затем по лицу его расплзлась широкая улыбка, когда он протянул ему руку.

— Никак неприятности, — сказал Мендел.

— Неприятности.

По тропинке Смайли проследовал за ним в дом. Типичный уютный и удобный пригородный домик.

— Огня в гостиной я еще не развел — только что приехал. Как насчет чашки чая?

Они вошли на кухню. Смайли был удивлен, увидев хирургическую чистоту, наведенную почти с женской тщательностью. Лишь полицейский календарь на стене не вписывался в эту картину. Пока Мендел ставил чайник на плиту и возился с чашками и блюдами, Смайли бесстрастно изложил, что произошло на Байуотер-стрит. Когда он кончил, Мендел долгое время молча смотрел на него.

— Но почему он пригласил вас войти?

Моргнув, Смайли слегка покраснел.

— Я и сам этому удивляюсь. На секунду я даже растерялся. Слава Богу, что у меня был пакет.

Он отпил чаю.

— Хотя не думаю, что это сбило его с толку. Я рассчитывал на это, но сомневаюсь. И достаточно серьезно.

— Не сбило с толку?

— Ну, в общем-то я для него был не тем, кого он ждал. Маленький человечек в «форде», доставивший пакет из прачечной. Кем я мог быть? Кроме того, я спросил, дома ли Смайли, но не изъявил желаний дожидаться его — должен быть, он подумал, что я какой-то псих.

— Но почему он там оказался? Что ему было от вас нужно? За кого он вас принял?

— Понимаете, в этом-то все и дело, именно в этом. Думаю, ждал он именно меня, но никак не мог себе представить, что я позвоню у дверей. Я сбил его с толку. Думаю, он хотел убить меня. Поэтому и попросил меня войти: он вроде бы опознал меня, но лишь смутно, поскольку видел меня только на снимке.

Мендел молча смотрел на него некоторое время.

— Господи, — сказал он.

— Предположим, что я прав, — сказал Смайли, — во всех смыслах. Предположим, что Феннан в самом деле был убит прошлым вечером, и утром мне почти удалось докопаться до этого. Может быть, у вас и иная точка зрения, связанная с профессией, но я как-то не привык к убийствам.

— И что дальше?

— Не знаю. Просто ничего не знаю. Но, может, прежде чем двинуться дальше, вы могли бы проверить для меня эти машины по номерам. Утром они стояли на Байуотер-стрит.

— Почему бы вам самому этим не заняться?

Несколько секунд Смайли с удивлением смотрел на него. Потом ему пришло в голову, что он еще не упомянул о своей отставке.

— Простите. Я ведь вам еще не сказал, не так ли? Утром я подал прошение об отставке. Опередил события, не дожидаясь, пока меня уволят. Так что я свободен как ветер. Могу братья за любую работу.

Мендел взял список номеров машин и пошел в холл к телефону. Через минуту он вернулся.

— Через час обещали позвонить, — сказал он. — Давайте прогуляемся. Я покажу вам свои владения. Вы разбираетесь в пчелах?

— Да, но очень немного. Энтомология в Оксфорде просто убивала меня. — Ему пришлось рассказать Менделу, как он воевал с «Метаморфозами» Гёте, в которых шла

речь о растениях и животных, в надежде, подобно Фаусту, выяснить, «что движет сокровенной сутью мира». Он хотел объяснить, почему невозможно было понять Европу XIX столетия, не углубляясь в дебри естественных наук; он увлеченно развивал эту серьезную тему, но в глубине души чувствовал, что мозг продолжает напряженно размышлять над событиями дня и что он никак не может избавиться от нервного возбуждения. Ладони рук непрерывно потели.

Они с Менделом вышли через заднюю дверь. У низкой кирпичной стены, опоясывавшей садик, стояли три аккуратных улья. Как только они оказались под легким дождчиком, Мендел заговорил:

— Всегда хотел иметь их, понять, что к чему у них. Прочел кучу книг и должен вам сказать, они жутко перепугали меня. Этакие странные маленькие бродяги. — Несколько раз он энергично кивнул головой, подчеркивая значимость своих слов, и Смайли снова с интересом посмотрел на него. У Мендела было сухое и энергичное лицо, с которого не сходило выражение замкнутости; его коротко подстриженные седоватые волосы топорщились в разные стороны. Погода, казалось, его совершенно не волновала, равно как и он ее.

Смайли прекрасно знал, какая жизнь осталась у Мендела за плечами, ибо по всему миру он видел у полицейских такую же выдубленную кожу, ту же смесь терпеливости, ехидства и гнева. Он прекрасно представлял себе долгие бесплодные часы, когда приходилось сидеть в засаде, не обращая внимания на погоду, в ожидании того, кто, может быть, никогда не придет... или мелькнет и мгновенно исчезнет. И он знал, насколько Менделу и таким, как он, приходилось зависеть от милости самых разных лиц, среди которых были капризные и вспыльчивые, нервные и непостоянные, лишь изредка обретавшие мудрость и сочувствие. Он знал, с какой легкостью умный человек может быть сломлен волей своего начальства, которое с легкостью может отбросить в сторону недели круглосуточной терпеливой работы.

По извилистой дорожке Мендел подвел его к куче битого камня рядом с ульями и, по-прежнему не обращая внимания на погоду, принялся разбирать ее, показывая и объясняя. Говорил он короткими фразами, с продолжительными паузами, медленно и точно работая длинными пальцами.

Наконец они снова оказались в доме, и Мендел показал ему две комнаты внизу. Кабинет был выдержан в цве-

точном стиле: цветочные занавеси и ковер, цветастые накидки на мебели. На маленькой полочке в углу стояли несколько старинных пивных кружек и кубок за снайперскую стрельбу.

Смайли последовал за хозяином наверх. Здесь стоял запах парафина и слышалось непрерывное бульканье в бачке туалета.

Мендел показал ему свою спальню.

— Прямо комната для новобрачной. Кровать купил на распродаже за фунт стерлингов. С пружинными матрацами. Просто удивительно, на что удается иногда наткнуться. Ковры в елизаветинском стиле. Приобрел в магазине в Уотфорде.

Смайли, смущаясь, продолжал стоять в дверях. Мендел, повернувшись, через открытую дверь провел его в другую спальню.

— А это ваша комната. Если хотите. — Он снова повернулся к Смайли. — На вашем месте я бы сегодня не возвращался домой. Ведь вам ничего так и не известно, не так ли? Кроме того, здесь вам будет лучше спать. На чистом воздухе.

Смайли начал было протестовать.

— Ваш решать. Поступайте, как вам нравится. — Мендел помрачнел и замкнулся. — Честно говоря, не понимаю я ваши дела. Поступайте, как считаете нужным. Насколько я в вас разбираюсь, вы вполне можете сами о себе позаботиться.

Они снова спустились вниз. Мендел разжег газовый камин в гостиной.

— Во всяком случае, вы должны позволить мне пригласить вас на обед сегодня вечером, — сказал Смайли.

В холле зазвонил телефон. Должно быть, звонила секретарша Мендела с сообщением о номерах машин.

Вернувшись, Мендел протянул Смайли список из семи фамилий и адресов. Четыре из них можно было вычеркнуть: адреса были по Байуотер-стрит. Остались трое: машина фирмы «Адам Скарр и сыновья» из Баттерси; фургон, принадлежавший компании по производству черепицы из Истбурна, третья же была особо подчеркнута, как имущество панамского посла.

— Я могу заняться теми, кто работает на панамцев. Трудностей не предвидится — в посольстве всего три машины.

— И Баттерси тут недалеко, — продолжал Мендел. — Мы можем на пару подскочить туда. В вашей машине.

— Конечно, конечно, — быстро сказал Смайли, — а потом мы отправимся в Кенсингтон обедать. Я закажу столик в «Антраша».

Было четыре часа. Они посидели еще немного, рассеянно болтая о пчелах и домоводстве. Мендел был спокоен и расслаблен, а Смайли напряжен и растерян, ибо, пытаясь поддерживать разговор, он старался не выглядеть слишком заумным. Он попытался представить, что Анна могла сказать о Менделе. Она попыталась бы очаровать его и голосом и внешностью, а когда бы он вошел в их жизнь, потеряв всю свою загадочность, она бы говорила о нем:

«Милый, кто бы мог подумать, что он может быть таким уютным. Вот бы о ком не подумала, что он может подсказать мне, где есть дешевая рыба. И какой у него симпатичный маленький домик — просто представить невозможно — и, должно быть, он прекрасно разбирается в старинных пивных кружках. Он мне кажется таким милым. лягушонок, пригласи его на обед. Ты просто обязан».

Он бы, конечно, этого не сделал, но она проявила бы настойчивость — и нашла бы способ очаровать его. А после забыла бы.

На самом деле Смайли и сам хотел этого — найти возможность проникнуться симпатией к Менделу. По этой части он соображал не так быстро, как Анна. Но Анна оставалась Анной — она практически прикончила на месте своего племянника из Йтона, когда стала запивать рыбу кларетом, а если бы Мендел прожег своей трубкой ее козетку, она, скорее всего, не обратила бы на это внимание.

Мендел налил еще чаю, и они выпили его. Примерно в четверть шестого они в машине Смайли двинулись в Баттерси. По пути Мендел купил вечернюю газету. Читал он ее с трудом, пытаясь использовать беглый свет уличных фонарей. Через несколько минут он выпалил с внезапной злобой:

— Боши. Паршивые боши. Господи, как я их ненавижу!

— Боши?

— Боши. Гунны. Джерри. Паршивые немцы. И гроша не дам за любого из них. Кровавые хищники, притворяющиеся овечками. Снова убивают евреев. А нам все нипочем. Прибили их, а теперь помогаем. Простить и забыть? Почему, черт возьми, надо забывать, хотел бы я знать?

Почему надо забывать грабежи, убийства и насилия? Только потому, что ими занимались миллионы? Господи, да за бедным маленьким извращенцем или банковским клерком, который стащил десять шиллингов, гоняется вся полиция. Но Крупп и вся эта банда — о нет! Боже небесный, да если бы я был евреем в Германии, я бы...

Смайли внезапно встрепенулся.

— И что бы вы сделали? Что бы вы тогда сделали, Мендел?

— Думаю, что так бы и сидел себе. Теперь говорят статистика и политика. Они гласят, что давать им водородную бомбу нет смысла. И тут еще янки — миллионы этих проклятых евреев в Америке. И что они делают? Черт бы их побрал: дают бошам бомбы. Все в кучу — можете взрывать себя.

Мендел так и трепетал от гнева, а Смайли молчал, думая об Эльзе Феннан.

— Ну и в чем же ответ? — спросил он только для того, чтобы что-то сказать.

— Бог его знает, — гневно ответил Мендел.

Они повернули к Баттерси и подъехали к констеблю, стоящему на тротуаре. Мендел показал свое полицейское удостоверение.

— Гараж Скарра? Ну, это вряд ли можно назвать гаражом, сэр, скорее просто двор. На нем лежат кучи металлолома и стоят подержанные машины. Пригодятся не тому, так другому, говорит Адам. Вы должны ехать по проезду Принца Уэльского, пока не доберетесь до больницы. Его хозяйство зажато между двумя стандартными домами. Когда-то там была большая воронка, но старый Адам засыпал ее шлаком, заровнял почву, и никто его больше не трогает.

— Чувствуется, вы хорошо знаете его, — сказал Мендел.

— Приходится. Я уже несколько раз подбирался к нему. Пожалуй, нет такой статьи, по которой Адама нельзя было бы привлечь. Он у нас круглый год на примете, Скарр этот.

— Ну-ну. Что-нибудь на нем сейчас числится?

— Не могу сказать, сэр. Но вы в любое время можете прихватить его за нелегальное букмекерство. Все его действия подпадают под закон.

Они проехали мимо больницы Баттерси. В свете уличных фонарей парк справа от них выглядел угрюмым и враждебным.

— Что там относительно законов? — спросил Смайли.

— Да он просто шутил. Имеется в виду, что список подвигов так велик, что человека смело можно отправлять в предварительное заключение — и на несколько лет. Похоже, что это моя клиентура, — сказал Мендел. — Предоставьте его мне.

Двор был точно таким, как его описал констебль, — зажатый между двумя невзрачными сборными домами, а на краю бывшей воронки выстроился неровный ряд каких-то подобных жилищ. Повсюду валялись щебень, битый кирпич и мусор. Куски асбеста, балки и старое железо, которое мистер Скарр, скорее всего, предназначал для продажи, были свалены по углам двора, освещенные слабым светом из окон соседних домов. Двое мужчин молча осматривали их. Затем Мендел пожал плечами, засунул в рот два пальца и резко свистнул.

— Скарр! — крикнул он. Свет в стоявшем в отдалении доме погас, и три или четыре машины довоенного выпуска в разной степени распада стали почти неразличимы в темноте.

Дверь дома медленно открылась, и на пороге показалась девочка лет двенадцати.

— Папа дома, дорогуша? — спросил Мендел.

— Не-а. Куда-то смылся. В Прод пошел.

— Ясно, дорогуша. Спасибо.

Они вернулись к шоссе.

— Что это за Прод, если я правильно понял? — сказал Смайли.

— Кабачок тут за углом. Можем пройтись — всего сотня ярдов. Оставим машину здесь.

Таверна только что открылась к вечеру. Зал был пуст, и, пока они ждали появления хозяина, широко распахнулась дверь и вошел очень толстый человек в черном пиджаке. Направившись прямо к бару, он швырнул на него монету в полсоверена.

— Уилф! — заорал он. — Пошевеливайся, счастливчик, пришел клиент! — Он повернулся к Смайли. — Добрый вечер, приятель!

Откуда-то из глубины бара раздался голос:

— Скажи им, пусть оставят деньги на стойке и заходят попозже.

Толстяк несколько секунд присматривался к Менделу и Смайли, а затем разразился хохотом.

— Только не им, Уилф, — они занятные люди! — Шутка настолько развеселила его, что в конце концов ему при-

шлось рухнуть на скамейку, что стояла вдоль стены, и, упершись руками в колени и тряся толстыми плечами, он продолжал захлебываться от хохота, пока на глазах у него не выступили слезы. Время от времени он выдавливал из себя: «Во дает, ну, дает!», набирая в грудь воздуха для очередного взрыва хохота.

Смайли с интересом смотрел на него. Шею его окаймлял некогда стоячий, а теперь просто очень грязный воротничок с закругленными концами, на груди болтался прищипленный галстук в красных цветочках; на нем были армейские ботинки, лоснящийся черный пиджак и очень поношенные брюки, давно не знавшие прикосновения утюга. Обшлага рубашки, черные от пота и машинного масла, были подвязаны веревочками, чтобы не сползали.

Появившийся хозяин принял у них заказ. Незнакомец взял большую порцию виски, бутылку имбирного вина и расположился в помещении, где горел камин. Хозяин неодобрительно смотрел на него.

— Теперь с него хватит, с выпивохи. Просто обожает сидеть у огня.

— Кто он? — спросил Мендел.

— Этот? Зовут его Скарр. Адам Скарр. Бог знает, почему у него такое имя. Стоит представить его в Эдеме, так прямо выворачивает. Тут в округе говорят, что, если бы Ева дала ему яблоко, он бы слопал его до корешка. — Хозяин пивной присвистнул сквозь зубы и, втянув в себя воздух, покачал головой. Затем крикнул Скарру: — Эй, Адам, ты еще что-то соображаешь? Тут люди отмахали черт-те сколько миль, чтобы увидеть тебя, понял? Ты недоразвитое чудовище из космоса, вот кто ты такой! Встань и иди сюда. Адам Скарр — один взгляд на тебя, и ясно, что тебя можно сажать.

Снова взрыв хохота. Мендел наклонился к Смэйли.

— Идите и подождите в машине — вам лучше не впутываться в это дело. Пятерка есть?

Смайли кивнул в знак согласия, вынул из бумажника пять фунтов и дал Менделу, после чего вышел. Он не мог представить себе ничего более ужасного, чем иметь дело со Скарром.

— Это вы Скарр? — спросил Мендел.

— Приятель, да ты попал в самую точку.

— ТРК 0891. Это ваша машина?

Виски уже начало сказываться, и мистер Скарр нахмурился. Вопрос, чувствовалось, поверг его в печаль.

— Ну? — спросил Мендел.

— Была, эсквайр, была моей.

— Что вы, черт возьми, имеете в виду?

Приподняв правую руку на несколько дюймов от стола, Скарр позволил ей безвольно упасть обратно.

— Темна вода, сквайр, мутная водичка.

— Слушай, я поджаривал куда более крупную рыбу, чем ты даже можешь себе представить. Я тебе не кисейная барышня, понял? И плевать мне на твои вонючие делишки! Где эта машина?

Скарр попытался перевести эти слова в привычные для него понятия.

— У меня начинает проясняться, дружище. Тебе нужна информация.

— Конечно, провалиться тебе на этом месте!

— Настали тяжелые времена, сквайр. Стоимость жизни, дорогой мой, летит прямо к звездам. Информация — это товар, на который всегда есть покупатель, ясно?

— Скажи мне, кто нанял эту машину, и с голоду ты не помрешь.

— Я уже голодаю, приятель. И хотелось бы основательно поесть.

— Пятерка.

Скарр допил виски и со стуком поставил стакан на стол. Поднявшись, Мендел принес ему еще виски.

— Ее украли, — сказал Скарр. — Несколько лет я сдавал ее напрокат. Под залог.

— Подо что?

— Залог. Парню нужна машина на день. Берешь двадцать фунтов наличными, ясно? Когда он возвращает машину, то должен тебе сорок шиллингов. Проводишь по книгам и получаешь десятку. Усек?

Мендел кивнул.

— Три недели тому назад ко мне пришел этот парень. Высокий шотландец. Чувствуется, что с деньгами. Уплатил мне залог, взял машину, и с тех пор я не видел ни его, ни автомобиля. Чистый грабеж.

— Почему ты не сообщил в полицию?

Помедлив, Скарр потянулся к стакану. Взгляд, который он бросил на Мендела, был полон печали.

— Этому мешало очень многое, сквайр.

— Ты хочешь сказать, что сам украд эту машину?

Скарр изобразил возмущение.

— Никто еще не мог обвинить меня в этом, — с ханжеской благочестивостью сказал он. — И больше я ничего не скажу.

История Скарра

— Когда ты сдавал ему машину, заполнял он какие-то документы? Страховку, расписку и тому подобные? Где они?

— Фальшивые, все фальшивые. Он дал мне свой адрес в Илинге. Я подъехал туда, но такого не существует. Не сомневаюсь, что имя у него тоже липовое.

Мендел скрутил купюру в комоч и кинул его через стол Скарру. Тот разгладил ее и внимательно рассмотрел.

— Теперь я знаю, где тебя найти, — сказал Мендел, — довольно много знаю о тебе. Если ты скормил мне вранье, я тебе шею переломаю.

Все время шел дождь, и Смайли пожалел, что забыл о шляпе. Он пересек дорогу, повернул на боковую улицу, на которой располагались владения мистера Скарра, и двинулся к машине. На улице никого не было, и вокруг стояла странная тишина. В двухстах ярдах ниже по дороге располагалась главная больница Баттерси, маленькая и уютная, и на улицу падали многочисленные полосы света из ее окон, на которых не было занавесок. Тротуар был залит дождем, и четкое эхо его шагов отдавалось от стен окрестных домов.

Он поравнялся с первым сборным домом, который граничил с хозяйством Скарра. Во дворе стояла машина с горящим поворотником. Заинтересовавшись, Смайли свернул с улицы и подошел к ней. Это был старый «МГ-салон», некогда зеленый, но в годы войны перекрашенный в коричневый цвет. Номерной знак был еле освещен и заляпан грязью. Он остановился и наклонился к нему, пальцем счищая грязь: ТРК 0891. Ну, конечно — один из тех номеров, что он записал утром.

За спиной он услышал шаги и, полуобернувшись, поднялся. Он едва успел вскинуть руку, как на него обрушился удар.

Удар был ужасен — череп должен был разлететься на кусочки. Падая, он почувствовал, как теплая кровь хлынула по левому уху. «Больше не надо, Господи, больше не надо», — подумал Смайли. Больше ничего он не чувствовал, но словно бы издали увидел собственное тело, медленно рассыпающееся на куски, подобно битому камню, — и больше ничего. Ничего, кроме тепла собственной крови, которая, стекая по лицу, заливала шлак, да какого-то гула вдалеке, как от работающей бетономешалки. Она была где-то далеко.

Увидев его, Мендел подумал, не мертв ли Смайли. Вывернув свой плащ, он осторожно подsunул его Смайли под голову, а потом как сумасшедший кинулся к больнице, вломившись сквозь вращающиеся двери приемного покоя в ярко освещенное помещение, где двадцать четыре часа в сутки шла работа. Дежурил молодой врач, цветной. Мендел показал ему свою полицейскую карточку и, что-то выкрикнув, ухватил за руку, пытаясь потащить врача за собой к дороге. Доктор терпеливо улыбнулся, покачал головой и, взявшись за телефон, вызвал машину «скорой помощи».

Мендел бегом вернулся обратно и стал ждать. Через несколько минут подъехала «скорая помощь», и два человека умело положили Смайли на носилки, которые вдвинули внутрь.

«Если я его потеряю, — подумал Мендел, — этот подонок заплатит мне за все».

Несколько минут он не двигался с места, глядя на сырые пятна грязи и кучи окарины там, где лежал Смайли, но в красном свете задних фонарей машины он больше ничего не видел. Земля была безнадежно истоптана ногами санитаров и тех обитателей сборных домов, которые, как стервятники, кружились поодаль. Они чувствовали, что случилась какая-то неприятность. А они не любили неприятностей.

— Подонки, — прошептал Мендел и медленно направился обратно в паб.

Теперь он был полон. Скарр заказал себе еще выпивки. Мендел взял его за руку. Скарр повернулся и сказал:

— Привет, приятель, вот и ты. Выпьешь немного того, что пришибло тетушку?

— Заткнись, — сказал Мендел. — Я хочу еще раз перекинуться с тобой несколькими словами. Давай выйдем.

Мистер Скарр покачал головой и сочувственно вздохнул, втянув воздух сквозь зубы.

— Никак не могу, приятель, ну, никак не могу. Я в компании. — Он кивнул на восемнадцатилетнюю блондинку с мертвенно-бледной помадой на губах и необъятным бюстом, которая недвижимо сидела за угловым столиком. В глазах ее, казалось, навсегда застыло удивленное выражение.

— Слушай, — прошептал Мендел, — через две секунды я тебе уши вырву с корнем, ты, паршивый лжец!

Скарр с небрежностью аристократа допил свое виски и с достоинством неторопливо вышел. Он даже не посмотрел на девушку.

Мендел перетащил его через улицу, двигаясь по направлению к сборным домам. В восьмидесяти ярдах от них на дороге подмигивал стоп-сигнал машины Смайли.

Они завернули во двор. «МГ» по-прежнему стоял на месте. Мендел крепко держал Скарра под руку, готовый в случае необходимости заломить ее и выдернуть из плечевого сустава.

— Ну и ну! — вскричал Скарр, подчеркнуто изображая радость. — Вернулась-таки к своему хозяину!

— Значит, она была украдена? — сказал Мендел. — Украдена высоким шотландцем со стеклом, который живет в Илинге. Как любезно с его стороны пригнать ее обратно, не так ли? Чувствуется, как он расположился к тебе за это время. Но ты ошибся в своих гнусных расчетах, Скарр! — Мендела колотило от гнева. — И почему горят поворотные огни? Открывай дверцу!

Повернувшись к Менделу в непроглядной тьме, Скарр стал хлопать по карманам в поисках ключей. Вытащив связку из трех или четырех, он нашел нужный и наконец открыл дверцу машины. Нырнув в нее, Мендел нащупал выключатель под крышей и врубил свет в салоне. Скарр в ожидании стоял снаружи.

Мендел обыскивал машину быстро, но тщательно. Отделение для перчаток, сиденья, пол, пространство под задним стеклом — ничего. Засунув руку в карман на дверце рядом с сиденьем пассажира, он вытащил оттуда карту и конверт. Конверт был серовато-голубого цвета, длинный и плоский. С континента, подумал Мендел. На нем ничего не было написано. Он разорвал его. Вместе с простой открыткой в нем было несколько потертых фунтовых банкнотов. Мендел поднес открытку к свету и прочел на ней несколько слов, начертанных шариковой ручкой: «ВСЕ КОНЧЕНО, ПРОДАВАЙ».

Подписи не было.

Он вылез из машины и схватил Скарра за локоть. Тот быстро сделал шаг назад.

— Что за дела, приятель? — спросил он.

— Это не мои дела, Скарр, — медленно заговорил Мендел. — Это твои дела. И самые паршивые из всех, что у тебя были. Заговор с целью убийства, покушение на убийство,

нарушение закона об охране безопасности. Можешь к этому добавить нарушение правил дорожного движения, заговор с целью обмана Управления налоговых сборов и еще пятнадцать других обвинений, которые придут мне на ум, пока ты будешь обдумывать свои дела на тюремной койке.

— Минутку, полицейский, давайте не будем гавкать на луну. В чем тут дело? О каком, черт возьми, убийстве идет речь?

— Слушай, Скарр, ты маленький человечек, но полез в большую игру, ясно? И я прикидываю, что она тебе обойдется лет в пятнадцать.

— Да я и говорить на эту тему не хочу.

— А я хочу, маленький человечек. Ты попал между двумя жерновами, которые в порошок тебя сотрут. Так что я собираюсь делать? Да просто помирать со смеху, когда ты попадешь в Скрабз* и твой толстый живот заметно осядет. Видишь вон ту больницу? Там отдаст концы человек, которого убил твой высокий шотландец. Полчаса тому назад его нашли истекающего кровью у тебя во дворе. Еще один труп в Сюррее, и, насколько я разбираюсь, появится еще один. Так что это твои проблемы, педераст, а не мои. И вот что — ты вроде единственный, кто знает, как выглядит убийца, не так ли? И скорее всего, он решит убрать тебя.

Скарр медленно обошел машину с другой стороны.

— Пусти меня, коп, — сказал он.

Мендел сел на место водителя и открыл дверь изнутри. Скарр сел рядом с ним. Света они не зажигали.

— У меня тут отлично идут дела, — тихо сказал Скарр, — и капает, хоть и помалу, но регулярно. Во всяком случае, капало до появления этого типа.

— Какого типа?

— Все в свое время, коп, не гони меня. Это было четыре года назад. И я не верил в Деда Мороза, пока не встретился с ним. Он сказал, что родом из Голландии и занимается алмазным бизнесом. Не собираюсь уверять тебя, что я ему поверил, потому что я в здравом уме, да и ты тоже. Я никогда не спрашивал его, чем он на самом деле занимается, и он мне никогда не говорил, но думаю, что его интересовала контрабанда. Монет у него было до черта, и они сыпались из него, как осенние листья. «Скарр, — как-то сказал он мне, — вы деловой человек. Известность мне не нужна, и я вижу, что мы с вами птицы одного полета. Мне

* Жаргонное название тюрьмы «Уормвуд скрабз» (Прим. пер.).

нужна машина. Не во владение, а чтобы брать ее напрокат». Он нес еще какую-то тарабарщину, но смысл я понял. «Ваши условия, — сказал я. — Давайте обговорим их».

«Ладно, — сказал он. — Я человек скромный. Мне нужна машина, но чтобы никто не догадался, что она моя, даже если я попаду в аварию. Купите мне машину, Скarr, симпатичную старую машину, чтобы у нее было что-нибудь под капотом. Запишите ее на свое имя, — сказал он, — но пусть она будет в постоянной готовности для меня. Вот вам для начала пятьсот фунтов, и двадцать фунтов вы будете получать каждый месяц за стоянку. За каждый день, что я буду ею пользоваться, Скarr, вы будете получать отдельное вознаграждение. Но, повторяю, человек я скромный, и вы меня вообще не знаете. За это вам и будут платить, — сказал он. — За то, что вы меня не знаете».

Тот день я никогда не забуду. Лило как из ведра, а я возился со старым такси, которое купил в Уондсуорте. Я выложил за него сорок фунтов.

Мистер Скarr выпустил воздух и снова набрал его в грудь с выражением невыразимого облегчения.

— Он стоял у меня над душой, давая понять, что обратного пути нет.

— Как он выглядел? — спросил Мендел.

— В общем-то довольно молодой. Высокий симпатичный парень. Но спокоен — спокоен и холоден, как церковная милостыня. После того дня я его никогда больше не видел. Он слал мне из Лондона письма, напечатанные на простой бумаге. Там было просто несколько слов: «Быть в готовности в понедельник вечером», «В среду вечером» и так далее. У нас было все обговорено. Я оставлял машину во дворе с полными баками и с ключом. Он никогда не говорил, когда вернется. Просто подруливал ко времени закрытия, выключал свет и запирали дверь. За каждый день отлучки он оставлял пару фунтов в боковом кармане.

— А если что-нибудь случилось бы, например, украли машину?

— Был номер телефона. Он сказал мне, чтобы я позвонил и назвал какос-нибудь имя.

— Какос именно?

— Он сказал мне, что я могу выбрать. Я выбрал Блонди. Он решил, что это не очень смешно, но мы сошлись на нем. Номер — Примроуз 0098.

— Ты им пользовался?

— Да, пару лет назад я повез свою подружку в Маргейт на десять дней. И подумал, что лучше дать ему знать. По

телефону ответила девушка — судя по акценту, тоже голландка. Она сказала, что Блонди в Голландии и она передаст ему мое сообщение. Но после этого я больше не пользовался этим номером.

— Почему?

— Понимаешь, я стал кое-чего соображать. Он являлся каждые две недели, в первый и третий вторник, кроме января и февраля. Это первый январь, когда он появился. Машину он возвращал обычно по четвергам. Как правило, под вечер. Но сейчас с ним покончено, верно? — Скarr держал в своей огромной лапше открытку, которую получил от Мендела.

— Он вообще пропал? Его давно не было?

— Зимой он обычно не показывается. Не является ни в январе, ни в феврале. Как я и говорил.

Мендел продолжал держать в руке пятьдесят фунтов. Он кинул их Скarrу на колени.

— Не рассчитывай, что тебе повезло. Я бы ни за какие деньги не захотел оказаться на твоём месте. Я еще вернусь.

Мистер Скarr встревожился.

— Доносить я не собираюсь, — сказал он, — но мне не хотелось бы ни во что впутываться. Во всяком случае, чтобы страдала моя добрая старая родина, понимаете, сквайр?

— Ох, да заткнись, — сказал Мендел. Он жутко устал. Он выдернул открытку из рук Скarr, вылез наружу и направился к больнице.

В больнице новостей не было. Смайли по-прежнему был без сознания. Отдел уголовного розыска был проинформирован. Менделу осталось только дать свой адрес и отправляться домой. Из больницы ему тут же позвонят, как только будут какие-то новости. Уговорив медсестру, Менделу удалось наконец получить ключи от машины Смайли.

До чего паршиво, подумал он, жить в Митчеме.

Глава 8

Размышления в больничной палате

Он ненавидел кровать, как утопающий человек ненавидит море. Он ненавидел простыни, которые спеленывали его так, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

И он ненавидел палату, потому что она пугала его. У двери стояла тележка с инструментами, ножницами, бинтами, бутылочками, странными предметами, покрытыми белым, как перед последним причастием, которые вызвали ужас перед неизвестностью. Там же стояла высокая банка с салфетками, концы которых напоминали крылья белого орла, только и ждущего, чтобы вцепиться ему в кишки; и маленькая баночка с резиновыми черными колечками, свернувшимися за стеклом, как змейки. Он ненавидел все, что его окружало, ненавидел и боялся. Когда ему было жарко, он обливался потом, а потом его бросало в холод, и пот высыхал на теле, а холодные струйки, текущие по ребрам, напоминали кровь. Ночи и дни смешались для Смайли. Он неустанно боролся со сном, потому что когда закрывал глаза, ему казалось, что они тут же поворачиваются зрачками вовнутрь его взбудораженного мозга, а когда порой ресницы смыкались под собственным весом, он прилагал все силы, чтобы разлепить их и снова смотреть на бледное пятно света где-то у него над головой.

Наконец пришел тот благословенный день, когда кто-то приказал снять с него бинты, и он опять увидел свет серого зимнего дня. До слуха его донесся шум уличного движения за окном, и он понял, что остался жить.

Так что проблема отхода в мир иной снова стала представлять чисто академический интерес — долг, который он может отложить, пока не станет достаточно богат и не сможет расплатиться с ним по собственному разумению. Им владело восхитительное чувство, равное полному очищению от грехов. Мышление его было чистым и ясным, и он, как Прометей, окидывал взором мир. Где это ему доводилось слышать слова: «...Мышление становится отделенным от тела, и оно имеет отношение лишь к бумажному царству...»? Ему надоел свет у него над головой, потому что ему хотелось иметь перед глазами что-то еще. Ему надоел запах винограда, медовых сот, цветов и шоколада. Он хотел держать в руках книги и литературные журналы; он разучится читать, если ему не будут давать книг. Ведь о периоде, который его интересовал, написано так мало исследований, и XVII столетие было бедно созидательным критицизмом.

Прошло не меньше трех недель, прежде чем Менделу разрешили посетить его. Он зашел, держа в руках новую шляпу, а под мышкой — книгу о пчелах. Шляпу он положил на кровать, а книгу — на столик. Он ухмылялся.

— Я купил вам книгу, — сказал он. — О пчелах. Об

этих маленьких умных бродягах. Она должна заинтересовать вас.

Он сел на край кровати.

— Купил новую шляпу. Просто рехнулся. Но надо же было отметить мою отставку.

— Ах да, я и забыл. Теперь вас тоже сунули на полку. — Оба они посмеялись, и снова наступило молчание.

Смайли моргнул.

— Боюсь, что не совсем отчетливо различаю вас сейчас. Мне не разрешают носить старые очки. Обещали принести новые. — Он помолчал. — Вы пока не знаете, кто напал на меня, не так ли?

— Кое-какие соображения имеются. Вроде бы, думаю, вышли на след. Беда в том, что я не знаю всего. Относительно вашей работы, я имею в виду. Вам что-то говорит название — миссия «Восточногерманского сталеплавильного предприятия?»

— Пожалуй, что да. Оно появилось тут четыре года назад с намерением завязать контакты с министерством торговли.

Мендел передал краткий отчет о разговоре с мистером Скарром.

— Говорит, что он был голландцем. Скарр мог связаться с ним единственным образом — звонить по телефону в Примроуз. Я проверил абонента. Телефон числится за «Восточногерманским сталеплавильным предприятием». Я послал человека поинтересоваться, что к чему. Их и след простыл. Ничего не осталось, ни мебели — словом, ничего. Только телефонный аппарат, да и тот вырван из розетки.

— Когда они съехали?

— Третьего января. Как раз в день смерти Феннана. — Он насмешливо посмотрел на Смайли. Тот, подумав минуту, сказал:

— Свяжитесь с Питером Гильомом в министерстве обороны и завтра притащите его сюда. Хоть за шиворот.

Взяв шляпу, Мендел направился к дверям.

— Пока, — сказал Смайли, — и спасибо за книгу.

— До завтра, — ответил Мендел, выходя.

Смайли снова лег ничком. Голова у него болела. Черт возьми, я так и не поблагодарил его за мед. Он же покупал мне его у «Фортнама и Мейсона».

Какой был смысл в том раннем утреннем вызове? Загадка эта мучила его больше всего. Смайли понимал, что

это глупо, но из всех несуразностей этого дела утренний звонок волновал его больше всего.

Объяснение Эльзы Феннан было совершенно глупым и не лезло ни в какие ворота. Анна — та да; она бы мгновенно придумала совершенно правдоподобное объяснение этому звонку, но только не Эльза Феннан. На ее напряженном и умном лице ничего не отразилось, и чувствовалось, что она не хочет ничего другого, как только сохранять свою полную независимость, пусть даже изображая рассеянность. Она могла бы сказать, что вызов сделан по ошибке, могла в конце концов сказать, что там спутали день. Феннан — да, тот был в самом деле рассеян. Это была одна из тех странных несообразностей в характере Феннана, которая бросилась в глаза еще до начала разговора. Страстный любитель вестернов, неутомимый шахматист, музыкант, поклонник и знаток философии, глубокий мыслитель — и рассеянная личность. У него однажды были ужасные неприятности из-за того, что он взял с собой какие-то секретные бумаги из Форин-офис, но выяснилось, что он выкинул их вместе с «Таймс» и вечерними выпусками перед тем, как отправляться домой в Валлистон.

Не взяла ли Эльза Феннан в этом паническом состоянии на себя заботы о делах мужа? Или же она руководствовалась его же мотивами? Не хотел ли Феннан, чтобы этот ранний вызов что-то напомнил ему и Эльза унаследовала его намерения? В таком случае о чем Феннан хотел, чтобы ему напомнили, и что его жена так страстно хотела скрыть?

Самуэль Феннан. Старый мир и новый избрали его местом встречи. Еврей до мозга костей, космополитичный поклонник культуры, независимый, старательный и восприимчивый. Смайли он показался исключительно привлекательным. Дитя века, преследуемый, как и Эльза, он перебрался из своей обожаемой Германии в английский университет. В силу своих способностей он смог преодолеть недоброжелательность и предрассудки, попав наконец в Форин-офис. Это можно было считать выдающимся достижением, за которое он мог быть благодарен только своим способностям. И если он был чуть более тщеславен, чуть более не склонен соглашаться с решениями более прозаическими, чем его собственные, — стоило ли его за это ругать? В свое время он вызвал легкую растерянность, объявив, что поддерживает раздел Германии, но с этим было давно покончено; его перевели в азиатский сектор, и вся эта история была забыта. Во всем же остальном он был

благороден по отношению к чужим ошибкам и пользовался популярностью как на Уайтхолле, так и в Сюррее, где несколько часов каждую неделю он посвящал благотворительности. Самой большой его страстью были лыжи. Каждый год он брал отпуск целиком и проводил все шесть недель в Австрии или Швейцарии. Смайли припомнил, что Германию он посетил только один раз — вместе с женой примерно четыре года назад.

Довольно естественно, что в Оксфорде Феннан присоединился к левым. Университетский коммунизм переживал свой большой медовый месяц, и его догмы, Бог знает почему, пришлись ему по сердцу. Возникновение фашизма в Германии и Италии, японское вторжение в Маньчжурию, восстание Франко в Испании, американские трущобы и вдобавок ко всему волна антисемитизма, захлестнувшая Европу, — не подлежало сомнению, что Феннан искал выход своему гневу и отвращению. Кроме того, партия в то время пользовалась уважением; крах лейбористов и неудача коалиционного правительства заставили многих интеллектуалов поверить, что только коммунизм может представить собой эффективную альтернативу капитализму и фашизму. Высокий подъем духа, атмосфера конспирации и товарищества как нельзя лучше соответствовали возвышенной душе Феннана, давая ему успокоение в его одиночестве. Ходили разговоры о поездке в Испанию; некоторые из тех, кто в самом деле поехал, как Корнфорд из Кембриджа, так и не вернулись.

Смайли отчетливо представлял себе Феннана в те дни — темпераментный и серьезный, он, без сомнения, рассказывал своим товарищам, что значат настоящие страдания, чувствуя себя ветераном среди новичков. Родителей его не было в живых — отец его был банкиром, у которого хватило сообразительности открыть небольшой счет в швейцарском банке. Лежало на нем немного, но хватило, чтобы попасть сыну в Оксфорд и укрыться от холодных ветров бедности.

Смайли хорошо помнил тот разговор с Феннаном; один среди многих, он все же отличался от них. Отличался первым делом из-за языка. Феннан был так разговорчив, так быстр и уверен в себе. «Самый большой их день настал, — сказал он, — когда двинулись шахтеры. Они шли из Ронты*, и товарищи решили, что сам дух Свободы спускается

* Долина Ронты — центр каменноугольной промышленности в графстве Гламорганшир, Южный Уэльс; место массовых выступлений рабочих против предпринимателей (*Прим. пер.*).

с ними с гор. То был голодный марш. Членам ячейки так и не пришло в голову, что участники марша могут быть в самом деле голодны, но я это понял. Мы наняли грузовик, и девочки нажарили бифштексы — целую кучу. Мы купили дешевое мясо у сочувствующего нам мясника на рынке. И поехали им навстречу. Но, понимаете, они не любили нас и не доверяли нам. — Он засмеялся. — Они были такие маленькие ростом — это я запомнил лучше всего, — маленькие и черные от угольной пыли, как тролли. Нам хотелось услышать их песни, и они в самом деле запели. Но пели они не для нас — для себя. Так я в первый раз увидел валлийцев.

И думаю, именно эта встреча заставила меня лучше понять мой народ — как вы знаете, я еврей».

Смайли кивнул.

— Они просто не знали, что делать с этими марширующими валлийцами. Что вы предполагаете делать, когда мечта становится явью? Тогда понял, почему партия не обращает внимания на интеллектуалов. Я думаю, партбоссы чувствовали себя не в своей тарелке, и им было стыдно. Стыдно за их спальни и кабинеты, за их толстые животы и умные эссе. Стыдно за свои таланты и чувство юмора. Они всегда превозносили шахтеров, которые учились грамоте, куском мела выводя буквы на грифельной доске. Им стало стыдно за то, что у них были ручки и бумага. Но стоило ли так небрежно отбрасывать их? Вот что я в конце концов и понял. Поэтому, наверно, я и оставил партию.

Смайли хотел спросить его, как Феннан сам чувствовал себя в то время, но Феннан снова заговорил. Он пришел к выводу, что с товарищами по партии его связывает очень немного. Они выглядели просто недорослями с их мечтами об очистительном пламени свободы, которое взметнется под музыку цыганских оркестров, и завтрашний мир на белом коне возникнет на берегах Балтийского залива; они были детьми, которые с удовольствием преподносили пиво голодающим шахтерам Уэльса, детьми, которые не могли устоять перед солнцем, встающим с Востока, с удовольствием подставляя под его слепящие лучи свои всклокоченные головы. Они любили друг друга и верили, что обожают человечество; они дрались друг с другом и считали, что воюют за весь мир.

Скоро он стал воспринимать их как забавную и трогательную публику. Он решил, что им бы лучше было вязать носки для солдат. Несовместимость мечты и реальности привела его к решению получше изучить и то, и другое; со

всей энергией он набросился на философские и исторические труды и, к своему удивлению, обрел мир и покой в интеллектуальной чистоте марксизма. Его восхищала его интеллектуальная безжалостность, он трепетал перед его бесстрашием, перед его отказом от всех академических традиционных ценностей. В конце концов именно эти занятия, а не партия дали ему силы выносить одиночество, философия, которая безжалостно предложила неопровержимые формулы, что одновременно унижали и вдохновляли его; и когда наконец он обрел успех, процветание и признание, то с сокрушением повернулся спиной к обретенным им в Оксфорде сокровищам своей молодости, потому что перерос их.

Так Феннан изложил свою историю, и Смайли понял его. Меньше всего его рассказ походил на историю ярости и отвращения, которую Смайли предполагал от него услышать, но (может быть, именно поэтому) она выглядела вполне реальной. Была и еще одна вещь, связанная с их беседой: Смайли был уверен, что Феннан не сказал ему еще чего-то важного.

Была ли какая-то фактическая связь между инцидентом на Байуотер-стрит и смертью Феннана? Смайли попытался представить, что он не имеет никакого отношения к этому делу. Оно обрело перспективу, и осталось лишь предположить, что и Феннан, и Смайли являются составными частями одной проблемы.

Последовательность событий плюс сила интуиции Смайли или его опыт, как бы там его ни называть, — его шестое чувство, которое подсказало ему, что лучше позвонить у своих же дверей, а не вынимать ключ, но которое тем не менее не смогло предупредить об убийце, скрывшемся в ночи с куском свинцовой трубы в руках.

Это верно, что беседа носила свободный характер. Прогулка по парку напоминала ему скорее Оксфорд, чем Уайтхолл. Прогулка по парку, кафе в Миллбанке — да и с точки зрения процедуры их встреча различалась от всех прочих, но надо ли это учитывать? Чиновник из Форин-офис прогуливается по парку, погруженный в серьезную беседу с неизвестным маленьким человечком... а что, если этот маленький человек не был так уже неизвестен!

Смайли взял книгу в бумажной обложке и стал писать на форзаце:

«Давайте примем за истину то, что еще нуждается в доказательствах: смерть Феннана и попытка покушения на Смайли в самом деле имеют отношение друг к другу.

Какие обстоятельства, предшествовавшие смерти Феннана, связывали его со Смайли?

1. До разговора, состоявшегося в понедельник, 2 января, я никогда не встречал Феннана. Я всего лишь прочел его досье в Департаменте и осторожно поговорил кое с кем.

2. 2 января в одиночку подъехал в такси к Форин-офис. ФО организовал нашу встречу, но не знал, повторяю, не знал заранее, кто будет проводить ее. Феннан, в свою очередь, не знал этого так же, как никто вне стен Департамента.

3. Беседа наша была разделена на две части: первая была в ФО, когда через помещение то и дело проходили люди, не обращая на нас никакого внимания, а вторая — вне здания, где любой мог нас увидеть...»

И что из этого следует? Ничего, хотя...

Да, это был единственный возможный вариант: тот, кто увидел их обоих, узнал не только Феннана, но и Смайли, и их союз ему решительно не понравился.

Почему? Каким образом Смайли стал представлять опасность? Внезапно он широко открыл глаза. Ну, конечно, только в одном качестве, только в одном: как офицер службы безопасности.

Он положил ручку.

Значит, тот, кто убил Сэма Феннана, ни в коем случае не хотел, чтобы тот говорил с работником службы безопасности. Может быть, кто-то из Форин-офис. Во всяком случае, тот, кто знал и Смайли. Тот, кто знал Феннана по Оксфорду, знал его как коммуниста, тот, кто боялся разоблачения, кто думал, что Феннан заговорит, да, скорее всего, уже заговорил. И в таком случае, конечно, со Смайли надо было кончать — и кончать побыстрее, пока он не успел еще написать рапорт.

Эта версия может объяснить убийство Феннана и покушение на Смайли. В ней есть определенный смысл, хотя его не так много. Он выстроил карточный домик, но у него по-прежнему в руках есть карты. А как насчет Эльзы, ее страхов, ее лжи, ее соучастия? А что делать с машиной и звонком в половине девятого? С анонимным письмом? Если убийца опасался контактов между Смайли и Феннаном, он вряд ли стал бы привлекать к нему внимание доносом? Так кто же? Кто?

Он лег на спину и закрыл глаза. В голове снова стала нарастать пульсирующая боль. Вероятно, Питер Гильом сможет оказать помощь. Он остается единственной надеждой. Голова у него шла кругом. И жутко разболелась.

Подведение итогов

Мендел, широко улыбаясь, втолкнул в палату Питера Гильома.

— Получайте его, — сказал он.

Разговор шел как-то скомканно. Гильом был напряжен, помня неожиданную отставку Смайли и испытывая неудобство из-за обстановки больничной палаты. Смайли был в синей пижаме; его отросшие волосы топорщились из-под повязки, а на левом виске еще был виден след огромного синяка.

После очередной неловкой паузы Смайли сказал:

— Послушайте, Питер, Мендел рассказал вам, что со мной произошло. Вы же специалист — что вы знаете о «Восточногерманском сталеплавильном предприятии»?

— Оно было чисто, как свежий снег, дорогой мой, если не считать его внезапного исчезновения. Там было всего три человека и сторожевой пес. Располагались они где-то в Хемпстеде. Когда они впервые появились, никто толком не предполагал, что они собираются тут делать, но за последние четыре года они неплохо проявили себя.

— Чем они занимались?

— Бог знает. Я предполагаю, что они собирались по прибытии убедить министерство торговли нарушить европейскую монополию на производство стали, но встретили холодный прием. Тогда они при помощи консульских связей стали предлагать станки и конечные продукты, обмен промышленной и технической информацией и так далее. Забыв о том, ради чего они тут оказались, стали предлагать более подходящий товар, как я предполагаю.

— Кто они были?

— Ну... пара инженеров — профессор такой-то и доктор сякой-то — пара девушек и какой-то сторожевой пес.

— Кто был в этой роли?

— Толком не знаю. Какой-то молодой дипломат для придания respeitability. Данные есть в Департаменте. Думаю, что смогу сообщить вам все подробности.

— Если вас это не затруднит.

— О, конечно нет.

Наступила еще одна неловкая пауза. Смайли сказал:

— Оченьгодились бы фотографии, Питер. Можете ли вы обеспечить их?

— Да, да, конечно. — С некоторым смущением Гильом

отвел глаза от Смайли. — На самом деле нам не так уж много известно о Восточной Германии, как вы знаете. Нам удается по крохам собирать информацию и тут, и там, но в целом зона продолжает оставаться для нас загадкой. Если они действуют, то, как правило, не прибегают ни к торговому, ни к дипломатическому прикрытию — и вот почему, если вы правы в своих предположениях относительно этого типа, странно, что он имеет отношение к этой конторе.

— Ага, — тупо сказал Смайли.

— Как они действуют? — спросил Мендел.

— Из нескольких отдельных случаев, которые нам известны, трудно сделать обобщающие выводы. Мне кажется, что они направляют агентов прямо из Германии, безо всяких контактов между контролером и агентом в оперативной зоне.

— Но ведь это должно их ужасно сковывать, — вскричал Смайли. — Приходится месяцами дожидаться, пока агент сможет добраться до места встречи вне своей страны. Да и, кроме того, у них вообще может не быть достаточно прикрытия для свободного передвижения.

— Скорее всего, так оно и есть, но, похоже, они преследуют какие-то несущественные цели. Они предпочитают использовать иностранцев — шведов, беглых поляков для краткосрочных заданий, когда ограниченность возможностей и техники не имеет такого значения. В исключительных случаях, когда у них есть агент-резидент в стране, на которую они нацелились, то прибегают к системе курьеров, скопированной с советского образца.

Теперь Смайли внимательно слушал.

— В сущности, — продолжал Гильом, — американцам очень редко удавалось перехватывать курьеров, потому мы так мало и знаем о технике ГДР.

— Например?

— Ну, они никогда не ждут на месте встречи, приходят не в назначенное время, а на двадцать минут раньше, используют предметы для опознания — словом, пускают в ход все эти старые штучки. Курьер должен выходить на контакт с тремя или четырьмя агентами — контролеру же приходится иметь дело с пятнадцатью. Они никогда не придумывают себе фальшивых имен.

— Что вы имеете в виду? Конечно же, они должны к ним прибегать.

— Они предоставляют это делать агентам. Агент придумывает имя, которое ему нравится, и контролер принимает

его. На самом деле это псевдоним... — Он остановился, с удивлением глядя на Мендела.

Мендел стремительно вскочил на ноги.

Гильом снова расположился на стуле и осведомился, можно ли тут курить, но ему пришлось неохотно признать, что администрация больницы это не поощряет. Он мял в руках сигарету.

— Ну? — спросил Смайли.

Мендел передал Гильому свой разговор с мистером Скарром.

— Вполне соответствует, — сказал Гильом. — Во всяком случае, тому, что мы знаем. Но во всем объеме ситуацию мы себе не представляем. Если Блонди исполняет обязанности курьера, то трудно представить себе — во всяком случае, исходя из моего опыта, — что он использует для прикрытия своей деятельности торговую миссию.

— Вы сказали, что миссия была здесь четыре года, — вмешался Мендел. — Блонди впервые явился к Скарру четыре года назад.

Несколько минут все молчали. Наконец Смайли серьезно сказал:

— Питер, но ведь это вполне возможно, не так ли? Я хочу сказать, что в силу определенных оперативных обстоятельств им, так же как и курьерам, понадобилась тут база.

— Если они в самом деле нацелились на крупную цель, то конечно.

— Вы хотите сказать, что в игру включился резидент, занимающий довольно высокое положение?

— Грубо говоря, да.

— И, предположив, что у них есть такой агент, типа Маккллина или Фукса, вполне возможно, что под прикрытием торговой миссии они организовали базу, которая не будет выполнять никаких оперативных заданий, кроме помощи этому агенту?

— Да, вполне возможно. Но это очень трудная задача, Джордж. Вы предполагаете, что агент прибыл из-за границы в роли курьера, который стал работать в торговой миссии, исполняя в то же время роль ангела-хранителя для агента. Для этого у него должны быть другие люди.

— Вы определили ситуацию достаточно точно, хотя я не это имел в виду. Я исхожу из того, что эта система требует достаточно высокопоставленного агента. Не забывайте, что у нас есть всего лишь слова Блонди, говорившего, что он прибыл из-за границы.

— А этот агент, — вмешался Мендел, — поддерживал ли он связь с миссией напрямую?

— Господи, да конечно нет, — сказал Гильом. — У него, скорее всего, имелась система срочной связи с ними — телефонный код или что-то в этом роде.

— Как она действует? — спросил Мендел.

— По-разному. Она может быть построена на использовании «неправильного номера». Вы набираете номер из телефона-автомата и говорите, что хотели бы побеседовать с Джорджем Брауном. Вам отвечают, что Джордж Браун здесь не живет, вы извиняетесь и вешаете трубку. Место и время встречи обговорено уже заранее, а имя, которое вы называете, служит сигналом опасности или срочного вызова.

— Чем еще могла заниматься миссия? — спросил Смайли.

— Трудно сказать. Может, снабжать его средствами. Организовывать тайники для донесений. Все это может брать на себя контролер и потом через курьера сообщать агенту. Большой частью они, как я вам говорил, работали по советским правилам — даже мельчайшая деталь должна находиться под контролем. Полевой агент практически не пользуется самостоятельностью.

Снова наступило молчание. Смайли посмотрел на Гильома, перевел взгляд на Мендела и сказал:

— Блонди не появлялся у Скарра в январе и феврале, не так ли?

— Да, — сказал Мендел, — в первый раз лишь в этом году.

— В январе и феврале Феннан обычно уезжал кататься на лыжах. Он изменил своему обыкновению в первый раз за четыре года.

— Интересно, — сказал Смайли, — неужели я должен буду снова увидаться с Мастоном?

Гильом с наслаждением потянулся и, улынувшись, сказал:

— Вы всегда можете попытаться. Его затрясло от ужаса, когда он узнал о нападении на вас. У меня смутное ощущение, что в его представлении Баттерси где-то на берегу моря, но пусть вас это не беспокоит. Расскажите ему, что на вас напали в чьем-то дворе — он поймет. Расскажите ему также и о покушавшемся на вас, Джордж. То есть вы никогда не видели его и не знаете, как его зовут, но он курьер восточногерманской разведки. Мастон тут же вернет вас; он так всегда делает. Особенно когда ему приходится докладывать министру.

Смайли посмотрел на Гильома и ничего не ответил.

— И поскольку вы получили такой удар по голове, — добавил Гильом, — он, конечно, все поймет.

— Но, Питер...

— Я знаю, Джордж, я все знаю.

— Я хотел бы сказать вам о другом. Блонди брал свою машину в первый вторник каждого месяца.

— Ну и?..

— Как раз в этот вечер Эльза Феннан отправилась к своим театрам. По вторникам, как она говорит, Феннан всегда работал допоздна.

Гильом встал.

— Дайте мне как следует покопаться в этом, Джордж. Пока, Мендел. Скорее всего, вечером я созвонюсь с вами. Во всяком случае, пока я не вижу, что мы можем сделать, но очень бы хотелось что-то выяснить, не так ли? — Он подошел к дверям. — Кстати, где находятся вещи Феннана — бумажник, записная книжка и так далее? Все, что было найдено на теле.

— Скорее всего, в полицейском участке, — ответил Мендел, — во всяком случае, до окончания расследования.

Стоя у дверей, Гильом еще несколько секунд смотрел на Смайли, подбирая слова на прощанье.

— Вам что-нибудь еще нужно, Джордж?

— Нет, спасибо... хотя есть одна вещь.

— Да?

— Не можете ли вы вместо меня связаться с уголовным розыском? Они уже трижды посещали меня, но пока, конечно, топчутся на месте. Намекните им, что вся эта история имеет отношение к разведке, идет? Сможете быть таинственным и многозначительным?

— Думаю, что получится.

— Я знаю, что это нелегко, Питер, потому что я не...

— О, есть кое-что еще — это развеселит вас. Я провел сравнение предсмертной записки Феннана и анонимного письма. И то, и другое писалось на одной машинке, но разными людьми. Чувствуется разница в силе удара и в интервалах, но машинка одна и та же. Пока, старина. Поципывайте виноград.

Гильом закрыл за собой двери. Они слышали удаляющееся эхо его шагов в пустом коридоре.

Мендел скрутил себе сигарету.

— Господи, — сказал Смайли, — неужели вас тут ничего не пугает? Вы тут где-нибудь видели сестру?

Мендел ухмыльнулся и покачал головой.

— Так и скончаешься тут в одиночку, — сказал он, зажимая сигарету тонкими губами. Смайли смотрел, как он прикуривал. Мендел вытащил зажигалку, откинул колпачок и крутанул колесико желтым пальцем. Прикрыв огонек чашей ладоней, он поднес его к сигарете. Его не мог бы задуть и ураганный порыв ветра.

— Вы же опытный сыщик, — сказал Смайли. — Что нам теперь делать?

— Полный бардак, — сказал Мендел. — Хаос.

— Почему?

— Все концы потеряны. Полиция ничего не делает. Ничего не зафиксировано. Сплошная алгебра.

— При чем тут алгебра?

— Первым делом вы должны доказать то, что может быть доказано. Найти постоянные величины. В самом ли деле она была в театре? Одна ли? Слышали ли соседи, как она возвращалась? Если да, то во сколько? В самом ли деле Феннан во вторник работал допоздна? Посещала ли его миссис театр каждые две недели, как она говорит?

— И тот звонок в 8.30. Можете ли вы объяснить мне его смысл?

— Чувствуется, он так и не выходит у вас из головы, не так ли?

— Да. Из всех невыясненных деталей он самый таинственный. Вы же знаете, что я размышлял над этим, но так и не вижу в нем никакого смысла. Я проверил расписание поездов. Он был довольно пунктуальный человек, хотя часто приезжал в ФО раньше всех. Он мог сесть на поезд в 8.45 или в 9.08 или в крайнем случае в 9.14. Выезжая в 8.45, он прибывал в 9.38 — он предпочитал появляться в офисе без четверти десять. Так что он никак не мог просить разбудить себя в 8.30.

— Может быть, ему просто нравился звук телефонного звонка, — сказал Мендел, вставая.

— И письма, — продолжал Смайли. — Одна и та же машинка, но разные люди. Не считая убийцы, к этом машинке имели доступ два человека: Феннан и его жена. Если мы примем, что предсмертную записку печатал сам Феннан, а он, без сомнения, подписал ее, то мы должны признать, что анонимное письмо печатала его жена. Зачем ей это было надо?

Смайли утомился и не мог скрыть облегчения, видя, что Мендел собирается уходить.

— Придется все приводить в порядок. Искать те самые постоянные величины.

— Вам понадобятся деньги, — сказал Смайли и вытащил несколько купюр из своего бумажника на столике. Мендел без особых церемоний взял их и покинул палату.

Смайли снова лег на спину. Голова его пылала, и что-то колотилось в висках. Он решил было позвать сестру, но побоялся. Постепенно гул стал стихать. Он слышал снаружи звук сирены «скорой помощи», когда она с улицы Принца Уэльского сворачивала во двор больницы.

— Может быть, ему просто нравился телефонный звонок, — пробормотал он и заснул.

Его разбудил шум какого-то спора в коридоре — он слышал возмущенные протестующие голоса сестер, шаги и голос Мендела, возражавшего им. Неожиданно открылась дверь, и кто-то включил свет. Моргая, он сел, бросив взгляд на свои часы. Было четверть шестого. Мендел что-то говорил ему, почти кричал. Что он пытался сказать? Что-то про мост Баттерси... о речной полиции... кто-то пропал еще вчера... Наконец он окончательно проснулся. Адам Скarr был мертв.

Глава 10

История девственницы

Мендел управлял машиной очень аккуратно, с педантичностью школьного инструктора, что показалось Смайли достаточно забавным. Мост Уайбридж, как обычно, был забит машинами. Мендел терпеть не мог автомобилистов. Дайте человеку собственную машину, и он оставляет скромность и здравый смысл, едва только выехав из гаража. Это относится ко всем — он видел епископа в пурпурной мантии, который в жилом квартале гнал на семидесяти, и испуганные прохожие разбежались с пути. Ему нравилась машина Смайли. Ему нравилась покорность, с которой она подчинялась ему, зеркала на крыльях, разные дополнительные приспособления и фонарик заднего хода. Это была вполне приятная и достойная маленькая машина.

Ему нравились люди, которые занимались своими вещами, которые доводили любое дело до конца. Ему нравились тщательность и точность. Если делать, то как полагаются. Как этот убийца. Что там говорил Скarr? «Молодой, но умный и спокойный. Спокойный, как благотворительность». Он понимал, что это значит, и Скarr тоже это

знал... полную пустоту и спокойствие в глазах молодого убийцы. Он не походил на дикого зверя, в нем не было ухмыляющейся ярости маньяка, а всего лишь врожденное чувство превосходства человека, слегка утомленного, но не нуждающегося в доказательствах. Такой опыт давался только войной. Лицемерие многих смертей заставляло спокойно воспринимать и свою собственную, но глубоко под этим в сердце профессионального убийцы крылось убеждение в собственном превосходстве. Да, Менделу приходилось сталкиваться с таким типом, действовавшим в одиночку, — с выцветшими глазами, бесстрастный, он спокойно, без тени эмоций рассказывал, как прикончил девушку. Да, он был совершенно спокоен.

Смерть Скарра испугала Мендела. Он взял со Смайли обещание не возвращаться на Байуотер-стрит, когда его выпишут из больницы. Во всяком случае, если повезет, пусть те продолжают думать, что он мертв. Смерть Скарра, без сомнения, доказала одно: убийца по-прежнему Англии, по-прежнему озабочен тем, чтобы обрубить все концы.

«Когда я встану, — прошлым вечером сказал Смайли, — мы должны снова выманить его из норы. Поманить его кусочком сыра». Мендел понимал, кому предназначалась роль кусочка сыра: Смайли. Конечно, если они не ошибались относительно мотивов, руководивших убийцей, то был еще один кусочек сыра — жена Феннана. Во всяком случае, мрачно подумал Мендел, может быть, не имеет смысла предупреждать ее, чтобы спасти от смерти. Устыдившись самого себя, он стал думать о других вещах. Например, снова о Смайли.

Странный маленький бедняга, этот Смайли. Он напомнил Менделу о толстячке, с которым играл в футбол в школе. Он не мог ни толком бегать, ни бить по мячу, был слеп, как летучая мышь, но играл с чертовской отвагой, не успокаиваясь, пока его не раздирали буквально в клочья. Такие, случается, выходят на ринг. Совершенно открытый, руки раскинуты: когда рефери наконец останавливает бой, его уже успевают измолотить до полусмерти. Тоже мне умники.

Остановившись ради чашки чая и булочки у придорожного кафе, он направился в Уайбридж. Театр находился на улице с односторонним движением, отходившей от Хай-стрит, где стоянка была запрещена. Наконец он оставил машину на станции и вернулся в город.

Парадный вход в театр был заперт. Пройдя под кирпич-

ной аркой, Мендел обошел здание. Ему встретилась распахнутая настежь зеленая дверь. Внутри был турникет и надпись мелом: «Служебный вход». Звонка у дверей не имелось, и из коридора, выкрашенного темно-зеленой краской, доносился легкий запах кофе. Миновав двери, Мендел двинулся по коридору, в конце которого обнаружил каменную лестницу с железными перилами, что вела наверх к другим зеленым дверям. Запах кофе усилился, и он услышал голоса.

— Дорогой мой, да это, откровенно говоря, сушая мерзость. Если стервятники от культуры в проклятом Сюррее хотят три месяца подряд смотреть на Барри, то пусть так и будет, скажу я вам. Три года у нас или Барри, или «Гнездо кукушки», и я лично думаю, что Барри совершенно отупел, — это был голос женщины средних лет.

Ворчливый мужской голос ответил:

— Ну, Людо в любой момент может сыграть Питера Пэна, не в пример тебе.

— Ну, суки, вот суки, — сказал третий голос, тоже мужской, и Мендел открыл двери.

Он оказался за кулисами. Слева от него был помост из толстой фанеры, на котором горела дюжина свечей. Перед ним стоял дурацкий стул в стиле рококо, в лаке и позолоте, для суфлера и актеров.

В середине сцены на подмостках сидели двое мужчин и женщина, попивая кофе и куря. Декорация изображала палубу судна. В центре сцены висела мачта, с которой свисали веревочные лестницы, а огромная пушка из папье-маше смотрела в задник, изображающий море и небо.

Когда Мендел появился на сцене, разговор сразу же резко прервался. Кто-то пробормотал:

— Господи, как привидение на ярмарке, — и все присутствующие, уставившись на Мендела, захихикали.

Первой обратилась к нему женщина.

— Вы кого-нибудь ищете, дорогой мой?

— Простите за вторжение. Я хотел бы поговорить с кем-нибудь относительно абонирования места в театре. Вступить в клуб.

— О, да, конечно. Это просто великолепно, — сказала женщина, вставая и подходя к нему. — Просто чудесно. — Схватив его левую руку обеими руками, она энергично потрясла ее, делая в то же время шаг назад и вытягивая руки на всю длину. Это был жест властительницы замка — леди Макбет встречает Дункана. Склонив голову набок, она игриво улыбнулась и, выпустив руку, провела

его на другую сторону сцены. Там оказалась небольшая комнатка, заклеенная старыми афишами и программами, заваленная сальными париками и деталями костюмов.

— Видели ли вы в этом году нашу программу? Например, «Остров сокровищ»? Восхитительный успех. И вам не кажется, что в нашей постановке куда больше социального содержания, чем в этих вульгарных сопливых сказках?

— Ну, как же, — ответил Мендел, не имея ни малейшего представления о предмете разговора и глядя в то же время на кучку аккуратно сложенных счетов. По тексту на верхнем из них явствовало, что он был выписан миссис Людо Ориэл четыре месяца назад.

Она пронизательно посмотрела на него сквозь очки, маленькая и смуглая, с морщинистой шеей и густым гримом на лице. Мешочки под глазами она попыталась скрыть косметикой, но ожидаемого эффекта не последовало. На ней были мешковатые брюки и толстый свитер, небрежно измазанный темперой. Курила она беспрерывно. Рот у нее был очень большой, и зажатую в губах сигарету она держала точно посередине его, как раз под носом; губы ее были постоянно втянуты, искажая пропорции нижней части лица, отчего у нее постоянно было нетерпеливое и обиженное выражение. Мендел решил, что, скорее всего, эта женщина неглупа и с ней придется нелегко. Видно было, что она с облегчением восприняла известие, что ей не придется сейчас расплачиваться по счетам.

— Вы в самом деле хотите вступить в клуб?

— Нет.

Внезапно она пришла в ярость.

— Если вы из этих проклятых коммивояжеров, можете убраться! Я сказала, что заплачу, и так и будет, только не приставайте ко мне. Если вы сообщите людям, что со мной кончено, так оно и будет, и в проигрыше останетесь вы, а не я.

— Я не кредитор, миссис Ориэл. Я пришел предложить вам денег.

Она ждала продолжения.

— Я агент по бракоразводным делам. У меня есть богатый клиент. Я хотел бы задать вам несколько вопросов и готов уплатить за потраченное время.

— Господи, — с облегчением сказала она. — Почему вы сразу же не сказали об этом?

Они рассмеялись. Мендел положил пятифунтовую банкноту на стопку счетов.

— Итак, — сказал Мендел, — как вы ведете списки членов клуба? Дает ли членство им какие-то преимущества?

— Ну, каждое утро ровно в одиннадцать мы варим кофе на сцене. Члены клуба имеют право посещать наши кофепития в перерывах между репетициями от 11.00 до 11.45. За заказ они, конечно, платят, но вход разрешен только исключительно членам клуба.

— Ясно.

— Скорее всего, вас интересует именно это. По утрам к нам являются только гомики и нимфоманки.

— Вполне возможно. Что дальше?

— Каждые две недели мы показываем самые разные постановки. Члены клуба могут абонировать место на определенный день на каждое представление — во вторую среду на каждом представлении и так далее. Постановки, как правило, у нас проходят в первый и третий понедельник месяца. Представление начинается в 7.30, и для членов клуба мы держим места до 7.20. У девушки в кассе есть план зрительного зала, и она вычеркивает каждое место, когда оно продано. Места, зарезервированные клубом, отмечены красным и не продаются до последней минуты.

— Понимаю. Так что, если кто-то из членов вашего клуба не занимает свое привычное место, оно вычеркивается на плане?

— Только если билет на него продан.

— Конечно.

— После первой недели зал у нас обычно неполон. Мы пытаемся ставить одну пьесу в неделю, но не так просто раздобыть... э-э-э... средства.

— Да, да, конечно. Кстати, у вас сохраняются старые планы зала с проданными местами?

— Иногда, для отчетов.

— Как насчет четверга, 3 января?

Открыв ящик письменного стола, она вытащила пачку листов с планировкой мест.

— Во вторую неделю мы по традиции играем пантомиму.

— Понятно, — сказал Мендел.

— Итак, кто же вас конкретно интересует? — спросила миссис Ориэл, кладя перед собой план на стол.

— Спутник невысокой блондинки, лет примерно сорока двух или трех. По фамилии Феннан, Эльза Феннан.

Миссис Ориэл углубилась в план. Мендел нахально устоялся в него из-за ее плеча. Список фамилий членов

клуба был аккуратно напечатан с левой стороны. Красные пометки обозначали, что члены клуба оплатили свои привилегии. С правой стороны листа отмечались места, зарезервированные на этот год. Всего членов клуба было примерно восемьдесят.

— Имя еще ничего не значит. Где ее место?

— Понятия не имею.

— Ах да, вот же она. Из Мерридейл-Лейна, Валлистон. Мерридейл! Давайте посмотрим. Боковое место в конце ряда. Очень странное предпочтение, вам не кажется? Место номер Р-2. Бог знает, почему она его выбрала. Была ли она 3 января? Я даже не предполагала, что этот план у нас сохранился, хотя сама я ничего в жизни не выкидываю. — Она посмотрела на него краем глаза, пытается понять, заработала ли она свои пять фунтов. — Вот что я вам скажу — мы спросим у Девственницы. — Встав, она подошла к дверям. — Феннан... Феннан... — бормотала она. — Минуточку, я что-то припоминаю. Сама не знаю, что именно. Ну, черт меня побери... ну, конечно... нотная папка. — Она открыла двери. — Где Девственница? — спросила она у кого-то на сцене.

— Бог ее знает.

— Беспомощные свиньи, — сказала миссис Ориэл, снова закрывая двери. Она повернулась к Менделу. — Девственница — наша единственная надежда. Чисто английская роза, дочь местного стряпчего, обожающая искусство, ходит в перекрученных чулках, а на лице выражение сделайте-со-мной-что-вы-хотите. Мы терпеть ее не можем. Но так уж получилось, что она крутится среди нас, потому что папочка платит за ее обучение. Когда аншлаг, она обязательно тут как тут — она и миссис Торр, наша уборщица. Когда сбор не очень большой, миссис Торр занимается своими делами, а Девственница болтается за кулисами. — Она помолчала. — Я чертовски уверена, что помню эту фамилию — Феннан. Чертовски уверена. Интересно, где эта корова? — Исчезнув на пару минут, она вернулась с высокой и довольно симпатичной девушкой с пушистыми светлыми волосами и розовыми щеками, при взгляде на которую приходили мысли о теннисе и плавании.

— Это Элизабет Пиджон. Она может вам помочь. Дорогая, мы хотели бы найти сведения о миссис Феннан, члене клуба. Можешь ты мне что-нибудь сказать о ней?

— О, конечно, Людо, — должно быть, она считала, что говорит светским тоном. Изобразив улыбку, напоминающую последний вздох выдохшегося пива, она посмотрела

на Мендела, склонила голову набок и сплела пальцы. Мендел кивнул ей.

— Вы ее знаете? — спросила миссис Ориэл.

— О, конечно, Людо. Она жутко любит музыку, я думаю, что она обязательно должна была быть. Она ужасно худая и странная. Она иностранка, не так ли, Людо?

— Почему странная? — спросил Мендел.

— Ну, в последний раз, когда она была, то ужасно волновалась из-за места рядом. Оно было зарезервировано клубом, но после восьми часов шло в продажу. Мы как раз начинали сезон пантомимой, и просто миллионы людей хотели попасть в зал, так что я решила отдать это место. Но она продолжала утверждать, что человек, который должен сидеть тут, обязательно придет, потому что он всегда приходит.

— И он в самом деле пришел? — спросил Мендел.

— Нет. И я отдала место. Она, должно быть, ужасно расстроилась, потому что ушла после второго акта и даже забыла свою нотную папку.

— Тот человек, которого она так ждала, — сказал Мендел, — по-вашему, был в дружеских отношениях с миссис Феннан?

Людо Ориэл многозначительно подмигнула Менделу.

— Черт возьми, а я-то думала, что она ждала мужа!

Несколько секунд Мендел смотрел на нее и, улыбнувшись, сказал:

— Не найдется ли у нас стула для Элизабет?

— Ох, Господи, спасибо, — сказала Элизабет и села на краешек изящного стульчика, напоминающего тот, что стоял в кулисах. Пухлые красные руки она положила на колени и, полная внимания, склонилась вперед, трепеща от возбуждения, так как стала центром внимания. Миссис Ориэл злобно смотрела на нее.

— Элизабет, почему вы решили, что должен был прийти ее муж? — В голосе его появились нотки, которых слышать ей не доводилось.

— Ну, обычно они приходили порознь, но, так как у них были два места отдельно от всех остальных членов клуба, на них должны были сидеть муж и жена. И, конечно, он всегда тоже приносил папку с нотами.

— Понимаю. Что еще можете вы припомнить об этом вечере, Элизабет?

— В общем-то немного, потому что я ужасно расстроилась из-за того, что она ушла в таком настроении, но позже вечером она позвонила. Миссис Феннан, я имею в ви-

ду. Назвавшись, она сказала, что ей пришлось уйти пораньше, но она забыла свою нотную папку. Она потеряла квитанцию от нашей камеры хранения и была в ужасном состоянии. Казалось, что она даже плакала. Мне казалось, что я слышала еще чей-то голос, а потом она сказала, что кто-нибудь заедет за ней, если ее можно будет получить без квитанции. Я сказала, что, конечно, все будет в порядке, и через полчаса заехал какой-то человек. Просто потрясающий мужик. Высокий и симпатичный.

— Ясно, — сказал Мендел. — Большое спасибо вам, Элизабет. Вы оказали нам большую помощь.

— Господи, как я рада, — сказала она, вставая.

— Кстати, — сказал Мендел. — Тот человек, который заехал за ее нотной папкой... Не тот ли, кто сидит рядом с ней в театре?

— Вроде бы. О, Господи, извините! Я должна была бы упомянуть об этом.

— Вы говорили с ним?

— Перекинулись парой слов, типа «вот и вы», ничего особенного.

— Вы обратили внимание, какой у него был голос?

— Он был иностранец, как миссис Феннан, она же ведь иностранка, не так ли? Я решила, что она так ведет себя из-за своего иностранного темперамента.

Улыбнувшись Менделу, она помедлила и выплыла из комнаты, как Алиса в стране чудес.

— Ну и корова, — сказала миссис Ориэл, когда закрылась дверь. Она перевела взгляд на Мендела. — Надеюсь, вы купили свои пять фунтов.

— Думаю, что да, — сказал Мендел.

Глава 11

Клуб не из числа респектабельных

Мендел обнаружил Смайли сидящим в кресле и полностью одетым. Питер Гильом с удобством расположился на кровати, внимательно изучая содержимое бледно-зеленой папки, которую держал в руках. Небо за окнами было темным и мрачным.

— Входит третий убийца, — сказал Гильом с появлением Мендела.

Тот сел на край кровати и с удовольствием кивнул Смайли, который выглядел бледным и подавленным.

— Поздравляю. Приятно видеть вас на ногах.

— Благодарю вас. Боюсь, что, если вы в самом деле увидите меня на ногах, поздравлять будет не с чем. Я слаб, как котенок.

— Когда они вас выписывают?

— Я не уверен, собираются ли они вообще меня выписывать.

— Вы разве не спрашивали?

— Нет.

— Ну, вам виднее. У меня есть новости. Я не знаю, что они значат, но что-то в них есть.

— Ну-ну, — сказал Гильом. — Все таскают новости друг другу. Просто восхитительно. Джордж просмотрел мой семейный альбом, — он на дюйм приподнял зеленую папку, — и нашел в нем кучу своих старых друзей.

Мендел даже несколько растерялся и предпочел промолчать.

— Сегодня вечером, — вмешался Смайли, — я вам все расскажу за обедом. Что бы они там ни говорили, утром я уйду отсюда. Думаю, что мы не только вычислили убийцу, но и выяснили кое-что еще. А теперь выкладывайте ваши новости. — Но торжества в глазах у него не было. Только беспокойство.

Членство в клубе, к которому принадлежал Смайли, отнюдь не давало ему восхитительного преимущества принадлежать к тем, кто появляется на страницах «Кто есть кто». Клуб был организован юным ренегатом из «Юниор Карлтон» по имени Стид-Эспри, который был строго предупрежден секретариатом клуба за богохульные высказывания в адрес южноафриканского епископа. Ему удалось убедить свою домохозяйку в Оксфорде оставить свой тихий домик в Холлиуэлле, взамен которого она получила в свое распоряжение две комнаты с подвалом на Манчестер-сквер и определенный доход. В свое время в клубе было сорок членов, каждый из которых платил пятьдесят гиней в год. Теперь остался тридцать один. В клубе не было ни женской obsługi и никаких правил, ни секретарей и ни епископов. Вы могли взять тут сэндвичи с бутылкой пива, вы могли взять только сэндвичи и больше ничего. Пока вы были относительно трезвы и занимались своими собственными делами, всем было наплевать на то, что вы носите, делаете или говорите или кто пришел с вами. В баре боль-

ше не царила миссис Старджон, которая могла преподнести заказанную отбивную, когда вы сидели перед камином; комфорт в клубе сейчас в целом обеспечивался двумя отставными сержантами из небольшого пограничного полка.

Естественно, что большинство членов клуба были сверстниками Смайли еще по Оксфорду. Так как с самого начала было условлено, что клуб будет обслуживать людей только одного поколения, его вместе со всеми своими членами ждала старость и смерть. Война отблагостила по Джебеде и другим, но никто не осмелился предложить, что можно было бы избрать новых членов. Так что клуб потихоньку исчезал.

В субботний вечер тут было всего лишь полдюжины человек. Смайли заказал обед, и он был сервирован им в подвальчике, рядом с ярко пылавшим в своем кирпичном ложе камином. Они были одни, им подали филе и кларет; снаружи шел непрерывный дождь. Троице было уютно и спокойно в этот вечер, несмотря на то странное дело, которое свело их воедино.

— Чтобы мое повествование обрело смысл, — сказал Смайли, обращаясь главным образом к Менделу, — я должен начать с себя. По профессии я, как вы знаете, офицер разведки — и был причислен к Службе еще до потопа, задолго до того, как мы вступили в эти силовые игры с Уайтхоллом. В те дни нас было мало, и платили нам гроши. После обычной подготовки и стажировки в Южной Америке и Центральной Европе я стал читать лекции в немецком университете, выискивая среди молодых немцев дарования, которые могли бы стать нашими потенциальными агентами. — Помолчав, он улыбнулся Менделу и сказал: — Надеюсь, вы простите мне жаргон. — Мендел торжественно кивнул, и Смайли продолжал. Он чувствовал, что слова его звучат несколько напыщенно, но не знал, что тут можно сделать.

— Незадолго перед последней войной в Германии наступили ужасные времена, и нетерпимость приобрела характер сумасшествия. Я не мог общаться ни с кем, кроме самого себя, и чувствовал, что становлюсь лунатиком. Единственным спасением для меня было оставаться совершенно незаметным, политически и социально бесцветным, предоставив отбор кандидатов кому-то другому. В краткие периоды студенческих каникул мне удавалось отправить в Англию кое-кого из них. В те дни, когда я приезжал вместе с ними, мне предписывалось не поддерживать никаких контактов с моим Департаментом, потому что в то время

мы еще не имели представления об эффективности немецкой контрразведки. Я ни с кем не поддерживал связи, и в определенной мере это было лучше всего. На тот случай, если бы я провалился, хочу я сказать.

По сути, моя история началась в 1938 году. Как-то летним вечером я сидел один в своей комнате. Стоял прекрасный день, теплый и спокойный. Фашизм в этот день как бы не существовал, о нем ничего не было слышно. В рубашке с короткими рукавами я сидел у окна, пытаюсь работать, но у меня ничего не получалось, потому что вечер был в самом деле чудесным.

Смутившись, он помолчал, собираясь с мыслями, и отпил вина. На скулах его появились два красных пятнышка. Хотя выпил он совсем немного, голова у него слегка кружилась.

— Итак, — продолжал он, чувствуя себя в глупом положении. — Простите, у меня несколько заплетается язык... Итак, раздался стук в дверь, и на пороге появился молодой студент. Ему было лет девятнадцать, но выглядел он еще моложе. Его звали Дитер Фрей. Он был моим учеником, умный и симпатичный мальчик, — Смайли опять замолчал, уставившись куда-то в пространство перед собой. Может, то сказывалась слабость после травмы, которая заставила воспоминания всплыть перед ним.

— Дитер был в самом деле очень красивым мальчиком, с высоким лбом и копной вьющихся черных волос. Но нижняя часть его тела была поражена, скорее всего, полиомиелитом. При ходьбе ему приходилось пользоваться костылем, на который он тяжело опирался. И тем не менее в нашем маленьком университете он пользовался репутацией очень романтической личности; ходили разговоры, что в нем есть что-то байроническое и тому подобное. Я же, в сущности, не находил в нем ничего романтического. У немцев есть страсть открывать юных гениев, от Гердера до Стефана Георга — кто-нибудь обязательно носится с ними с младенческих лет. Но Дитер отнюдь не позволял так относиться к себе. В нем было какое-то яростное стремление к независимости, безжалостность по отношению к себе, которая отталкивала излишне заботливых попечителей. Эта ощутительность Дитера проистекала не только из его инвалидности, но и из национальности, ибо он был евреем. Каким чудом он оказался в университете, я так и не смог понять. Можно предположить, что они так и не догадались, что он еврей, ибо его яркая внешность носила южный, итальянский оттенок, но на самом деле толком я так ниче-

го и не знал. Для меня лично не было сомнений в его происхождении.

Дитер был социалистом. Даже в то время он не делал секрета из своих взглядов. Я было прикидывал возможность его вербовки, но решил, что не стоит тратить усилий на верного кандидата в концентрационный лагерь. Кроме того, он был столь раним, так остро реагировал, так бросался в глаза в силу своей живописности. Он посещал в университете все кружки и общества — дискуссионный, поэтический, политический и так далее. Во всех спортивных секциях ему предоставлялись почетные места. У него хватило силы воли отказаться от выпивки в университете, когда весь первый год студент должен был доказывать свою мужественность, наливаясь до краев.

Вот таким и был Дитер: стройный, красивый, решительный в поступках инвалид, которого обожали все окружающие, — и еврей. Он и пришел ко мне жарким летним вечером.

Усадив его, я предложил гостю выпить, от чего он отказался. Я решил вскипятить кофе на газовой плитке. Мы слегка коснулись в разговоре моей последней лекции, посвященной Китсу. Я выразил сожаление, что методы немецкой критики применяются для оценки английской поэзии, и мы заспорили — как обычно — о нацистской интерпретации понятия «декадентства» в искусстве. Дитер решительно отбрасывал ее и все яростнее осуждал и современную Германию, и, наконец, как таковой, нацизм. Естественно, я вел себя довольно сдержанно — в те дни, как мне кажется, я был куда меньшим дураком, чем сейчас. В конце концов он поставил вопрос ребром — что я думаю о нацизме? Я дал ему уклончивый ответ, что, мол, мне не хотелось бы критиковать своих хозяев, да и вообще политика не кажется мне достаточно интересным занятием. Наверно, я никогда не забуду его реакцию. Он пришел в ярость. С трудом поднявшись на ноги, он крикнул на меня: «Мы тут не шутками занимаемся!» — Замолчав, Смайли посмотрел на Гильома, сидевшего по другую сторону стола. — Простите, Питер, что-то меня совсем занесло.

— Ничего, старина. Рассказывайте, как вы считаете нужным, — одобряюще буркнул Мендел; он сидел неподвижно, положив на столешницу обе руки. В комнате не было света, если не считать языков пламени, которые бросали тени на грубую облицовку стены за их спинами. Бутылка с портвейном была на три четверти пуста; Смайли отпил немного и отставил свой стакан.

— Он с неистовством накинулся на меня. Он просто не мог понять, как я, провозглашая независимость художественной критики, мог оставаться столь бесчувственным по отношению к политике, как я мог что-то мычать о творческой свободе, когда треть Европы была в цепях. Неужели для меня ничего не значит, что современная цивилизация истекает кровью? Неужели я настолько погружен в восемнадцатое столетие, что двадцатое для меня просто не существует? Он пришел ко мне потому, что ему нравятся мои семинары и он считал меня достаточно просвещенным человеком, но сейчас он понимает, что я хуже всех прочих.

Я позволил ему уйти. Что еще мне оставалось делать? По бумагам он рано или поздно должен был попасть под подозрение — возмущающийся студент университета, еврей, который непонятным образом продолжал оставаться на свободе. Но я держал его под наблюдением. Семинар приближался к концу, и скоро начинались длинные каникулы. Через три дня на завершающем коллоквиуме он был на удивление молчалив. Понимаете, его поведение в самом деле пугало людей, и в его окружении они замыкались и молчали. Семинар завершился, и Дитер уехал, не сказав мне ни слова. Я не предполагал, что мне доведется увидеть его.

Встретились мы через полгода. Я ездил к друзьям в Дрезден, родной город Дитера, и пришел на вокзал за полчаса до отправления поезда. Чтобы не торчать на перроне, я решил прогуляться. В паре сотен метров от станции стоял высокий мрачноватый дом семнадцатого столетия. Перед ним за железной оградой и коваными воротами был небольшой дворик. Он был превращен в некое подобие временной тюрьмы — по окружности двора прогуливалась группа наголо остриженных заключенных, мужчин и женщин. В центре стояли два охранника с автоматами. Глядя на них, я увидел знакомую фигуру, отличающуюся ростом, которая, скрючившись, старалась не отстать от остальных. Это был Дитер. Они отняли у него костыль.

Потом, вспоминая эту картину, я понял, что, конечно, гестапо не арестовало бы самого, пожалуй, заметного студента в университете, если бы он не высывался. Забыв о своем поезде, я вернулся в город и по телефонной книге нашел его родителей. Я знал, что его отец был врачом, так что трудностей для меня это не представило. Зайдя к ним, я нашел дома только мать. Отец уже скончался в концентрационном лагере. Она не изъявила желания говорить о Дитере, но выяснилось, что он попал не в еврейскую тюрьму

му, а в общую, да и то только на «период исправления». Она ждала его возвращения примерно через три месяца. Я оставил ему записку, в которой сообщил, что у меня по-прежнему хранится несколько его книг и я был бы рад вернуть их ему, если он позвонит.

Боюсь, что события 1939 года сказались на моей судьбе не лучшим образом, и я сомневался, что мне удастся еще как-то связаться с Дитером. Скоро после Дрездена мой Департамент потребовал возвращения в Англию. Сложив вещи, я снялся с места за сорок восемь часов и нашел Лондон в состоянии полной сумятицы. Я получил новое назначение, которое потребовало интенсивной подготовки, быстрой, но эффективной. Мне пришлось сразу же возвращаться в Европу и включать в работу глубоко законспирированных агентов, которых мы набирали именно на такой случай. Мне пришлось запоминать десятки странных имен и адресов. Можете представить мою реакцию, когда среди них я обнаружил Дитера Фрея.

Читая его досье, я выяснил, что он практически завербовался сам, ворвавшись в наше консульство в Дрездене и потребовав ответа, почему никто и пальцем не шевельнет, чтобы остановить преследование евреев. — Помолчав, Смайли еле заметно улыбнулся. — Дитер удивительно умел побуждать людей к действию. — Он бросил беглый взгляд на Мендела и Гильома. Оба не сводили с него глаз. — Думаю, что первой моей реакцией была досада. Мальчишка болтался у меня буквально под носом, но я не считал его достойным доверия, что косвенно подтверждалось и тем, что в Дрездене он попал в дурацкое положение. И теперь я был обеспокоен, что мне приходится отвечать за этого бунтовщика, чей взрывной темперамент может стоить жизни и мне, и другим. Несмотря на легкое изменение внешности и новое прикрытие, под которым я действовал, мне пришлось бы представиться Дитеру в той же роли Джорджа Смайли, преподавателя университета, что угрожало мне сокрушительным провалом. Начало было хуже некуда, и я уже почти решил развернуть мою агентурную сеть без Дитриха. Но в данном случае я ошибался. Он оказался прекрасным агентом.

Он не пытался скрывать свой буйный темперамент, но весьма искусно пускал его в ход, вводя всех в заблуждение. Из-за инвалидности он был освобожден от военной службы и нашел себе какую-то бумажную работу на железной дороге. Количество и качество информации, которую он поставлял, были просто фантастическими. Данные

о транспортах с войсками и техникой, место их назначения и даты отправки. Позже он сообщал об эффективности наших бомбежек, указывая основные цели. Он был блистательным организатором, и, думаю, именно это и спасло его. Он великолепно выполнял свою основную работу на железной дороге, трудился день и ночь не покладая рук, создав себе репутацию буквально незаменимого человека, что и защищало его от попыток ареста. Он даже получил какую-то награду за выдающуюся службу, и я предполагаю, что его досье в гестапо просто где-то затерялось.

У Дитера была теория, которая могла родиться только у Фауста. Мысли сами по себе бесполезны. Чтобы они принесли какой-то результат, вы должны действовать. Он любил говорить, что самая большая ошибка человека заключается в том, что он всегда пытался отделить мысль от действия; приказа просто не существует, если вслед за ним не следует беспрекословное подчинение.

Как я говорил, Дитер был в самом деле прекрасным агентом. Он доходил даже до того, что порой комплектовал грузовые составы, соразмеряясь с погодными условиями для наших бомбардировщиков, чтобы у них были хорошие цели. Он выдумывал бесчисленные штучки — подлинный гений в области шпионажа. Абсурдно было предполагать, что это может длиться вечно, но эффект наших бомбардировок был столь велик, что смешно было приписывать их предательству одного человека — во всяком случае, подозрения не падали на столь серьезного и уважаемого человека, как Дитер.

В зоне его действий делать мне было практически нечего. Дитер много ездил — у него был специальный пропуск, с которым он мог попадать куда угодно. Поддерживать с ним связь было детскими играми по сравнению с другими агентами. Порой мы могли просто встретиться в кафе и поболтать, или же он подсаживал меня в министерскую машину и вез меня шестьдесят или семьдесят миль по шоссе, словно он просто посадил попутчика. Но куда чаще я или садился на тот же поезд, в котором он ехал, и мы в коридоре обменивались папками, или же я направлялся в театр, взяв с собой материалы, и мы в туалете обменивались ими. Он редко передавал мне подлинные документы, чаще я получал копирунку расписания движения поездов.

В 1943 году меня отозвали. Прикрытие мое стало давать трещины, на что я не рассчитывал, и у меня под ногами горела земля. — Остановившись, он вытащил сигарету из пачки у Гильома.

— Но Дитера из виду я не терял, — сказал он. — Он был моим лучшим агентом, но он был у меня не один. Поводов для головной боли у меня было более чем достаточно — встречи с ним были сущим удовольствием. По окончании войны я попытался выяснить у человека, заменившего меня, что случилось с Дитером и со всеми остальными. Кое-кто перебрался в Австралию и Канаду, другие просто уехали от развалин, в которые превратились их очаги. Я предполагаю, что Дитер не спешил с решением. В Дрездене были русские, и он, конечно, испытывал определенные сомнения. В конце концов он принял решение, главным образом, как я полагаю, из-за матери. А кроме того, он ненавидел американцев, не говоря уж о том, что был социалистом.

Позже мне довелось услышать, что он сделал карьеру. В годы войны он обрел немалый административный опыт, в силу которого правительство новой республики предложило ему работу. Предполагаю, что его репутация борца, страдания его семьи заметно облегчили ему путь. Во всяком случае, он должен был неплохо устроиться.

— Как именно? — спросил Мендел.

— Еще месяц тому назад он был здесь. Руководил сталеплавильной миссией.

— И это еще не все, — быстро добавил Гильом. — Если вы считаете, Мендел, что все уже выяснили, я бы предложил вам сегодня утром еще раз съездить в Уайбридж и поговорить с Элизабет Пиджон. Это идея Джорджа. — Он повернулся к Смайли. — В ней есть что-то от Моби Дика, того белого кита-людоеда.

— Ну и?.. — спросил Мендел.

— Я показал ей снимок того молодого дипломата по фамилии Мундт. Элизабет сразу же опознала в нем симпатичного мужчину, который нес нотную папку Эльзы Феннан. Ну, не забавно ли?

— Но...

— Я знаю, что вы собираетесь спросить, мудрая голова. Вы хотите узнать, опознал ли его и Джордж. Опознал. Это тот самый тип, который приглашал Джорджа в его же собственный дом на Байуотер-стрит. Ну разве он не вездесущ?

Мендел отправился в Митчем. Смайли смертельно устал. Снова пошел дождь и похолодало. Смайли плотнее запахнулся в плащ и, несмотря на усталость, с тихим удовольствием наблюдал за вечерней суматохой на лондонских улицах. Ему всегда нравилось путешествовать. Даже сейчас, будь у него такая возможность, он бы с удовольст-

вием пересек Францию на поезде, вместо того чтобы пользоваться самолетом. Он по-прежнему вспоминал восхитительные звуки ночного путешествия через всю Европу, когда от сладких английских снов его разбудила какофония и трескотня быстрой французской речи. Даже она доставляла ему удовольствие, и он дважды предпочитал сомнительные удовольствия этого неудобного путешествия, пересекая континент.

Когда они добрались до места, Смайли сразу же отправился в постель, пока Мендел заваривал чай. Пили они его в спальне Смайли.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Мендел.

— Думаю, что завтра отправимся в Валлистон.

— Вам надо день провести в кровати. Боюсь, что вы топоритесь.

— Надо увидеться с Эльзой Феннан.

— В одиночку вы подвергаете себя опасности. Лучше я поеду с вами. Пока вы побеседуете с нею, я буду сидеть в машине. Она ведь еврейка, не так ли?

Смайли кивнул.

— У меня отец еврей. И он бы такую возможность не упустил.

Глава 12

Мечты на продажу

Открыв дверь, несколько секунд она стояла, молча глядя на него.

— Вы могли бы дать мне знать о вашем визите, — сказала она.

— Я подумал, что безопаснее было бы этого не делать. Она снова замолчала. Наконец она снова заговорила.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду. — Видно было, что слова эти стоили ей больших усилий.

— Вы разрешите мне войти? — спросил Смайли. — У нас не так много времени.

Теперь она выглядела постаревшей и усталой, словно в ней сломался какой-то стержень. Она провела его в гостиную и с выражением, говорившим, что у нее нет больше сил сопротивляться, показала ему на кресло.

Смайли предложил ей сигареты и сам взял одну. Она стояла у окна. Бросив на нее взгляд, он заметил ее уча-

шенное дыхание, воспаленные глаза и понял, что она держится из последних сил.

Когда он заговорил, голос у него был мягким и спокойным. Это был голос, звуки которого Эльза Феннан давно мечтала услышать — в нем были спокойствие, сострадание и безопасность, и противостоять ему у нее почти уже не оставалось сил. Она отодвинулась от окна, и ее правая рука, которой она держалась за портьеру, безвольно упала, покорно скользнув вдоль тела. Теперь она сидела напротив него, и взгляд ее, напоминающий глаза покорной любовницы, говорил, что она в полной зависимости от него.

— Должно быть, вы ужасно одиноки, — сказал он. — Никто не в силах вечно жить в таком состоянии. И хотя это требует мужества, как невыносимо тяжело быть храбрым в одиночку. Они ведь никогда этого не понимали, не так ли? Они никогда не понимали, чего это стоит — жить в мерзкой атмосфере лжи и обмана, в полной изоляции от всех нормальных людей. Они думали, что вы такая же, как они, — флаги на мачты и звуки фанфар. Но ведь, оставаясь в одиночестве, вы нуждались совершенно в другом виде энергии, не так ли? Вам приходилось ненавидеть, а постоянная ненависть требует отдачи всех сил. А то, что было достойно вашей любви, то, что вы должны были любить, было так далеко от вас, столь смутно представлялось вам, поскольку вы не были его частью. — Он помолчал. Скоро, подумал он, скоро она не выдержит и сломается. Он отчаянно молил Бога, чтобы ему удалось убедить собеседницу, чтобы она восприняла то спокойствие, которое исходит от него. Он посмотрел на нее. Да, скоро она сломается. — Я сказал, что у нас не так много времени. Вы понимаете, что я имел в виду?

Сложив руки на коленях, она устала на них. В обесцвеченной копне прически он увидел темные корни подрастающих волос и подумал, чего ради она их красит. Она не подавала виду, что слышала его вопрос.

— Когда в то утро месяц назад я расстался с вами, я направился к себе домой в Лондон. Некий человек пытался убить меня. В ту ночь ему едва не удалось добиться успеха — он три или четыре раза ударил меня по голове. Я только что вышел из больницы. В этот раз мне повезло. Был такой владелец гаража, у которого он арендовал машину. Не так давно речная полиция нашла его тело в Темзе. На нем не было следов насилия — просто он напился виски. Они ничего не могли понять в этом происшествии — годами он и близко к реке не подходил. Но теперь мы име-

ем дело с весьма сообразительным человеком, не так ли? С опытным убийцей. И, похоже, он постарается убрать всех, кто знает о его связи с Самуэлем Феннаном. Или с его женой, конечно. И существует такая юная блондинка в театре...

— О чем вы говорите? — прошептала она. — Что вы пытаетесь мне сказать?

Смайли внезапно захотелось ударить ее, сломить последние остатки ее воли, пусть даже она считает его врагом. Ибо она столь часто посещала его в видениях, когда он лежал распластанный и беспомощный, в облике тайны и силы.

— Вы хоть понимаете, в какие игры вы пытаетесь играть — и с кем? Неужели вы считаете, что можете водить их за нос, кое-что давая им и отказывая во всем остальном? Неужели вы думаете, что вам в самом деле удастся остановить этот дьявольский танец? Какие бы мечты вы ни лелеяли, миссис Феннан, они не имеют ничего общего с их миром!

Она закрыла лицо руками, и он увидел, как меж пальцев у нее потекли слезы. Тело ее сотрясали рыдания; она медленно и трудно роняла слова.

— Нет, я ни о чем не мечтала. Ни о чем, кроме него. Он был моей единственной мечтой... да, моей большой мечтой. — Она продолжала беспомощно плакать, и Смайли, наполовину торжествуя, наполовину стыдясь, терпеливо ждал продолжения ее слов. Внезапно она подняла голову и, не утирая слез, струящихся по щекам, посмотрела на него. — Взгляните на меня, — сказала она. — Какие мечты остались у меня? Я грезила о длинных золотых волосах, а они наголо обрили меня; я мечтала о прекрасном теле, но оно было сломано голодом и страданиями. Мне довелось увидеть, что могут представлять собой человеческие существа, и как я могла поверить в то, что все они едины? Я говорила ему, о, я говорила ему тысячу раз: «Только не надо никаких правил, никаких прекрасных теорий, никаких приговоров, дайте людям возможность любить; но стоит бросить им одну теорию, дать им возможность выдумать один лозунг, и игра начнется снова». Я говорила это ему. Мы беседовали ночами напролет. Но нет, у этого мальчика должна была быть своя мечта, и, если новому миру предстояло воздвигнуться, строить его должен был он, Самуэль Феннан. Я убеждала его. «Слушай, — говорила я ему, — они дали тебе все, что было нужно: и дом, и средства, и положение. Что тебе еще надо от них?» И он говорил мне: «Я делаю это для них. Я хирург, и в один прекрасный

день они все поймут». Он был сущим ребенком, мистер Смайли, и его водили за нос, как ребенка.

Он не решался заговорить, не решался задавать ей наводящие вопросы.

— Пять лет тому назад он встретил этого Дитера. В горной хижине недалеко от Гармиша. Пятница потом рассказал нам, что все это спланировал Дитер — ведь он не мог из-за своих ног кататься на лыжах. Тогда мы не понимали, насколько было все реально, хотя Пятница было выдуманым именем. Так его окрестил Феннан — по «Робинзону Крузо». Дитер считал это довольно забавным, и впоследствии мы никогда не говорили о Дитере, но всегда о мистере Робинзоне и Пятнице. — Прервав свой рассказ, она посмотрела на него с еле заметной улыбкой. — Простите, — сказала она. — Я так бессвязно рассказываю.

— Я все понимаю, — сказал Смайли.

— Эта девушка... что вы говорили о девушке?

— Она жива. Не волнуйтесь. Продолжайте.

— Вы знаете, что нравились Феннану. Пятница пытался убить вас... но почему?

— Предполагаю, из-за того, что я вернулся и спросил вас о звонке в половине девятого. И вы рассказали об этом Пятнице, не так ли?

— О, Господи, — сказала она, поднеся пальцы ко рту.

— Вы тут же позвонили ему, верно? Как только я ушел?

— Да, да. Я была испугана. Я хотела предупредить его. Его и Дитера, чтобы они уезжали, уезжали и не возвращались, потому что понимала — вы найдете их. Если не сегодня, то завтра, в другой день, но в конце концов вы их найдете. Почему они никак не могли оставить меня в покое? Они боялись меня, потому что знали — у меня нет никаких иллюзий, и я хотела только заботиться о Самуэле, любить его и оберегать его. Из этого они и исходили. На это они и рассчитывали.

Смайли почувствовал, что в голове у него стала пульсировать боль.

— То-то вы им сразу и позвонили, — сказал он. — Сначала вы набрали номер в Примроуз, но не пробились.

— Да, — растерянно сказала она. — Да, верно.

— И тогда вы позвонили по другому номеру, по запасному...

Она еле добралась до окна, внезапно почувствовала, что ее не держат ноги и сил не оставалось, но чувствовать она себя все же стала лучше — встряска дала ей понять, что она еще может думать и сообщать.

— Да, Пятница блестяще мог придумывать альтернативные варианты.

— Каков был другой номер? — настаивал Смайли. Он встревоженно посмотрел на нее, когда она, высунувшись из окна, стала вглядываться в темный заросший сад.

— Что вы хотите выяснить?

Подойдя, он остановился рядом с ней, глядя на нее сбоку. Охрипший его голос обрел силу и настойчивость.

— Я сказал, что с девушкой все в порядке. Мы с вами тоже пока живы. Но не рассчитывайте, что это будет длиться долго.

Повернувшись со слезами на глазах, она несколько секунд вглядывалась в него и наконец кивнула. Смайли взял ее под руку и осторожно препроводил к стулу. Он хотел бы предложить ей горячего чая или чего-то в этом роде. Села она почти механически, как человек, чувствующий, что начинает сходить с ума.

— Другой номер был 9747.

— Адрес... вы знаете что-нибудь об адресе?

— Нет. Только телефон. Все дела только по телефону. Адреса не было, — повторила она с неестественным возбуждением, и Смайли пристально посмотрел на нее. Внезапно он вспомнил, и эта мысль поразила его, — Дитер всегда был изобретателем в системе связи.

— Пятница не встречал вас в вечер гибели Феннана? Он не пришел в театр?

— Нет.

— Значит, вы разминувшись в первый раз, так? Вы запаниковали и ушли пораньше.

— Нет... хотя да, да, я в самом деле запаниковала.

— Нет, этого не было! Вы ушли пораньше, потому что вы должны были это сделать, такова была договоренность. Почему вы ушли пораньше? Почему?

Она закрыла руками лицо.

— Вы все еще не можете прийти в себя? — крикнул на нее Смайли. — Вы все еще думаете, что можете контролировать то, что вы наделали? Пятница убьет и вас, и девочку! Он убийца, убийца, убийца! Кого вы хотите оберегать, девочку или убийцу?

Она плакала, не в силах вымолвить ни слова. Смайли, крича, склонился к Эльзе Феннан.

— Тогда я сам скажу вам, почему вы пораньше ушли из театра, хотите? Я скажу вам, что думаю на этот счет. Вы хотели успеть к последней выемке почты из Уайбриджа. Он не пришел, обмен в гардеробе у вас не произошел,

хотя вы, подчиняясь инструкциям, послали ему билет, и вы знали адрес, помнили его, помнили навечно эти слова: «Если что-то случится и я не появлюсь, вот адрес» — это он вам говорил? Этим адресом нельзя было пользоваться или даже упоминать о нем, его надо было просто запомнить навсегда! Так? Говорите же!

Встав и пряча от него лицо, она подошла к письменному столу, где нашла клочок бумаги и карандаш. С мучительной медлительностью она вывела адрес; пальцы не подчинялись ей, останавливаясь на каждом слове.

Взяв у нее бумажку, он аккуратно сложил ее пополам и спрятал в бумажник.

Теперь он мог заняться и чаем для нее.

Она выглядела как ребенок, вытщенный из морской пучины. Сидя на краю софы, она цепко держала кружку костистыми пальцами, плотно прижимая ее к телу. Ноги она составила вместе, прижимая друг к другу колени и лодыжки, а худые плечи безвольно клонились вперед. Глядя на нее, Смайли почувствовал, что он сломил в ней нечто столь хрупкое, что к нему было страшно притрагиваться. Освобождаясь от облика напористого нахала, чувствовал он себя омерзительно, и его забота о чае была лишь неловкой попыткой загладить свое поведение.

Он не представлял, что надо сказать ей. Но, помолчав, она сама сказала:

— Вы же знаете, что понравились ему. В самом деле, он относился к вам с симпатией... Он говорил, что вы очень умный человек. А когда Самуэль кого-то называл умным, оставалось только удивляться. — Она медленно покачала головой и улыбнулась каким-то своим мыслям, что было реакцией на все пережитое. — Обычно он говорил, что в мире есть всего две силы, положительная и отрицательная. «Что же тогда делать? — обычно спрашивал он меня. — Дать им уничтожить жатву лишь потому, что я получаю от них кусок хлеба? Творчество, прогресс, словом, все будущее человечества стучится в их двери, как я могу не впустить его?» А я говорила ему: «Но, Самуэль, может быть, люди и так счастливы, без всего этого?» Но вы же знаете, он воспринимал людей совершенно по-другому. И я не могла остановить его. Знаете, что было самым странным в Феннани? При всех его напряженных размышлениях и долгих разговорах он давно уже для себя решил, что будет делать. Все остальное было лирикой. Он был так несобран, что я ему все время пыталась внушить...

— ...И все же вы помогали ему, — сказал Смайли.

— Да, помогала. Ему была нужна помощь, и я была рядом. Он был моей жизнью.

— Я понимаю.

— И это было ошибкой. Он же был всего лишь мальчишкой. Он, как ребенок, забывал вещи. И был так тщеславен. Наметив для себя путь, он шел по нему, спотыкаясь и ошибаясь. Он не воспринимал это, как вы или я. Он просто не утруждал себя такими размышлениями. Это было его делом, его работой — и все.

Она задохнулась. Он молча ждал продолжения.

— Началось все так просто. Как-то вечером он притащил домой черновик какого-то текста, показал его мне и сказал: «Я думаю, что Дитеру стоило бы это увидеть», — вот и все. Сначала я не могла поверить, что он стал шпионом, я имею в виду. Потому что он ведь не был им, правда? Но постепенно я стала все понимать. Они стали задавать конкретные вопросы. В нотной папке, которую я получила от Пятницы, лежали приказы и указания, а порой и деньги. Я сказала ему: «Смотри, на что они тебя толкают — тебе это нужно?» Мы не знали, что делать с деньгами. В конце концов, мы их большей частью раздаривали и жертвовали, сама я не знаю почему. И когда я зимой рассказала Дитеру, он очень разгневался.

— Что это была за зима? — спросил Смайли.

— Вторая зима с Дитером — в 1956 году в Мюррене. Встретились мы с ним впервые в январе 1955 года. Когда все это и началось. И можно я вам скажу кое-что? Венгрия ничего не изменила в воззрениях Самуэля, ни на йоту. Я знаю, что тогда Дитер беспокоился о нем, потому что мне рассказывал об этом Пятница. Когда Феннан в тот ноябрь дал мне послания, которые надо было передать в Уайбридже, я чуть с ума не сошла. Я кричала на него: «Неужели ты не видишь, что все повторяется? Те же пушки, те же дети, умирающие на улицах? Только мечты наши изменились, а кровь все того же цвета! Этого ты не хочешь?» Я спрашивала его: «Ты и на немцев хочешь работать? Это меня они тыкали в грязь лицом, и ты хочешь, чтобы они снова так поступали со мной?» Но он только говорил: «Да нет, Эльза, это совсем другое». И я продолжала носить нотную папку. Вы можете понять меня?

— Не знаю. Просто не знаю. Хотя думаю, что могу.

— Он был всем, что у меня осталось. Он был моей жизнью. Думаю, что я защищала сама себя. Но постепенно я стала частью того, чем он занимался, и прекратить все это было уже невозможно... И вы должны знать, — почти ше-

потом продолжала она, — что были времена, когда я испытывала счастье, и мне казалось, что мир рукоплещет тому, что делает Самуэль. И снова всходили старые имена, которые пугали нас как детей. Возвращалась та тупая напыщенная гордость, что вы можете увидеть на снимках в газетах, и они маршировали под старые марши. Феннан тоже это чувствовал, но, слава Богу, ему не пришлось пережить то, что досталось мне. Нас бросили в лагерь под Дрезденом, где нам предстояло жить. Мой отец был парализован. Больше всего ему не хватало курева, и я научилась крутить ему сигареты из любого мусора, который мне удавалось найти в лагере. Однажды стражник увидел, как он курит, и расхохотался. Подошли остальные и тоже стали смеяться. Мой отец держал сигарету в парализованной руке и не чувствовал, как у него дымится кожа. Он не понимал этого... Да, когда они снова стали давать немцам оружие, снабжать их деньгами и снаряжением, тогда порой я бывала довольна тем, что делает Самуэль. Ведь вы же знаете, что мы евреи, и поэтому...

— Да, я все знаю и понимаю вас, — сказал Смайли. — Мне тоже довелось кое-что увидеть.

— Дитер говорил об этом.

— Дитер говорил?

— Да. Пятнице. Он рассказывал Пятнице, что вы очень умный человек. Как-то еще перед войной вам удалось обмануть Дитера, и он выяснил это только много времени спустя, как рассказывал Пятнице. Он говорил, что вы были самым лучшим и умным из всех, с кем ему приходилось работать.

— Когда Пятница рассказывал вам это?

Она долго смотрела на него. Он никогда еще не видел выражения такого безнадежного отчаяния. Он помнил, как она ему говорила: «Дитя моей печали мертво». Теперь он понял, что она хотела сказать, и услышал это в ее словах, когда она наконец нарушила молчание:

— Разве это не ясно? В ту ночь, когда он убил Самуэля. И разве это не странная ирония судьбы, мистер Смайли? Как раз в то самое время, когда Самуэль так много делал для них — не то что кусочек тут и кусочек там, а я все время носила эти нотные папки, — в это самое время собственный страх лишил их рассудка, превратил их в животных и толкнул на убийство, что они и сделали.

Самуэль всегда говорил: «Они победят, потому что они обладают знанием, а все прочие погибнут, ибо его у них нет; человек, который трудится ради воплощения мечты,

работает на вечность», — вот так он и говорил. Но я знала, о чем они мечтают, и знала, что они могут погубить нас. Что еще не рухнуло в этом мире? Даже мечта о Христе.

— Значит, это был Дитер, который увидел меня в парке с Феннаном?

— Да.

— И он решил...

— Да. Он решил, что Самуэль предал его. И приказал Пятнице убить Самуэля.

— А анонимное письмо?

— Не знаю. Я не знаю, кто написал его. Наверно, как я предполагаю, кто-то из знавших Самуэля, кто-то из его конторы, который наблюдал за ним. Или из Оксфорда, из их партийной ячейки. Самуэль и сам ничего не знал.

— Но предсмертную записку...

Она посмотрела на него, и ее лицо исказилось. Опустив голову, она с трудом сдерживала готовые хлынуть слезы.

— Ее написала я. Пятница принес бумагу, и я написала на ней. Там уже стояла подпись. Подпись Самуэля.

Подойдя поближе, Смайли сел рядом с Эльзой Феннан на софу и взял ее за руку. С внезапной вспышкой ярости она повернулась к нему и закричала:

— Уберите от меня свои руки! Вы думаете, что я ваша, потому что я не принадлежу к ним? Убирайтесь! Убейте Дитера и Пятницу, и пусть игра идет своим чередом, мистер Смайли. Но не считайте, что я на вашей стороне, ясно? Потому что я принадлежу к племени бродячих жидов и под ногами у меня выжженная земля, на которой вы устраиваете свои игры в солдатики. Вы можете ударить меня, вы можете пнуть меня ногой, но никогда, никогда не притрагивайтесь ко мне и не говорите, что вам очень жаль, слышите! А теперь — вон! Убирайтесь и продолжайте убивать.

Ее била крупная, как от холода, дрожь. Подойдя к дверям, он обернулся. В глазах ее больше не было слез.

Мендел ждал его в машине.

Глава 13

Бессилие Самуэля Феннана

В Митчем они прибыли к ленчу. Питер Гильом терпеливо ждал их.

— Привет, ребята, какие новости?

Вынув из бумажника, Смайли дал ему листик бумаги.

— Это аварийный номер, тоже из Примроуз — 9747. Ты лучше проверь и его, но я не возлагаю никаких надежд на успех.

Питер исчез в холле, где сел на телефон. Погрузившись в хлопоты по кухне, Мендел появился через десять минут с мясом, хлебом и сыром на подносе. Вернулся Гильом и сел, не произнося ни слова. На лице его было беспокойство.

— Итак, — наконец сказал он, — что же она сказала, Джордж?

Мендел кончал убирать посуду, когда Смайли завершил свой отчет об утренней беседе.

— Понимаю, — сказал Гильом. — Все это очень тревожно. Все это я сегодня же, Джордж, обязан изложить в письменном виде и сразу же представить Мастоноу. Когда у нас в руках оказывается мертвый шпион, это не сулит ничего хорошего, и нас еще ждут неприятности.

— К чему у него был доступ в ФО? — спросил Смайли.

— Кое-что он знал. Поэтому, как ты понимаешь, они и хотели, чтобы с ним поговорили.

— Чем он главным образом занимался?

— Толком я еще не знаю. Еще несколько месяцев тому назад он был в азиатском отделе, но потом ему поручили новую работу.

— В американском отделе, насколько я помню, — сказал Смайли.

— Да.

— Питер, ты вообще задумывался, почему они так страстно хотели убить Феннана? Я хочу сказать, что, если даже предположить, что он в самом деле предал их, почему они решили, что надо убивать его? Ведь они этим ничего не достигали.

— Да, можно и так решить. Но как тут ни ломай голову, объяснений не подобрать... или все же удастся? Если бы их предали Фукс или Макклин, трудно себе представить, что могло бы случиться. Предположим, у них были основания бояться цепной реакции — и не только здесь, но и в Америке, да и вообще по миру? Разве они не убили бы его, чтобы предотвратить ее? В этой ситуации много того, что мы так и так не узнаем.

— Например, о звонке в 8.30? — сказал Смайли.

— С чем вас и поздравляю. Сиди на телефоне и жди, пока я позвоню тебе, так, что ли? Команда Мастоноу ужасно хочет видеть вас. Они так и заскакали в коридоре, когда

я сообщил им хорошие новости. Мне пришлось умерить их восторги специальной мрачной улыбкой, которую я прибегаю на случай в самом деле печальных известий.

Проводив его, Мендел вернулся в помещение.

— Лучшее, что вы можете сейчас сделать, — сказал он, — это задрать ноги кверху. Вы выглядите ужасно разбитым и утомленным.

«Мундт или здесь, или его нет, — размышлял Смайли, лежа в пижаме на постели и заложив руки за голову. — Если его нет, все кончено. И тогда пусть Мастоноу решает, что делать с Эльзой Феннан, хотя я лично думаю, что делать он ровно ничего не будет.

Если Мундт здесь, то в силу одной из трех причин. Первая — потому что Дитер приказал ему остаться и посмотреть, все ли подчищено; вторая — у него дурная репутация, и он опасается возвращаться; и третья — у него остались тут кое-какие неоконченные дела.

Первую, скорее всего, можно отбросить, потому что Дитеру несвойственно идти на бессмысленный риск. Нет, эта идея не годится.

Не годится и вторая, потому что если Мундт опасается Дитера, то не меньше он должен опасаться и обвинения в убийстве. Тогда для него было бы самым лучшим перебраться в другую страну.

Скорее всего, третья. Будь я на месте Дитера, меня бы жутко беспокоила Эльза Феннан. На девушку, Элизабет Пиджон, можно не обращать внимания — в отсутствие Эльзы, которая единственная может дать объяснение темным пятнам, она не представляет опасности. Она явно не конспиратор, и нет никаких оснований, по которым она должна была бы обратить особое внимание на спутника Эльзы в театре. Нет, основная опасность кроется в Эльзе.

Была, конечно, еще одна возможность, опасность, которой Смайли совершенно не мог оценить: нет ли у Дитера и других агентов, которые, помимо Мундта, могут следить за ней. В целом он был склонен отбросить эту мысль, но можно ручаться, что об этом же думал и Питер.

Нет... все это не имеет смысла — концы не сходятся с концами.

Он решил обдумать все сначала.

Что нам известно? Привстав, он потянулся за карандашом и бумагой, и сразу же в голове запульсировала боль. Но он упрямо сполз с постели и достал из внутреннего кармана пиджака ручку. В портфеле должен был быть

блокнот для записей. Вернувшись в кровать, он с удовлетворением взбил поудобнее подушку, взял четыре таблетки аспирина из бутылочки на столе и, облокотившись на подушки, вытянул коротенькие ножки. Затем он принялся писать. Первым делом, аккуратным школьным почерком он вывел заголовки и подчеркнул его. «Что нам известно?»

Этап за этапом он стал по возможности восстанавливать последовательность событий.

«В понедельник, 2 января, Дитер Фрей увидел меня в парке беседующим с его агентом и пришел к выводу...» Да, к какому же выводу в самом деле он пришел? Что Феннан признался или готов признаться? Или что Феннан мой агент?» — «...и пришел к выводу в силу причин, остающихся неизвестными, что Феннан представляет опасность. Следующим вечером, который приходился на первый вторник месяца, Эльза Феннан положила донесения своего мужа в нотную папку и направилась в Уайбридж в театр, где, как договорено, она должна была передать ее в гардеробной, обменявшись квитанциями. Мундт приносил свою собственную папку для нот и делал то же самое. Квитанциями Эльза и Мундт обменивались во время представления. Мундт не появился. Как и полагалось в такой аварийной ситуации, она послала содержимое папки по условленному адресу, оставив театр пораньше, чтобы успеть к последней выемке почты из Уайбриджа. Затем она отправилась домой, где и встретила с Мундтом, который к тому времени убил Феннана, скорее всего по приказу Дитера. Едва только встретив его в холле, он в упор выстрелил в него. Зная Дитера, я предполагаю, что он уже давно имел у себя в Лондоне несколько подписанных бланков с печатями, подлинными или поддельными, с подписями Самуэля Феннана на тот случай, если понадобится скомпрометировать или шантажировать его. Зная, на что он идет, Мундт прихватил с собой такой листок с подписью Феннана, чтобы на его же машинке напечатать поддельное предсмертное письмо. В ходе ужасной сцены, которая должна была последовать после появления Эльзы, Мундт понял, что Дитер неправильно истолковал встречу Феннана со Смайли, но убедил Эльзу, что необходимо спасти репутацию покойного мужа — не говоря уж о ее участии в этих делах. Тем самым Мундт обеспечивал безопасность и себе. Мундт заставил Эльзу сесть за машинку, скорее всего, потому, что не доверял собственному английскому. Но кто же, кстати, черт возьми, написал то первое письмо с обвинениями?»

Затем, скорее всего, Мундт потребовал отдать ему папку, которую он не успел взять, на что Эльза ответила, что, подчиняясь данным ей инструкциям, она выслала квитанцию от камеры хранения по адресу в Хемпстеде, оставив папку в театре. Мундт тут же отреагировал: он заставил ее позвонить в театр и договориться, что он возьмет папку, когда вечером будет возвращаться в Лондон. Так что адрес, по которому была послана квитанция, не представлял уже больше интереса; в противном случае Мундт постарался бы пораньше вернуться домой, чтобы успеть получить квитанцию и взять папку.

Смайли появился в Валлистане утром в среду 4 января и в ходе первой беседы услышал вызов в 8.30 с телефонной станции, который (и на этот счет нет обоснованных сомнений) Феннан заказал без пяти восемь предыдущим вечером. Зачем?

Попозже в то же утро С. вернулся к Эльзе Феннан, чтобы осведомиться о звонке в 8.30, который, как она понимала (по ее же собственному признанию), должен был «обеспокоить» меня (без сомнения, лестное описание моего могущества из уст Мундта оказало свое воздействие). Рассказав С. какую-то жалкую историю о слабющей памяти, она запаниковала и позвонила Мундту.

Мундт, уже имея на руках мое описание или снимки, полученные от Дитера, решил ликвидировать С. (по указанию Дитера?), и к вечеру этого дня ему едва не удалось достичь успеха. (Кстати: Мундт не возвращал машину в гараж Скарра до вечера 4-го числа. Из этого не стоит делать вывод, что у Мундта не было планов улететь пораньше в этот же день. Если бы он в самом деле решил улететь утром, он бы мог спокойно доставить машину Скарру в гараж и добраться до аэропорта автобусом.)

Вполне вероятно, что Мундт изменил свои планы после телефонного звонка Эльзы. Хотя не совсем ясно, изменил ли он их вследствие ее звонка. В самом деле звонок ее испугал Мундта? В этом состоянии он решил остаться и пошел на убийство Адама Скарра...»

В холле зазвонил телефон.

— Джордж, это Питер. Ни номер телефона, ни адрес ничего не дали. Глухо.

— Что ты имеешь в виду?

— И номер телефона, и адрес привели в одно и то же место — меблированные комнаты в Хайгейте.

— Ну?

— Их арендует пилот из «Люфт Европы». Он заплатил за два месяца, по 5 января, и с тех пор не показывался.

— Черт!

— Хозяйка отлично запомнила Мундта. Приятеля пилота. Для немца он был очень симпатичным и вежливым и к тому же щедрым. Он довольно часто предпочитал спать там на софе.

— О, Господи!

— Я так прочесал всю комнату, что и зубочистка от меня не ускользнула бы. В углу стоит письменный стол. Все ящики пусты, кроме одного, в котором лежит квитанция от камеры хранения. Интересно, откуда она... Если хочешь посмеяться, отправляйся в Кембридж-серкус. Всех небожителей-олимпийцев так и трясет от жажды деятельности. Да, кстати...

— Да?

— Я покопался и в квартире Дитера. Еще один пустой номер. Он исчез 4 января. Даже молочнику не сказал.

— Как насчет его почты?

— Он ничего не получал, кроме счетов. Я полюбозыщивал и гнездышком товарища Мундта; пара комнат над миссией. Даже мебели не осталось, не говоря уж о всем остальном. Прости.

— Понимаю.

— Хотя я должен сказать тебе одну странную вещь, Джордж. Помнишь, я говорил тебе, что хотел бы взглянуть на личные вещи Феннана — ну, там, бумажник, записная книжка и так далее. В полиции.

— Да.

— Ну вот, я это сделал. В его записной книжке полное имя Дитера с адресом и телефоном миссии рядом. Черт возьми, ну и нахал.

— Больше того. Сумасшедший. Боже милостивый!

— Далее, четвертое января начинается запись: «Смайли. Звонить в 8.30». Имеется связь с записью за третье число, которая гласит: «Заказать звонок на ср. утром». Речь идет о твоем таинственном звонке.

— По-прежнему необъяснимо.

Пауза.

— Джордж, я послал Феликса Тавернера в ФО кое-что разнохатать. С одной стороны, дела хуже, чем мы предполагали, а с другой — лучше.

— Почему?

— Тавернер наложил лапу на регистрационные записи выдачи дел за последние два года. Ему удалось выяснить,

какие досье направлялись в отдел Феннана. Когда досье передаются в какой-то отдел, это делается по установленной форме.

— Я слышал об этом.

— Феликс выяснил, что три или четыре досье обычно в пятницу вечером записывались на Феннана и возвращались в понедельник утром, из чего можно сделать вывод, что он брал материалы домой на уик-энд.

— О, Господи!

— Но самое странное, Джордж, заключается в том, что в последние шесть месяцев, когда он регулярно передавал информацию, он старался брать домой нерасклассифицированные, самые рядовые материалы, которые ни для кого не представляли интереса.

— Но ведь именно в последние месяцы он начал иметь дело с секретными досье, — сказал Смайли. — И мог брать домой все что хотел.

— Верно, но он этого не делал. И, в сущности, можно сказать, что не делал этого специально. Он приносил домой несущественную ерунду, не имевшую отношения к его обязанностям. И теперь его коллеги ничего не могут понять — в возвращаемых им досье содержались материалы, не имеющие отношения к кругу интересов его секции.

— И нерасклассифицированные.

— Да, или не имеющие никакой ценности для разведки.

— А как он вел себя раньше? До того, как перешел на новую работу? Какие материалы он тогда брал домой?

— Те досье, с которыми он работал днем, — данные о политике и все такое.

— Секретные?

— Часть да, часть нет. Как попадалось.

— Но ничего подозрительного — никаких особо деликатных материалов, не имевших к нему прямого отношения?

— Нет. Ни одного. У него была возможность совершенно свободно набирать их целыми кучами, но он ею не пользовался. Наверно, трусил, как я предполагаю. Несерьезный человек.

— Пожалуй, что да, если он записал данные своего контролера в записную книжку.

— Вот еще один факт для размышлений: он сообщил в ФО, что четвертого его не будет на работе. Событие для него довольно неординарное — он с огромным увлечением относился к работе.

— Какова реакция Мастона на все это? — помолчав, спросил Смайли.

— Сейчас сидит, зарывшись по уши в досье, и каждые две минуты вскакивает, чтобы задавать дурацкие вопросы. Думаю, что перед лицом всех этих фактов он чувствует себя не лучшим образом.

— Можешь не беспокоиться, Питер, он их просто отшвырнет в сторону.

— Он уже говорит, что все дело Феннана построено лишь на показаниях психопатки.

— Спасибо, что позвонил, Питер.

— До встречи, старина. Выше голову.

Положив трубку, Смайли огляделся в поисках Мендела. На столике в холле вечерняя газета, и он бегло проглядел заголовки: «Бессудная расправа; мировое еврейство протестует», а под ним — рассказ, как был линчеван в Дюссельдорфе еврейский лавочник. Он открыл дверь кабинета — Мендела не было и там. Он увидел его за окном: напялив свою бесформенную шляпу, Мендел яростно оккупывал деревья в палисаднике. Понаблюдав за ним несколько минут, Смайли снова поднялся наверх отдохнуть. Как только он добрался до верхних ступенек, телефон опять зазвонил.

— Джордж, прости, что снова беспокою. Это о Мундте.

— Да?

— Прошлым вечером вылетел в Берлин на самолете Британской авиакомпании. Путешествует под чужим именем, но стюардесса легко опознала его. Этого следовало ожидать. Не повезло, старина.

Нажав на рычаг свободной рукой, Смайли тут же набрал «Валлистон 2944» и застыл, прислушиваясь к гудкам на дальнем конце. Наконец он услышал голос Эльзы Феннан:

— Алло... алло... Алло?

Медленно он положил трубку. Она была жива.

Но почему, черт побери, именно теперь? Почему Мундт отправился домой именно теперь, через пять недель после убийства Феннана и через три недели после убийства Скарра; почему он избавился от человека, представлявшего куда меньшую опасность — от Скарра — и оставил в покое Эльзу Феннан, нервную и взвинченную, которая готова в любой момент отбросить в сторону соображения собственной безопасности и все выложить? Как Дитер может доверять женщине, так легко поддающейся внушению, которой не помешали даже события той ужас-

ной ночи? Доброе имя ее мужа больше не нуждалось в защите, и разве она не могла, охваченная Бог знает каким приступом ненависти и мести, выложить всю правду? По логике вещей вскоре за убийством Феннана должно было последовать и убийство его жены, но какие события, какая информация, какая опасность заставили прошлым вечером Мундта унести ноги? Тщательно разработанный безжалостный план, который должен был скрыть предательство Феннана, незавершенным был отброшен в сторону. Что из вчерашних событий стало известно Мундту? Или время его отъезда было просто совпадением? Смайли не мог поверить в это. Если Мундт остался в Англии после двух убийств и покушения на Смайли, пошел он на это, можно представить, без большой охоты и ждал только возможности или какого-то события, которые освободили бы его. И после этого он и минуты лишней тут не провел бы. И все же, что он делал после смерти Скарра? Скрывался в каком-то одиноком убежище, не видя света и не получая никаких известий. Тогда почему же он столь внезапно вылетел домой?

И Феннан — что это был за шпион, который подбирал для своих хозяев столь безобидную информацию, когда у него под руками лежали подлинные сокровища? Изменились планы и намерения, может быть? Перестала интересовать цель? Тогда почему он не поделился со своей женой, для которой его преступная деятельность была сплошным кошмаром и которая всегда поддерживала бы его? Казалось, что Феннан никогда не проявлял особого интереса к секретным данным — он просто брал домой те досье, которые попадались ему под руку. Но скорее всего, именно потеря интереса к цели может объяснить и его странную встречу в Марлоу, и убежденность Дитера, что Феннан предал его. Но кто написал анонимное письмо?

Все бессмысленно, все совершенно бессмысленно. Сам Феннан, при всем своем уме и сообразительности, был обманут легко и ловко. Он в самом деле нравился Смайли. Но почему этот достаточно опытный обманщик и конспиратор сделал столь чудовищную оплошность, внося имя и адрес Дитера в свою записную книжку, и почему он с такой небрежностью относился к сбору разведывательной информации?

Смайли поднялся наверх упаковать свои немногочисленные принадлежности, которые Мендел притащил ему с Байуотер-стрит. Все было кончено.

Статуэтка дрезденского фарфора

Остановившись на пороге, он опустил чемоданчик и залез в карман в поисках связки ключей. Открывая двери, он вспомнил, как тут стоял Мундт, спокойно и оценивающе глядя на него своими бледно-голубыми глазами. Как странно, что Мундт был учеником Дитера. Действовал он с решительностью тренированного наемника — эффективно и целенаправленно. Техника его действий не представляла собой ничего особенного: на все, что он делал, падала тень его хозяина. Словно блистательные и изобретательные находки Дитера были изложены в учебнике, который Мундт выучил наизусть и претворял в жизнь, придав ему солоноватый вкус свойственной ему жесткости.

Смайли специально не оставлял адреса, по которому он был все это время, и на коврик у дверей скопилась целая куча почты. Собрав ее, он положил конверты на столик и стал открывать дверь за дверью; на лице его было растерянное и удивленное выражение. Дом казался ему чужим, пустым и холодным. И, медленно переходя из одной комнаты в другую, он в первый раз начал осознавать, как пуста стала его жизнь.

Он искал спички, чтобы зажечь газ, но не обнаружил их. Опустившись в кресло в гостиной, Смайли обвел глазами книжные полки и различные безделушки, которые привозил из своих путешествий. Когда Анна оставила его, он принялся безжалостно избавляться от всех следов ее пребывания. Он даже избавился от ее книг. Но постепенно смягчился и позволил остаться нескольким символическим напоминаниям об их совместной жизни — свадебные подарки от близких друзей, которые значили слишком много, чтобы можно было расстаться с ними. Среди них был набросок Ватто от Питера Гильома и скульптурка дрезденского фарфора от Сид-Эспри.

Встав, он подошел к полке буфета, на которой стояла статуэтка. Ему нравилось любоваться прелестью этих фигурок, хрупких пастушков и куртизанок времен стилия рококо, ручки которых обнимали обожаемых любовников, а взгляды на фарфоровых личиках были прикованы друг к другу. Он чувствовал какое-то смущение перед их хрупким совершенством, как в свое время перед Анной, когда он

начинал ухаживать за ней, что так восхитило общество. Каким-то образом эти маленькие фигурки вселяли в него спокойствие: требовать верности от Анны было столь же бесполезно, как от этих хрупких пастушек в стеклянном колпаке. Сид-Эспри купил эту статуэтку в Дрездене перед войной, она была украшением его коллекции, но он подарил ее им. Может, он уже тогда предполагал, что в один прекрасный день Смайли почувствует необходимость в той простой философии, которой она была пронизана.

Дрезден — из всех немецких городов Смайли больше всего любил его. Ему нравилась его архитектура, странное смешение средневековых и современных зданий, напоминающих порой об Оксфорде; его купола, башни и шпили, его позеленевшие от времени кровли, залитые теплым светом. Его имя скрывало в себе упоминание об обитателях леса, которое он обрел в те времена, когда Венцеслас из Богемии даровал это поселение своему менестрелю — со всеми привилегиями, Смайли припомнил, когда он в последний раз был там, знакомясь с университетом, по приглашению профессора философии, с которым познакомился в Англии. Как раз во время этого визита он увидел Дитера Фрея, ковылявшего по тюремному двору. Он почувствовал, что парень полон гневного сдавленного спокойствия; наголо выбритая голова придавала ему зловещие черты, и его фигура казалась слишком крупной для этой маленькой тюрьмы. В Дрездене, вспомнил он, родилась Эльза. Перед глазами всплыли страницы ее личного дела, которое он просматривал в министерстве: урожденная Фрейман, родилась в 1917 году в Дрездене от родителей-горожан; образование получила в Дрездене; 1938—1945 годы была в заключении. Он попытался представить Эльзу в обстановке ее дома, в аристократической еврейской семье, которой ныне приходится жить среди оскорблений и преследований. «Я мечтала о длинных золотистых волосах, а они обрили меня наголо». Теперь он с тошнотворной точностью понимал, почему она красила волосы. Она могла быть такой, как эта пастушка, кругленькой и хорошенькой. Но тело ее было так изуродовано голодом и страданиями, что стало костистым и уродливым, как птичий скелет.

Он представил ее той ужасной ночью, когда она увидела убийцу своего мужа, стоявшего над его телом; он слышал, как она, задыхаясь от рыданий, объясняла, почему Феннан был в парке со Смайли, а Мундт спокойно и рассудительно убеждал ее, что она должна, пусть и против своего желания, скрыть это дикое и бессмысленное преступле-

ние, для чего он буквально подтащил ее к телефону и заставил позвонить в театр, а затем вынудил написать то бессмысленное предсмертное письмо Феннана над его подписью и оставил ее, полную мук и страданий, подвергаться допросам, которые неизбежно должны были последовать. Трудно было себе представить такую холодную бесчеловечность, и, заметил он себе, Мундт пошел на фантастический риск.

Конечно, в прошлом она проявила себя как прекрасная сообщница, хладнокровная и спокойная и, по иронии судьбы, более изобретательная в технике шпионажа, чем сам Феннан. И может быть, для женщины, которой пришлось пережить такую ночь, ее поведение во время их первой встречи было настоящим чудом.

И когда он стоял, глядя на пастушку, застывшую между двумя своими обожателями, к нему пришло холодное сознание того, что есть совершенно иное решение дела Самуэля Феннана, решение, которое объясняет каждую деталь, сводит воедино все раздражающие противоречия в характере Феннана. Осознание это пришло к нему в результате чисто академических размышлений, которые не имели отношения ни к кому из действующих лиц; Смайли оперировал ими, как кусочками головоломки, сопоставляя их в том или ином порядке, чтобы общая картина соответствовала установленным фактам, — и вдруг в какую-то долю секунды все сошлось настолько плотно, что головоломка обрела совершенно законченный вид.

Сердцебиение утихло, пока Смайли с растущим удивлением восстанавливал в памяти всю историю, реконструировал сцены и события в свете своего открытия. Теперь он знал, почему Мундт покинул сегодня Англию, почему Феннан столь небрежно отбирал то, что не могло представлять ценности для Дитера, почему он заказал звонок в 8.30 и каким образом его жене удалось избежать жестокости Мундта. И наконец, он понял, кто написал анонимное письмо. Он увидел, в какое глупое положение его поставили эмоции, какую дурную шутку с ним сыграла убежденность в силе своего интеллекта.

Подойдя к телефону, он набрал номер Мендела. Завершив разговор с ним, он сразу же позвонил Питеру Гильому. Затем, облачившись в пальто и напялив шляпу, он вышел на угол Слоан-сквер. В небольшом газетном киоске он купил открытку с видом Вестминстерского аббатства. Добравшись до станции подземки, он поехал на север к Хайгейту, где и вышел. На главном почтамте он купил марку

и твердым почерком написал открытку, адресованную Эльзе Феннан. На месте, предназначенном для текста, он написал угловатым почерком: «Хочу, чтобы вы прибыли». Отметив время, он бросил открытку в почтовый ящик, после чего вернулся на Слоан-сквер. Больше ничего он не мог сделать.

Спал он в эту ночь тревожно; на следующий день в субботу встал рано и вышел на угол купить булочки-круассоны и кофе в зернах. Приготовив себе кофе, он сел на кухне, просматривая «Таймс» и поглощая свой завтрак. Он был на удивление спокоен и, когда зазвонил телефон, аккуратно сложил газетку, прежде чем подняться наверх к аппарату.

— Джордж, это Питер, — голос у него был взволнованный и почти торжествующий. — Джордж, клянусь, мы ее достали!

— Что случилось?

— Почта пришла ровно в 8.35. В 9.30 она как припорошенная вылетела из дома. Прямоком направилась на железнодорожную станцию и села на поезд в 9.52, что идет к вокзалу Виктория. Я посадил Мендела в поезд, а сам сел в машину, но не успел встретить его.

— Как ты снова свяжешься с Менделом?

— Я дал ему номер «Гроссенвор-отеля» и буду ждать его там. Как только у него будет такая возможность, он мне позвонит, и я присоединюсь к нему, где бы они ни были.

— Питер, я надеюсь, что вы будете достаточно вежливы, не так ли?

— Мяжки, как дуновение ветерка, старина. Я думаю, что она окончательно сбита с толку. Носится как гончая.

Смайли положил трубку. Взяв «Таймс», он принялся изучать театральную колонку. Он должен быть прав... должен.

Время после завтрака ползло с убийственной медлительностью. Порой он подходил к окну и стоял, засунув руки в карманы, наблюдая за длинноногими кенсингтонскими девушками, которые прогуливались по магазинам с симпатичными юношами в голубых джемперах; за компаниями ребятишек, весело моющих перед домом машины, куда они потом садились и уезжали за покупками.

Наконец после часов ожидания, которые показались невыносимо длинными, звякнул колокольчик у входной

двери, и ввалились Мендел и Гильом, сияя счастливыми улыбками и жутко голодные.

— Наживил, забросил и поймал, — сказал Гильом. — Но пусть Мендел изложит — большинство черновой работы досталось на его долю. Я появился уже перед финалом.

Мендел, уставившись в пол в нескольких футах перед ним, слегка склонив набок голову, точно и исчерпывающе изложил ход событий.

— Итак, она села на поезд в 9.52 до Виктории. В поезде мне удалось не попасться ей на глаза, и я перехватил ее, когда она уже выходила со станции. Затем она взяла такси.

— Такси? — перебил его Смайли. — Должно быть, она с ума сошла.

— Она жутко торопилась. Она вообще ходит для женщин довольно быстро, но по перрону она чуть ли не бежала. Она доехала до театра «Шеридан». Сразу толкнулась в кассу, но она была еще заперта. Потоптавшись несколько секунд, она пошла в кафе, что было ярдах в ста. Заказала кофе и сразу же расплатилась за него. Примерно минут через сорок она вернулась к театру. Касса была уже открыта, я нырнул вслед за ней и присоединился к очереди. Она купила два места в задних рядах на следующий вторник, места 27-е и 28-е. Выйдя из театра, она положила один билет в конверт и запечатала его. Затем опустила его в почтовый ящик. Адреса увидеть мне не удалось, но на нем была шестипенсовая марка.

Смайли сидел не шевелясь.

— Интересно, — сказал он, — мне интересно, придет ли он.

— Я перехватил Мендела у «Шеридана», — сказал Гильом. — Оставив ее в кафе, он позвонил мне. После этого снова стал следить за ней.

— Я бы и сам не отказался от кофе, — продолжал Мендел. — Мистер Гильом присоединился ко мне. Когда я встал в очередь, он остался там и вышел из кафе несколько позже. Словом, работу мы провели что надо, без сучка и задоринки. Я видел, как она торопилась. Но никаких подозрений у нее не возникло.

— Что она сделала потом? — спросил Смайли.

— Поехала прямо на вокзал Викториа. Там мы ее и оставили.

Несколько секунд они помолчали. Потом Мендел спросил:

— Что нам теперь делать?

Моргнув, Смайли серьезно посмотрел на заросшее лицо Мендела.

— Покупать билет на вторник в «Шеридан».

Они ушли, и он снова остался один. Он еще не принимался за кучу почты, что накопилась во время его отсутствия, рекомендации и каталоги от «Блекуэллза»¹, счета и рекламные плакаты торговцев мылом и замороженной пищей, приглашения от спортивных клубов и несколько личных писем по-прежнему кучей лежали на столике в холле. Перетащив их в кабинет, он сел в кресло у стола и первым делом взялся за личные письма. Первое было от Мастопа, и он читал его в некоторой растерянности.

«Мой дорогой Джордж!»

Я был так опечален, услышав от Гильома о постигшей вас неприятности, но надеюсь, что в настоящее время вы уже полностью оправились.

Будем считать, что вы написали мне письмо с прошением об отставке в пылу возбуждения, свойственного тому моменту, но я хотел бы дать вам знать, что не воспринимаю его со всей серьезностью. Порой, когда события слишком стремительно следуют одно за другим, нам изменяет чувство перспективы. Старые бойцы, как мы с вами, Смайли, не так легко сходят со сцены. С нетерпением жду возвращения в наши ряды, как только вы окрепнете, и тем временем мы продолжаем считать вас одним из старых и преданных членов нашей команды».

Отложив это послание в сторону, Смайли взялся за другое. Сначала он не узнал почерк на нем; сначала он просто посмотрел на швейцарскую марку и конверт с гербом дорогого отеля. Внезапно его слегка замутило, перед глазами все поплыло, и у него едва хватило сил слабеющими пальцами надорвать конверт. Что ей надо? Если денег, он может отдать ей все, что у него есть. Деньги были его собственными, и он мог их тратить как пожелает, если ему доставит удовольствие спустить их все на Анну, он может себе это позволить. Больше ничего дать ей он не мог — все остальное она забрала давным-давно. Она забрала его мужество, его любовь, его страсть, небрежно засунув их в сумочку с драгоценностями, чтобы когда-нибудь потом, лениво нежась под жарким кубинским солнцем, поиграть

¹ «Блекуэллз» — известный книжный магазин в Оксфорде (Прим. пер.).

ими перед глазами очередного любовника, сравнивая их с безделушками, которые в свое время принадлежали другим.

«Мой дорогой Джордж, я хотела бы сделать тебе предложение, которое не сможет отвергнуть ни один подлинный джентльмен. Я хотела бы вернуться к тебе.

Я буду в отеле „Бор-о-Лак“ в Цюрихе до конца месяца. Дай мне знать.

Анна».

Смайли перевернул конверт и посмотрел на него с тыльной стороны: «Мадам Хуан Алвида». Нет, джентльмен не может принять такое предложение. Ни одна мечта не может пережить того безжалостного факта, что Анна исчезла с этим сахарным латиноамериканцем с его апельсиновой улыбкой. Смайли как-то видел в кино в «Новостях дня» этого Алвида, выигравшего очередную гонку в Монте-Карло. Он припомнил, что самое омерзительное впечатление на него произвели волосы у него на руках. С очками-консервами на лбу, с физиономией, заляпанной маслом, и этим идиотским лавровым венком, он походил на антропоида, спрыгнувшего с дерева. На нем была белая рубашка с короткими рукавами, которая осталась на удивление чистой после гонки, и он с омерзительной ясностью видел волосатые руки.

Вот в этом была вся Анна: «Дай мне знать». Я возвращаю тебя к жизни, так что выясни, можем ли мы опять жить вместе, и дай мне знать. Мне надоел мой любовник, я надоела ему, так что готова снова перетряхнуть весь твой мир, ибо мой собственный мне надоел. Я хочу вернуться к тебе... я хочу, я хочу...

Смайли встал, по-прежнему держа письмо в руке, и снова подошел к фарфоровой статуэтке. Он стоял рядом с ней несколько минут, глядя на фарфоровую пастушку. Она была так прекрасна.

Глава 15

Последний акт

Трехактная постановка «Эдварда II» в театре «Шеридан» игралась при полном зале. Гильом и Мендел сидели на приставных стульях с краю зала, который имел U-образную форму, охватывающую сцену. С левого края окружно-

сти представлялась возможность держать под наблюдением задние ряды, которые тоже заполнялись. Одно пустое место отделяло Гильома от шумной компании студентов, оравших в восхищении.

Они задумчиво осматривали бескрайнее море голов и шелестящих программ, которое вздымалось волнами, когда новоприбывшие занимали свои места. Это напоминало Гильому фигуры восточного танца, когда лишь движения рук и ног оживляли застывшее тело. Время от времени он поглядывал на задние ряды, но ни Эльзы Феннан, ни ее гостя там не было видно.

Увертюра уже подходила к концу, и он снова бросил беглый взгляд на задние ряды, и сердце его внезапно зачистило, когда он увидел худую фигуру Эльзы Феннан, которая неотрывно смотрела в зал, как ребенок, которому дают урок хороших манер. Место справа от нее, ближнее к проходу, по-прежнему было пусто.

На улице такси стремительно подъезжали ко входу в театр, пассажиры торопливо совали кебменам на чай и топтались у входа в поисках билетов. Смайли попросил такси проехать мимо театра и остановиться у «Кларендон-отеля», где он напрямик прошел в зал ресторана.

— Мне сейчас могут сюда позвонить, — сказал он. — Моя фамилия Савадж. Будьте любезны, дайте мне знать.

Бармен повернулся к телефону, стоявшему за ним, и сказал несколько слов клерку.

— И не желаете ли виски с содовой?

— Благодарю вас, сэр, но я никогда не употребляю этот напиток.

На сцене поднялся занавес, и Гильом, вглядывавшийся в последние ряды аудитории, безуспешно пытался что-то увидеть в сгустившейся темноте. Постепенно глаза его призывали к слабому свету лампочек аварийных выходов, и в полутьме он нашел Эльзу; место рядом с ней по-прежнему было пусто.

Лишь низкая перегородка отделяла сиденья заднего ряда от прохода, который тянулся через весь зал и завершался несколькими дверями, что вели в фойе, бар и камеру хранения. На долю секунды одна из них открылась, и косой луч света упал на тонкие черты лица Эльзы Феннан, на котором, словно по контрасту, обрисовались черные провалы под глазами. Она слегка склонилась головой, будто прислушиваясь к звукам за своей спиной, полуприподнялась на месте и, обманувшись в

своих ожиданиях, снова села, застыв в привычном внимании.

Гильом почувствовал, как Мендел прикоснулся к его руке, обернулся и увидел, что он пристально вглядывается в темноту. Проследив за его взглядом, он увидел, как со стороны оркестровой ямы неторопливо двигалась к задним рядам высокая фигура. Человек этот сразу же привлек внимание своим обликом и осанкой; на лоб ему падали завитки черных волос. Именно на него Мендел смотрел с таким восхищением, на этого элегантного гиганта, который, прихрамывая, шел по проходу. Сквозь очки Гильом смотрел на его медленное, но неуклонное продвижение, восхищаясь своеобразной грациозностью и спокойствием, которые читались в его неровной походке. Этот человек, облик которого врезался в память, был как-то отдален от всех окружающих, но его внешность трогала глубокие струны воспоминаний, ибо казалось, что где-то он видел его: для Гильома он предстал живой частью романтических мечтаний, ибо он стоял рядом с Дрейком спина к спине у мачты, он дрался вместе с Байроном за свободу Греции и вместе с Гёте спускался к теням ада. В его прихрамывающей походке чувствовались вызов и уверенность, на которые нельзя было не обратить внимания. Гильом заметил, как головы зала поворачивались к идущему, провожая его почтительными взглядами.

Миновав Мендела, Гильом торопливо выскочил через аварийный выход в коридор. Спустившись на несколько ступенек, он оказался в фойе.

Касса была уже закрыта, но в ней продолжала сидеть девушка, с безнадежным отчаянием уставившись в лист, покрытый перечеркнутыми и переписанными столбиками цифр.

— Простите, — сказал Гильом, — но я должен воспользоваться вашим телефоном. Это очень срочно, понимаете?

— Т-с-с! — Она нетерпеливо махнула на него карандашом, не поднимая глаз. Волосы у нее были мышинового цвета, а маслянистая кожа лица носила следы усталости от поздней вечерней работы и дысты из вареной картошки. Гильом подождал несколько секунд, прикидывая, когда наконец она разберется с расчетами, имевшими отношение к куче мятых купюр и россыпи монет в открытом ящичке рядом с ней.

— Послушайте, — настойчиво обратился он к ней. — Я офицер полиции, а тут есть пара типов, которые явно на-

целились на вашу выручку. Так вы дадите мне воспользоваться вашим телефоном?

— О, Господи, — усталым голосом сказала она, в первый раз посмотрев на него. Она носила очки, и у нее было совершенно незапоминающееся лицо. Слова Гильома совершенно не обеспокоили ее и вообще, казалось, не произвели никакого впечатления. — Я только и мечтаю, чтобы им удалось забрать все эти деньги. Я в них утонула с головой. — Отодвинув свои расчеты, она открыла дверь кабинки, и Гильом скользнул внутрь.

— Нелегкая служба, а? — с улыбкой сказала девушка. Произношение у нее было вполне правильное, и Гильом решил, что ей удалось на сэкономленные по шиллингу деньги кончить приличную школу в Лондоне. Позвонив в «Кларендон», он попросил к телефону мистера Саваджа. Почти сразу же в трубке раздался голос Смайли.

— Он здесь, — сказал Гильом, — и был в театре все время. Должно быть, купил входной билет и примостился в первых рядах. Мендел внезапно увидел, как он ковыляет по проходу.

— Ковыляет?

— Да. Это не Мундт. Это другой. Дитер.

Смайли молчал, и, подождав несколько секунд, Гильом осведомился:

— Смайли... вы меня слышите?

— Этого я и боялся, Питер. Против Фрея у нас ничего нет. Отзови людей, брат Мундта им не придется. Первый акт уж кончился?

— Скоро должен быть антракт.

— Я буду минут через двадцать. Виси над Эльзой как ангел-хранитель — если они разойдутся, пусть Мендел не упускает из виду Дитера. Во время последнего акта оставайтесь в фойе на тот случай, если они решат уйти пораньше.

Положив трубку, Гильом повернулся к девушке.

— Спасибо, — сказал он, оставив на столе четыре пенса. Она торопливо собрала мелочь и зажала ее в руке.

— Ради Бога, — сказала она, — только вас тут мне не хватало.

Гильом вышел на улицу и перекинулся несколькими словами с неприметным мужчиной, прогуливавшимся по тротуару. Затем он поспешил обратно и успел присоединиться к Менделу как раз перед тем, как опустился занавес в конце первого акта.

Эльза и Дитер продолжали сидеть бок о бок. Они с удовольствием болтали друг с другом. Дитер то и дело смеялся, а Эльза оживилась и жестикулировала, как марионетка, за ниточки которой дергала рука хозяина. Мендел с восхищением наблюдал за ними. Заливаясь смехом на любое замечание Дитера, она клонилась вперед, придерживаясь за его руку. Он видел, как ее тонкие пальцы прикасались к его смокингу, видел, как Дитер, склоняя к ней голову, что-то шептал Эльзе, от чего она снова смеялась. Пока он не сводил с нее глаз, люстры в зале померкли и смолк гул голосов — аудитория затихла, готовясь к лицезрению второго акта.

Оставив «Кларендон», Смайли неторопливо пошел по тротуару к театру. Обдумывая ситуацию, он пришел к выводу, что со стороны Дитера было вполне логично явиться самому, ибо посылать Мундта было бы чистым безумием. Он прикинул, сколько времени потребуется Эльзе и Дитеру выяснить, что на встречу вызвал ее не Дитер — не Дитер слал открытку доверенному курьеру. Тогда, решил он, наступит довольно интересный момент. Он молил Бога лишь о том, чтобы ему представилась возможность для еще одного разговора с Эльзой.

Через несколько минут он бесшумно опустился на пустое место рядом с Гильомом. Но прошло довольно много времени, прежде чем он взглянул на Дитера.

Он не изменился. У него была та же неисправимо романтическая внешность, которая помогала скрывать обаяние обманщика; та же незабываемая фигура, которая возникла из руин Германии, непримиримая в своем стремлении к цели, дьявольски безжалостная в средствах, сумрачная и светлая, как нордический бог. В тот вечер в клубе Смайли соврал им; Дитер был вне каких-то сравнений, и его хитрость, его умение обманывать, его воля и его мечты — все это не укладывалось в привычные рамки, и жизненный опыт ни в коей мере не уменьшил этих его качеств. Он был человеком, который думал и действовал, руководствуясь лишь крайностями, не зная, что такое терпение или компромиссы.

В этот вечер, когда он сидел в затемненном театре и за толчеей неподвижных лиц видел Дитера, к нему вернулись воспоминания, воспоминания об опасностях, которые они делили на пару, о взаимном доверии их, когда каждый из них держал в руках жизнь другого... На долю секунды

Смайли показалось, что взгляд Дитера скользнул к нему и он разглядел его в полутьме зала.

Когда второй акт приближался к концу, Смайли покинул зал; когда занавес опустился, он, уже выйдя через боковой выход, терпеливо дожидаясь в коридоре начала последнего акта. Незадолго до конца антракта к нему присоединился Мендел, а мимо них торопливо прошел Гильом, торопясь занять свой пост в фойе.

— Что-то не в порядке, — сказал Мендел. — Они спорят. Похоже, что она испугана. Она продолжает что-то говорить, но он упорно качает головой. Мне кажется, что она в панике, да и Дитер кажется встревоженным. Он начал озираться, словно чувствуя себя в ловушке, — оценивает обстановку и намечает план действий. Он поглядывал туда, где вы сидели.

— Он не позволит ей остаться одной, — сказал Смайли. — Он будет ждать и выйдет, постаравшись смешаться с толпой. До конца представления они не уйдут. Скорее всего, он понял, что окружен, скорее всего, он постарается сбить нас с толку, внезапно отделившись от нее в гуще толпы, то есть просто потеряет ее.

— Каковы наши действия? Почему мы не можем просто подойти и взять их?

— Мы ждем, хотя я не знаю, чего именно. У нас нет никаких доказательств. Пока Мэстон не решится действовать, у нас не будет доказательств. Ни убийств, ни шпионажа! Но помните вот что: Дитер этого не знает. Если Эльза так дергается и Дитер встревожен, они что-то сделают — это точно. Пока они считают, что игра окончена, у нас есть какой-то шанс. Пусть они дергаются, нервничают, делают что угодно. В таком случае...

Свет в зале снова померк, но краем глаза Смайли видел, как Дитер склонился к Эльзе, что-то нашептывая ей. Левой рукой он держал ее за предплечье, и внимание, которое он ей уделял, говорило, что он в чем-то страстно убеждает и уговаривает.

Пьеса двигалась к завершению; крики солдат и вопли сумасшедшего короля, чувствующего приближение омерзительной фигуры смерти, наполняли зал театра, когда с задних рядов до них донесся хорошо слышный вздох. Теперь Дитер обнимал одной рукой Эльзу за плечи, другой заботливо укутывал ее шею складками тонкого шарфика, оберегая ее, словно засыпающего ребенка. В таком положении они оставались до финального занавеса. Никто из них не аплодировал. Дитер поискал сумочку Эльзы, что-то успо-

каивающе сказал ей и положил сумочку ей на колени. Она еле заметно кивнула. Дробь барабанов, предшествующая национальному гимну, подняла аудиторию на ноги — Смайли инстинктивно поднялся и, к своему удивлению, заметил исчезновение Мендела. Дитер медленно встал, и Смайли понял — что-то произошло. Эльза по-прежнему сидела на своем месте, и, хотя Дитер мягко склонился к ней, желая помочь, она ни единым движением не ответила ему. В том, как она сидела со склонившейся к плечу головой, было что-то неестественное...

Еще не закончилась последняя строфа гимна, а Смайли уже кинулся к дверям и промчался вниз по коридору в фойе. Он уже опоздал — его встретили первые кучки нетерпеливых зрителей, спешивших на улицу в поисках такси. Он стал отчаянно продираться сквозь толпу в поисках Дитера, понимая, что все бесполезно, — Дитер поступил так, как и он поступил бы на его месте, избрав один из дюжины аварийных выходов, которые вели к свободе и безопасности. Невысокий и коренастый, Смайли с трудом пробился обратно к выходу из зала. Проталкиваясь и извиваясь в потоке людей, идущих ему навстречу, он увидел Гильома, который, стоя с краю толпы, тщетно искал в ней Дитера и Эльзу. Он окликнул его, и Гильом тут же обернулся.

Пробившись к низкой загородке, отделявшей ряды от прохода, Смайли увидел, что Эльза сидит так же недвижимо в окружении людей, ищущих свои пальто и сумочки. Наконец он услышал чей-то вскрик. Этот внезапный короткий оборвавшийся вопль был полон ужаса и отвращения. Глядя на Эльзу, в проходе стояла девушка. Она была юной и хорошенькой; со смертельно бледным лицом она поднесла руку ко рту. Рядом с ней стоял отец, высокий мужчина, лицо которого стало трупного цвета. Увидев представившуюся ему ужасную картину, он сразу же схватил ее за плечи и оттащил в сторону.

Шарфик Эльзы сполз в плеч, и голова свесилась на грудь.

Смайли оказался прав. «Пусть они дергаются, нервничают... делают что угодно». Вот это они и сделали; это обвисшее, обмякшее тело стало доказательством охватившей их паники.

— Ты лучше вызови полицию, Питер. А я отправляюсь домой. Если можешь, избавь меня от участия в этом. Ты знаешь, где найти меня. — Он кивнул, говоря словно с самим собой. — А я отправляюсь домой.

Стоял туман и падал легкий дождь, когда Мендел, преследуя Дитера, выскочил на Фуллхем Палас-роуд. Из влажного тумана, ярдах в двадцати от него, внезапно вынырнули фары машины; визгливые звуки сигналов действовали ему на нервы, когда он шел сам не зная куда.

Впрочем, ему не оставалось ничего другого, как идти по следам Дитера не дальше, чем в дюжине шагов за его спиной. Пивные и кинотеатры были уже закрыты, но из кафе и дансингов время от времени вываливались на улицу шумные группки людей. Ковылявшего перед ним Дитера Мендел видел в свете уличных фонарей, силуэт его то пропадал, то снова возникал в очередном конусе света.

Несмотря на хромоту, Дитер шел легко и свободно. Когда из-за усталости его хромота становилась более заметной, он помогал ходьбе энергичным движением широких плеч.

На лице Мендела было странное выражение, не имевшее ничего общего ни с ненавистью, ни с железной целенаправленностью, а выражавшее откровенное отвращение. Хитрые приемы, собственные профессии Дитера, ничего не значили для Мендела. Он видел в своей жертве лишь убожество и трусость человека, который заставляет других убивать для него. Когда Дитер осторожно вышел из зала и двинулся к боковому выходу, Мендел увидел в нем то, чего и ждал: крадущиеся манеры обыкновенного преступника. Именно с этим, что было ему так понятно, он и рассчитывал столкнуться. Все преступники для Мендела были на одно лицо, от мелкого карманника и домушника до больших шишек, которые орудовали в компаниях, все они нарушали закон, и его неприятной, но необходимой обязанностью было отправлять их за решетку. Так он должен поступить и с этим немцем.

Туман сгушался, обретая все более желтый оттенок. Ни у кого из них не было плаща. Мендел попытался представить себе, что теперь будет делать миссис Феннан. О ней позаботится Гильом. Она даже не взглянула на Дитера, когда он снялся с места. Странная она женщина — одни кожа и кости, но выглядит вполне пристойно. Живет, наверно, на сухариках и бульонных кубиках.

Дитер решительно повернул в боковую улицу налево и потом в другую направо. Они шли уже около часа, но у него не было признаков усталости. Улица казалась совершенно пустой, и в самом деле, Мендел не слышал никаких звуков, кроме их шагов, кратких и четких, эхом отдававшихся в тумане. Узкая улочка была застроена домами в

викторианском стиле, украшенными аляповатыми фасадами времен Регентства, с тяжелыми портиками и выступающими фонарями окон. Мендел прикинул, что они где-то неподалеку от Фуллхем-Бродвея, может быть, ниже его, рядом с Кингс-роуд. Дитер все так же не укорачивал шаги, и его сутуловатая фигура уверенно прорезала туман, стремясь к своей цели.

Когда они оказались рядом с главной дорогой, до Мендела снова донеслись звуки движения, и сквозь туман ему показалось, что тормоза взвизгивали едва ли не под ухом у него. Откуда-то сверху пробился желтоватый свет уличного фонаря, ореол вокруг которого напоминал о зимнем солнце. Несколько секунд Дитер помедлил на углу, а затем, проложив путь мимо машин, которые, как привидения, вылетали из тумана, он пересек дорогу и углубился в одну из бесчисленных боковых улочек, которые, как Мендел прикинул, вели к реке.

Одежда Мендела окончательно отсырела и промокла, и мелкий дождик сек его по лицу. Теперь он должен быть где-то около реки, ему показалось, что он уже чувствует запах смолы и водорослей и ощущает знобящий холодок, которым тянет от черной воды. На мгновение ему показалось, что Дитер исчез. Он решительно двинулся вперед, срезал угол и увидел перед собой металлические перила перед дамбой. Ступеньки вели наверх, к калитке в железной ограде, и она была приоткрыта. Остановившись в воротах, он уставился вниз на черную воду. Вниз вела надежная деревянная лестница, и Мендел услышал неверное эхо шагов Дитера, скрытого завесой тумана, который прокладывал странный курс к урезу воды. Подождав и забеспокоившись из-за тишины, Мендел стал спускаться по лестнице. По всей ее длине с обеих сторон шли надежные деревянные перила, пахнущие сосной. Мендел прикинул, что стоят они тут довольно давно. В конце спуска лестница переходила в длинный пирс, сбитый из толстых досок. Из тумана выплыли очертания трех обшарпанных барок, предназначенных для жилья, они слегка покачивались на швартовых.

Мендел бесшумно ступил на пирс, внимательно приглядываясь к каждой из них. Две стояли бок о бок, соединенные дощатым переходом. Третья покачивалась примерно в пятнадцати футах, и в ее рубке горел свет. Мендел вернулся на дамбу, аккуратно прикрыв за собой железную калитку.

Он медленно брел по дороге, пытаясь понять, где же он находится. Минут через пять тротуар неожиданно вывел

его направо и постепенно пошел кверху. Он предположил, что вышел на мост. Щелкнув зажигалкой, он при свете длинного язычка ее пламени увидел справа от себя каменную стену. Поводив зажигалкой в стороны, он наконец наткнулся на мокрую металлическую пластину со словами «Мост Баттерси». Вернувшись к металлической калитке, Мендел постоял около нее несколько минут, стараясь в свете последнего открытия четко представить свое местонахождение.

Где-то над ним и чуть справа высились четыре величественные трубы Фуллхемской электростанции. Слева от него лежала Чейни-уолк с рядами изящных маленьких яхт, которые тянулись вплоть до моста Баттерси. Место, где он находился, располагалось на линии, разделяющей приличные кварталы от трущоб, где Чейни-уолк вливается в Лотс-роуд, одну из самых омерзительных улиц в Лондоне. Южная сторона ее состояла из обширных складов, пирсов и элеваторов; северная же сторона выходила на ровную линию аккуратных коттеджей, типичных для боковых улочек Фуллхема.

В тени четырех огромных труб, примерно в шестидесяти футах от причалов Чейни-уолка, располагалось убежище Дитера Фрея. Да, теперь Мендел отчетливо представлял себе эти места. В паре сотен ярдов выше по реке милосердные струи Темзы приняли в себя грешные останки мистера Адама Скарра.

Глава 16

Эхо в тумане

Давно уже миновала полночь, когда у Смайли зазвонил телефон. Он встал из кресла перед газовым камином и побрел наверх в спальню, правой рукой цепко хватаясь за перила. Это, конечно, звонит Питер или полиция, и ему придется давать показания. Или даже пресса. Убийство по времени как раз успело попасть в вечерние выпуски газет, но, по счастью, слишком поздно для выпуска радиопрограммы. Что там они выдадут? «Убийца-маньяк в театре», «Смертельный удар — и женщина мертва»? Он ненавидел прессу так же, как рекламу и телевидение, он ненавидел масс-медиа, безжалостную реальность двадцатого столетия. Все, чем он восхищался, что любил, было плодом рук и

ума подчеркнутого индивидуализма. Поэтому теперь он и испытывал ненависть к Дитеру больше, чем когда-либо, презирая то, в защиту чего он выступал: невероятная наглость, с которой отрицалось право индивидуальности на существование в пользу «широких масс». С каких пор философия толпы приносила человечеству пользу и отличалась мудростью? Человеческая жизнь ровно ничего не значила для Дитера: он мечтал лишь об армии безликих рабов, приведенных к самому низкому общему знаменателю; он хотел обстругать мир, как ствол дерева, безжалостно отбрасывая все, что не подчинялось предписанному образцу; для этой цели у него существовали тупые бездушные автоматы, подобные Мундту. Мундт был столь же безлик, как и любой солдат армии Дитера — профессиональный убийца, из чресл которого могут выйти только столь же равнодушные убийцы.

Сняв трубку, она назвала свой номер. На другом конце был Мендел.

— Где вы находитесь?

— Рядом с набережной Челси. Бар называется «Балон», на Лотс-роуд. Владелец — мой знакомый. Я поднял его... Слушайте, приятель Эльзы расположился в каюте на барже неподалеку от мельницы в Челси. Просто чудо, что мне удалось его найти в таком тумане. Дорогу пришлось просто нащупывать, как текст для слепых.

— Кто?

— Да ее приятель, тот, что сопровождал ее в театре. Проснитесь, мистер Смайли! Что с вами?

— Вы выследили Дитера?

— Конечно, так я и сделал. Это же вы сказали Гильому, не так ли? Он не отрывался от женщины, а меня послал за мужиком... Как, кстати, у него дела? Куда направилась Эльза?

— Она никуда уже не направится. Когда Дитер покинул ее, она была мертва. Мендел, вы еще там? Растолкуйте, ради Бога, как мне вас найти? Где это место и знает ли полиция?

— Будет знать. Скажите им, что он располагается на перестроенной грузовой барже под названием «Закатное небо». Она стоит в восточной части пирсов Сеннен, между мельницей и Фуллхемской электростанцией. Они будут знать... но учтите, что туман густой, очень густой.

— Где я смогу вас встретить?

— Направляйтесь прямо к реке. Я встречу вас на северном берегу, у моста Баттерси.

— Сразу же выезжаю, только свяжусь с Гильомом.

Где-то у него валялся револьвер, и на секунду ему показалось, что имеет смысл поискать его. Хотя, впрочем, это бессмысленно. Кроме того, мрачно подумал он, из-за него может быть ужасно много шума. Он тут же позвонил Гильому и передал ему сообщение Мендела.

— И вот что еще, Питер, они должны перекрыть все порты и аэропорты, проверять все речные баржи и каботажные суда. Они знают, как это делается.

Накинув старый макинтош и взяв пару толстых кожаных перчаток, он вышел наружу, в гущу тумана.

Мендел ждал его у моста. Они обменялись кивками, и Мендел сразу же быстро повел его вдоль дамбы, держась поближе к стенке набережной, чтобы не наткнуться на деревья, которые в изобилии росли вдоль дороги. Внезапно Мендел резко остановился, схватив Смайли за руку, чтобы предупредить его. Они застыли в молчании, прислушиваясь. Наконец и Смайли услышал гулкие звуки шагов по деревянному настилу, раздававшиеся с неравномерными интервалами, как у хромого человека. Они услышали скрип петель железной калитки, металлическое лязганье, когда она захлопнулась, а затем снова шаги: теперь человек шел уже по тротуару, и шаги становились все громче, приближаясь к ним. Никто не двигался. Громче. Ближе. Затем они затоптались на месте и остановились. Смайли затаил дыхание, в то же время тщетно пытаясь хоть на ярд проникнуть взором сквозь туман, увидеть застывшую в ожидании фигуру, которая, как он знал, была рядом.

Внезапно человек с яростью дикого вепря рванулся на них, как детей разбросав их в стороны, и бросился бежать, снова исчезнув в тумане, и о направлении его бега говорило лишь удаляющееся эхо шагов. Повернувшись, они бросились вслед за ним — Мендел бежал впереди, а Смайли изо всех сил за ним, живо представляя себе, как Дитер с пистолетом в руке отрывается от них в ночном тумане. Смутные очертания фигуры Мендела резко свернули вправо, и Смайли покорно последовал за ним. Внезапно ритм бегущих шагов сменился шумом свалки. Смайли кинулся вперед, услышав безошибочный звук, с которым тяжелая рукоятка оружия опускается на череп, и едва не натолкнулся на них: он увидел лежащего на земле Мендела и склонившегося над ним Дитера, который вскинул руку, собираясь еще раз ударить лежащего тяжелой рукояткой автоматического пистолета.

У Смайли перехватило дыхание. Грудь его невыносимо жгло, во рту было горячо и сухо, и он чувствовал вкус крови. Как-то набрав в грудь воздуха, он отчаянно закричал:

— Дитер!

Посмотрев на него, Дитер кивнул и сказал:

— Сервус, Джордж, — и нанес Менделу безжалостный удар. Затем он медленно поднялся, держа пистолет дулом вниз, и обоими руками взвел курок.

Смайли слепо кинулся на него, забыв, насколько он неискушен в рукопашной схватке, размахивая короткими ручками и стараясь нанести удар открытой ладонью. Голова его уперлась Дитеру в грудь, и он толкнул его вперед, осыпая бока и спину ударами. Он испытывал дикую ярость и использовал прилив сил, который ему дал этот сумасшедший натиск, прижал Дитера к перилам моста, поскольку Дитер, потеряв равновесие из-за хромой ноги, не успел оказать сопротивление. Смайли чувствовал, что сейчас Дитер отшвырнет его, но решительного удара так и не последовало. Он кричал Дитеру:

— Свинья! Свинья!

А тот откидывался все дальше и дальше, пока Смайли, не почувствовав одну руку свободной, не нанес ему по-детски неловкий удар. Дитер почти лежал на перилах, и, увидев четкую линию его шеи и подбородка, Смайли со всей силой вцепился в него рукой. Пальцы его сомкнулись на челюсти Дитера, перекрыв ему рот, и он толкал его все дальше и дальше. Кисти Дитера лежали на горле Смайли, и внезапно они ухватились за воротник макинтоша, словно пытаясь удержаться, когда он медленно переваливался по ту сторону перил. Смайли яростно бил его по рукам, и вот они соскользнули с его плаща, и Дитер падал, падал все дальше в клубы тумана под мостом — и наконец наступило молчание.

Смайли склонился над перилами; его неудержимо кололо, из носа текла кровь, а правой рукой, пальцы на которой, казалось, были сломаны, он не мог шевелить. Перчатки куда-то делись. Он вглядывался в туман внизу и ничего не видел.

— Дитер! — с болью крикнул он. — Дитер!

Он крикнул еще раз, но голос его прервался, и на глазах выступили слезы. «О, Боже милостивый, что же я сделал, о, Иисусе Христе, Дитер, почему ты не остановил меня, почему ты не ударил меня пистолетом, почему не выстрелил?» Он прижал к лицу стиснутые кулаки, чувствуя, как соленый вкус крови смешивается с солью его слез.

Он снова прислонился к парапету и заплакал как ребенок. Где-то под ним несчастный изуродованный человек боролся с вязкой ночной водой, теряя последние силы, крича в непроглядную темноту, пока она окончательно не поглотила его.

Проснувшись, он увидел Питера Гильома, сидящего на краю его постели с чашкой чая в руке.

— Вот и Джордж. Добро пожаловать домой. Уже два часа дня.

— А утром?..

— А утром, дорогой мой мальчик, мы уже плясали на мосту Баттерси с нашим приятелем Менделом.

— Как он... Мендел, я имею в виду?

— Жутко стыдитесь самого себя. Довольно быстро оклемаюсь...

— А Дитер...

— Мергв.

Гильом протянул ему чашку чая и миндальный бисквит от «Фортнума».

— Как давно вы здесь, Гильом?

— Ну, попали мы сюда не сразу, как вы можете догадаться. Первым делом мы направились в больницу Челси, где вам зализали раны и вкатили мощное снотворное. Потом мы вернулись сюда, и я дотащил вас до кровати. Отвратительное занятие, должен вам сказать. Затем я сделал несколько телефонных звонков, а затем прошелся по вашим апартаментам с метлой в руках, наводя относительный порядок. Вы то храпели, лежа на спине, то цитировали Уэбстера¹.

— О, Господи!

— Я думаю, что то была «Графиня Малфи». «Я причинила боль тебе, рассудок потеряв, иди, убей дражайшего мне друга, такая доля выпала тебе!» Боюсь, что вынесли жуткую чушь, Джордж.

— Как полиция нашла нас — Мендела и меня?

— Джордж, может, вы и не подозреваете, но вы так орали на Дитера, что...

— Да, конечно. И вы услышали.

— Мы услышали.

— Что Мэстон? Что Мэстон сказал по этому поводу?

— Я думаю, что он жаждет увидеть вас. Я должен пе-

¹ Джон Уэбстер (1580—1634 гг.) — английский драматург. Среди его работ пьеса «Графиня Малфи», написанная в 1613 году (Прим. пер.).

редать вам его послание, в котором он просит вас навестить его, как только вы придете в себя. Понятия не имею, что он там себе думает. Даже представить не могу.

— Что вы имеете в виду?

Гильом подлил себе чаю.

— Пошевелите мозгами, Джордж. Все три главных действующих лица в этой маленькой волшебной сказке съедены медведями. За последние шесть месяцев не просочилось никакой секретной информации. Неужели вы думаете, что Мاستон хочет выяснить какие-то детали? Неужели вы думаете, что он ворвется в Форин-офис, чтобы выложить им все новости, и признает, что мы берем шпионов, только когда натыкаемся на их трупы?

Звякнул звонок у входных дверей, и Гильом спустился открыть их. Почему-то обеспокоившись, Смайли слышал, как он приглашал посетителя в холл, откуда доносились приглушенные звуки голосов, а затем шаги по лестнице. Раздался стук в дверь, и вошел Мастон. Он тащил до смешного огромный букет цветов и выглядел так, словно только что вернулся с загородной вечеринки. Смайли вспомнил, что сейчас пятница; конечно же, он отправляется на уик-энд в Хейнли. Мастон улыбался. Должно быть, он надел себе на лицо эту улыбку еще на лестнице.

— Ну, Джордж, вы снова вступили на тропу войны!

— Да, боюсь, что так. Еще одно происшествие.

Сев на край постели, он перегнулся через нее, упираясь рукой в ногу Смайли.

После паузы он сказал:

— Вы получили мою записку, Джордж?

— Да.

Еще одна пауза.

— Идут разговоры об организации нового отдела в Департаменте, Джордж. Мы (то есть наш Департамент) считаем, что вы должны уделить больше внимания техническим исследованиям, с особым упором на данные спутников-шпионов. Такова же точка зрения и министерства внутренних дел, с удовольствием должен подчеркнуть я. Гильом также обещает свое содействие. Я думаю, что вы не откажете нам в этой услуге. До того как вы достигнете официального пенсионного возраста, вы, не сомневаюсь, сможете как следует поставить дело, что будет означать, конечно, и заметное продвижение по службе. Отдел личного состава полностью поддерживает меня.

— Благодарю вас... боюсь, что я должен обдумать все как следует, если вы не возражаете.

— О, конечно... конечно. — Мастон постарался взять себя в руки. — Когда вы дадите мне знать? Необходимо будет взять несколько новых работников, разрешить некоторые вопросы, связанные с космосом... Надеюсь, что за уик-энд вы сможете все обдумать и в понедельник дать мне знать. Секретарша сразу же свяжет вас с...

— Да, я дам вам знать. Это очень любезно с вашей стороны.

— О, никоим образом. Кроме того, как вы знаете, я всего лишь Советник, Джордж. Так что решение принято без моего участия. Я всего лишь гонец с доброй вестью, Джордж; вечно я исполняю обязанности мальчика на посылках.

На несколько секунд приковавшись к Смайли грустным взором, Мастон помолчал и сказал наконец:

— Я обрисовал министрам ситуацию... в пределах необходимости. Мы обсудили те действия, которые необходимо предпринять. Присутствовал и министр внутренних дел.

— Когда это было?

— Сегодня утром. Было внесено несколько вполне серьезных предложений. Мы предполагаем обратиться с протестом в адрес Восточной Германии и потребовать выдачи этого человека — Мундта.

— Но мы же не признаем Восточную Германию.

— Совершенно верно. В этом-то и есть вся трудность. Так что, скорее всего, придется передавать протест через посредника.

— Такого, как Россия?

— Такого, как Россия. Но в данном случае этому препятствуют некоторые факторы. Разглашение истории, какую бы форму оно ни приняло, в конечном итоге может нанести урон интересам нации. Общественность страны и без того отрицательно относится к перевооружению Западной Германии. И есть основания считать, что любое свидетельство немецких интриг в Великобритании — неважно, инспирированы ли они русскими или нет, — будет способствовать усилению этой враждебности. Видите ли, нет убедительных доказательств того, что этот Фрей работал на русских. И публике легко можно будет убедить, что он действовал лишь в своих собственных интересах или в интересах объединения Германии.

— Понимаю.

— Мало кто оценивает все факты в совокупности. Можно считать, что с этим нам повезло. Ради пользы самой же полиции нам удалось уговорить министра внутренних дел,

что они, со своей стороны, постараются максимально при-крыть это дело... Теперь об этом Менделе — что он собой представляет? Можно ли ему доверять?

Смайли возненавидел Масто́на за эти слова.

— Да, — сказал он.

Мастон встал.

— Отлично, — сказал он. — Отлично. Ну, я должен бе-жать. Я всецело к вашим услугам. Могу ли быть чем-то вам полезен?

— Нет, спасибо. Гильом прекрасно присматривает за мной.

Мастон направился к дверям.

— Остается пожелать вам удачи, Джордж. Беритесь за дело, если сможете. — Фразу эту он вымолвил уже на ходу, одарив присутствующих легкой улыбкой, словно давая понять, что очень заинтересован в благополучном исходе дела.

— Спасибо за цветы, — сказал Смайли.

Дитер был мертв, и он убил его. Сломанные пальцы правой руки, ноющая боль в теле, тошнотворная головная боль, омерзительное ощущение вины — все свидетельствовало об этом. И Дитер не сопротивлялся его напору, он не пустил в ход оружие, помня об их дружбе, которая была забыта Смайли. Они боролись в тумане, над стремительным течением реки, и завеса времени расступилась, поставив их лицом друг к другу: наконец они встретились, два воссоединившихся друга, как дикие звери, вступившие в схватку. Дитер все помнил, а Смайли нет. Они пришли из разных сторон ночи, из разных миров. Дитер, убежденный и яростный, боролся за то, чтобы построить новую цивилизацию; Смайли вступил в борьбу, чтобы остановить его.

— О, Господи, — вслух сказал он, — кого из нас можно считать человеком?..

С трудом выкарабкавшись из постели, он стал одевать-ся. На ногах он чувствовал себя куда лучше.

Глава 17

Дорогой Советник

«Дорогой Советник!

Наконец у меня появилась возможность ответить на предложение отдела личного состава относительно возмож-

ности занять столь высокий пост в Департаменте. Прошу прощения, что для этого мне понадобилось столько време-ни, но я и до настоящего дня не полностью оправился, и, кроме того, мне пришлось решать некоторые личные про-блемы, не имеющие отношения к Департаменту.

Поскольку я еще не чувствую себя совершенно здоро-вым, то думаю, что принять это предложение было бы с моей стороны не самым мудрым решением. Впрочем, ос-тавляю решение за отделом личного состава.

Не сомневаюсь, что вы поймете меня.

Ваш

Джордж Смайли».

«Дорогой Питер,
я закончил записи по делу Феннана. Это единственный эк-земпляр. Прочитав их, передайте, пожалуйста, Масто́ну. Я думаю, что имеет смысл восстановить весь ход собы-тий — даже если некоторые из них и не имели места.

Всегда ваш
Джордж».

«Дело Феннана.

В понедельник, 2 января я беседовал с Самуэлем Арту-ром Феннаном, высокопоставленным сотрудником Форин-офис, с целью прояснить некоторые обвинения, выдвину-тые против него в анонимном письме. Беседа проходила в соответствии с общепринятой процедурой, то есть с согла-сия ФО. О Феннани не было известно никаких порочащих его данных, кроме симпатий к коммунистам в тридцатые годы в Оксфорде, что сегодня потеряло всякий смысл. Так что беседа наша носила совершенно рутинный характер.

Выяснилось, что в кабинете Феннана в Форин-офис по-беседовать нам не удастся, и мы решили продолжить наш разговор в Сент-Джеймском парке, тем более что этому способствовала хорошая погода.

В дальнейшем выяснилось, что мы были опознаны и подвергались наблюдению со стороны агента восточногер-манской разведывательной службы, который сотрудничал со мной во время войны. Осталось невыясненным, держал ли он Феннана в той или иной мере под наблюдением, или же его появление в парке оказалось простым совпадением.

Поздним вечером 3 января полиция Сюррея сообщила, что Феннан покончил с собой. В напечатанной на машинке предсмертной записке за подписью Феннана утверждалось, что он стал жертвой Секретной службы.

Нижеследующие факты, выяснившиеся во время расследования, позволяют утверждать, что мы имели дело с инсценировкой:

1. В 7.55 вечера перед своей смертью Феннан позвонил на Валлистонскую телефонную станцию с просьбой позвонить ему утром в 8.30.

2. Незадолго до гибели Феннан сделал себе чашку какао, но так и не притронулся к ней.

3. Казалось, что он выстрелил в себя в холле, у подножья лестницы. Записка была найдена с телом.

4. Маловероятно, что он печатал последнюю записку на машинке, так как вообще редко пользовался ею, и более чем странно, что он решил спуститься вниз в холл, чтобы выстрелить в себя.

5. В день смерти он отправил мне письмо, в котором настойчиво просил меня встретиться с ним за ленчем на следующее же утро.

6. Позже также выяснилось, что Феннан попросил себе свободный день на среду 4 января. Об этом он не сказал даже своей жене.

7. Выяснилось также, что предсмертная записка была напечатана на собственной пишущей машинке Феннана и что ее шрифт имеет некоторые особенности, совпадающие с теми, которые были отмечены в анонимном письме. Лабораторные исследования подтвердили, что оба письма были напечатаны разными людьми на одной и той же машинке.

Когда миссис Феннан, которая была в театре в вечер гибели своего мужа, было сделано предложение объяснить вызов в 8.30, она выдвинула ложное утверждение, что вызов был сделан ею самой. Телефонная же станция уверенно говорила, что это было не так. Миссис Феннан утверждала, что ее муж был подавлен и растерян после беседы с представителем службы безопасности, о чем свидетельствовал и текст его последнего письма.

К полудню 4 января, расставшись с миссис Феннан, с которой я беседовал утром, я вернулся к себе домой в Кенсингтон. Заметив мелькнувшую в окне чью-то тень, я позвонил у дверей. Дверь мне открыл человек, который позже был опознан как работник восточногерманской разведывательной службы. Он пригласил меня войти, но я отклонил его предложение и вернулся к своей машине, отметив в то же время номера стоявших поодаль машин.

Тем же вечером я посетил небольшой гараж в Баттерси с целью выяснить происхождение одной из этих машин, зарегистрированной на имя владельца гаража. Там я под-

вергся нападению неизвестного, который нанес мне несколько сильных ударов, от чего я потерял сознание. Через три недели владелец гаража Адам Скарр был найден мертвым в Темзе около моста Баттерси. Он был пьян в то время, когда попал в воду. На нем не было следов насилия, и он пользовался репутацией горького пьяницы.

Существенной деталью является тот факт, что последние четыре года Скарр обслуживал неизвестного иностранца, который пользовался его машиной, щедро платя за это. Даже их отношения не позволили Скарру выяснить личность клиента, которого он знал лишь под псевдонимом Блонди и мог связаться с ним лишь по телефону. Аппарат был установлен в миссии восточногерманской сталеплавильной компании.

Тем временем было расследовано алиби миссис Феннан во время гибели мужа, и на свет выплыла следующая существенная информация:

1. Миссис Феннан посещала Уайбриджский театр дважды в месяц, в первый и третий вторник (N. V.: клиент Адама Скарра брал у него машину в первый и третий вторник каждого месяца).

2. Она обычно брала с собой нотную папку и оставляла ее в камере хранения.

3. Во время посещения театра она обычно бывала в обществе человека, внешность которого отвечает описанию покушавшегося на меня и клиента Скарра. Работники театра ошибочно считали его мужем миссис Феннан. Он также приносил нотную папку, оставляя ее в камере хранения.

4. В тот вечер миссис Феннан ушла из театра раньше обычного, убедившись, что ее знакомый не появился, и забыв взять папку. Позднее тем же вечером она позвонила в театр с вопросом, не может ли быть ее папка передана другому человеку, так как она потеряла квитанцию из камеры хранения. Папка была передана приятелю миссис Феннан.

К тому времени этот незнакомец уже был опознан как работник восточногерманской миссии по имени Мундт. Главой миссии был герр Дитер Фрей, во время войны сотрудничавший с нашей Службой и обладавший большим опытом оперативной работы. После войны он стал работать на правительство в советской зоне Германии. Должен подчеркнуть, что, работая со мной во время войны на вражеской территории, Фрей зарекомендовал себя блестящим и исключительно полезным агентом.

Я решил провести третью по счету беседу с миссис Феннан. Сломавшись, она призналась, что действовала как курьер для своего мужа, который был завербован Фреем на горнолыжном курорте пять лет назад. Сама она занималась этим без большой охоты — частично в силу преданности мужу, а частью, чтобы оберечь мужа от его же собственной рассеянности при выполнении шпионских функций. Фрей увидел нас с Феннаном во время беседы в парке. Исходя из предположения, что я по-прежнему нахожусь на оперативной работе, он сделал вывод, что или на Феннана пало подозрение, или он двойной агент. Он дал Мундту указание ликвидировать Феннана и принудил его жену к молчанию в силу ее соучастия в преступлении. Она даже была вынуждена напечатать предсмертное письмо своего мужа на бланке с его подписью.

Уместно обратить внимание на способ, которым она доставляла Мундту информацию, раздобытую ее мужем. Все скопированные документы и записи она клала в нотную папку, которую брала с собой в театр. Мундт брал с собой точно такую же; в ней лежали деньги и инструкции для Феннана. Папку он оставлял в камере хранения. Им оставалось только обменяться квитанциями. Когда Мундт не появился в театре, о котором идет речь, миссис Феннан, повинаясь данной ей инструкции, послала квитанцию по определенному адресу в Хайгейте. Для этого она пораньше ушла из театра в надежде успеть к последней выемке почты в Уайбридже. Когда позже в этот вечер она увидела Мундта, то рассказала ему, что произошло, а он настоял на том, чтобы взять папку без промедления, ибо ему не хотелось еще раз ездить в Уайбридж.

Когда на следующее утро я беседовал с миссис Феннан, один из моих вопросов (о звонке в 8.30) настолько встревожил ее, что она тут же позвонила Мундту. Этим и объясняется нападение на меня вечером того же дня.

Миссис Феннан передала мне телефон и адрес, по которым она поддерживала связь с Мундтом и которого знала под кодовым именем Пятница. И тот и другой вели в квартире пилота «Люфт Европы», которой часто в случае необходимости как убежищем пользовался Мундт. Летчик (предположительно курьер восточногерманской разведки) с 5 января не посещал страну.

Таков был итог признаний миссис Феннан, но в определенном смысле они ничего не могли дать. Шпион был мертв, его убийца исчез. Оставалось только оценивать размеры нанесенного ущерба. Был сделан официальный за-

прос в Форин-офис, и мистеру Феликсу Тавернеру было поручено выяснить, сообразуясь с данными ФО, какая информация была разглашена. Для этого необходимо было уточнить, к какого рода досье имел доступ Феннан с тех пор, как Фрей завербовал его. Существенно, что он не имел постоянного доступа к секретным данным. Феннан вообще не брал их, если не считать тех, которые имели прямое отношение к его обязанностям. В течение последних шести месяцев, когда его доступ к важным документам заметно расширился, он не брал домой ни одного досье с секретными данными. Те документы, что он брал домой, не содержали в себе никаких тайн, а некоторые вообще не имели отношения к его занятиям. Такое поведение не соответствовало облику Феннана как шпиона. Можно предположить, что он потерял интерес к этой деятельности, и его приглашение на ленч должно было стать первым шагом к признанию. В таком случае именно он и мог написать анонимное письмо, которое должно было привести его к контактам с Департаментом.

Здесь необходимо остановиться на двух фактах. Под псевдонимом и с фальшивым паспортом Мундт покинул страну на следующий день после признаний миссис Феннан. Он избежал внимания служащих аэропорта, но его опознала стюардесса в салоне, о чем стало известно задним числом. Во-вторых, в дневнике Феннана содержались полное имя и официальный номер телефона Дитера Фрея — вопиющее нарушение элементарных правил шпионажа.

Трудно было понять, почему после убийства Скарра Мундт продолжал три недели оставаться в Англии, и еще труднее было совместить деятельность Феннана, описанную его женой, со столь хаотичным и нерациональным отбором досье. Тщательное изучение фактов неизменно вело к одному и тому же выводу: единственные доказательства шпионской деятельности Феннана исходили от его жены. Если факты были таковы, как она излагала, каким образом ей, обладательнице столь опасных сведений, удалось избежать устранения со стороны Мундта или Фрея?

С другой стороны, может, сама она была шпионкой? Таким образом, можно найти объяснение дате отлета Мундта: он исчез, как только получил от миссис Феннан заверения, что я поверил ее ложному признанию. Это объясняет и запись в дневнике Феннана: Фрей был для него всего лишь случайным знакомым на горнолыжном курорте, который время от времени бывал у них в гостях в Валли-стоне. Тогда начинает обретать смысл и подбор досье, ко-

торые Феннан приносил домой — если Феннан сознательно отбирал документы, не содержащие никаких секретных данных как раз в то время, когда он получил к ним доступ, то этому может быть только одно объяснение: он начал подозревать свою жену. Отсюда и приглашение на ленч, присланное мне на другой день после нашей встречи. Феннан решил рассказать мне о своем открытии и взял этого день отгула, о чем его жена не была осведомлена. В таком случае получает объяснение и то, почему Феннан выдвинул против себя обвинение в анонимном письме: он хотел установить с нами связь, чтобы подготовиться к обвинению своей жены...

Исходя из этих предположений, необходимо отметить, что с профессиональной точки зрения миссис Феннан сама была достаточно подготовлена и добросовестно выполняла свои обязанности. Техника, использовавшаяся ею для встреч с Мундтом, напоминала о действиях Фрея во время войны. Условие, при котором необходимо отправить квитанцию от камеры хранения по почте, если встреча не состоялась, было типичным для его скрупулезного планирования. Все действия миссис Феннан были тщательно рассчитаны, что позволило бы ей играть роль невинной жертвы предательства своего мужа.

Если с логической точки зрения на миссис Феннан падает подозрение в шпионаже, у нас нет оснований считать, что ее рассказ о событиях той ночи полностью отвечает истине. Зная она о намерении Мундта убить ее мужа, она бы не отправилась с нотной папкой в театр, не отправляла бы по почте квитанцию от камеры хранения.

Тем не менее выдвинуть обвинение против нее было бы невозможно, если бы не удалось возобновить отношения между миссис Феннан и ее контролером. Во время войны Фрей разработал прекрасный код для срочной связи — с использованием красочных открыток. Сам предмет изображения на открытке уже нес в себе сообщение. Религиозная тематика, например изображение Мадонны или церкви, говорила о необходимости заранее обговоренной встречи. Адресат высылал в ответ совершенно невинное письмо, давая понять, что он все понял. Встреча проходила в заранее обговоренном месте через пять дней после даты письма.

Вполне можно было предположить, что Фрей, чье мастерство отнюдь не поблекло после войны, продолжает придерживаться этой же системы, которую, кстати, приходилось пускать в ход не так часто. Исходя из этого, я и решил послать Эльзе Феннан открытку с изображением цер-

кви. Она была опущена в Хайгейте. У меня была смутная надежда: она поймет, что открытка пришла из агентства Фрея. Реакция ее была незамедлительной: она послала по неизвестному адресу конверт с билетом на представление лондонского театра, которое должно было состояться через пять дней. Послание миссис Феннан нашло Фрея, который воспринял его как срочный вызов. Зная, что после «признаний» миссис Феннан Мундт был под подозрением, Фрей решил сам пойти на встречу.

Таким образом они встретились в театре «Шеридан» в Хаммерсмите в четверг 15 февраля.

Сначала каждый из них предполагал, что инициатором встречи была другая сторона, но, когда Фрей понял, что их обоих завлекли в ловушку, действовать он стал стремительно. Возможно, он заподозрил, что все это — дело рук миссис Феннан и что он попал в западню. Этого мы уже никогда не узнаем. Во всяком случае, он убил ее. Метод, которым он это сделал, исчерпывающе описан в данных коронерского расследования: «одномоментное резкое нажатие на ларингсы одновременно с силовым воздействием на отросток щитовидного хряща ведет к немедленной смерти». Не подлежит сомнению, что убийца миссис Феннан был профессионалом своего дела.

Фрей был выслежен до места своего пребывания на барже, стоявшей на причале у Чейни-уолк, и, яростно сопротивляясь аресту, упал в реку, где позже и было обнаружено его тело».

Глава 18

Меж двух миров

Ничем не примечательный клуб Смайли по воскресеньям обычно пустовал, но миссис Старджон оставляла дверь открытой на случай, если к ней забредет кто-нибудь из джентльменов. К своим джентльменам она предпочитала относиться столь же сурово и властно, как в те времена, когда сдавала квартиры в Оксфорде, обращаясь с постояльцами с большим достоинством, чем полная коллегия кураторов и преподавателей. Прощая ошибки и прегрешения, она не упускала случая намекнуть, что ее снисходительность носит уникальный характер и больше она никогда не снизойдет. Как-то она заставила Стив-Эспри опустить де-

сять шиллингов в ящик для пожертвований за то, что он без предупреждения привел к обеду семь друзей, а потом закатали им такой обед, что они будут помнить его всю жизнь.

Они сели за тот же стол, что и в прошлый раз. У Мендела было чуть осунувшееся и постаревшее лицо. Во время обеда он почти не говорил, орудуя ножом и вилкой с той же тщательностью, с которой подходил к любому делу. Поддерживал разговор, главным образом, Гильом, потому что Смайли тоже был молчаливее обычного. Они достаточно раскованно чувствовали себя в обществе друг друга, и никто не испытывал особого желания разговаривать.

— Почему она на это пошла? — внезапно спросил Мендел.

Смайли медленно качнул головой:

— Хочу надеяться, что знаю, но мы можем только предполагать. Я думаю, что она мечтала о мире, в котором не будет конфликтов, мире, готовом организованно принять новую доктрину. Понимаете, как-то я разгневал ее, и она закричала на меня. «Я вечная скиталица-еврейка, — сказала она, — и под ногами у меня выжженная земля, поле битвы, на котором вы играете в солдатики». И когда она увидела, что в чертах новой Германии возникают некоторые приметы старого облика, когда она услышала нотки напыщенного самодовольства, я думаю, этого вынести она уже не могла; мне кажется, что, сопоставив всю ненужность страданий, которые пришлось ей перенести, и процветание, которым наслаждаются ее преследователи, она взбунтовалась. Пять лет назад, как она мне рассказывала, им довелось встретиться с Дитером на горнолыжном курорте в Германии. В то время серьезно обсуждался вопрос о восстановлении Германии как мощной силы, служащей интересам Запада.

— Она была членом коммунистической партии?

— Не думаю, что ей нравилось нацеплять на себя ярлычки. Я думаю, что ей хотелось участвовать в строительстве такого общества, в котором она могла бы спокойно, без конфликтов жить. Понятие мира сейчас стало слишком затасканным, не так ли? А вот она хотела жить в мире.

— А Дитер?

— Бог знает, чего хотел Дитер. Почета, как я предполагаю, в мире, построенном по принципам социализма? — Смайли пожал плечами. — Они мечтали о свободе и мире. А стали убийцами и шпионами.

— Боже всемогущий, — сказал Мендел.

Смайли снова замолчал, уставившись в свой стакан. Наконец он сказал:

— Наверно, вы не поймете меня. Вы видели, как Дитер завершил свой путь. А я присутствовал при его начале. Он завершил полный цикл. Не могу себе представить, что он мог стать предателем в годы войны. Он делал то, что считал правильным. Он был одним из тех строителей мира, которые умеют лишь разрушать. И все.

Гильом вежливо прервал его:

— А тот звонок в 8.30?..

— Думаю, что тут все совершенно ясно. Феннан собирался утром встретиться со мной, для чего и взял отгул. Он не успел сказать Эльзе об этом, в противном случае она бы использовала этот факт в своих объяснениях со мной. Он договорился о звонке с телефонной станцией, чтобы у него был повод уехать из дома. Во всяком случае, я так предполагаю.

В обширном камине потрескивало пламя.

Он успел на ночной самолет в Цюрих. Стояла прекрасная ночь, и в иллюминаторе рядом с собой он видел серое крыло, застывшее в звездном небе, в пропасти меж двух миров. Вид из иллюминатора успокоил его, смягчил страхи и сомнения, которые показались столь мелкими перед лицом необъятного космоса. Все в ночи казалось неважным — и страстная жажда любви, и возвращение к одиночеству.

Скоро во тьме возникли огни французского побережья. Они заполняли все видимое пространство; он почувствовал запах сигарет «Голуаз», чеснока и хорошей еды, шум голов в бистро. Местон был в миллионе миль отсюда, отгороженный от мира скучными бумагами и лощеными политиками.

Рядом со своими спутниками Смайли представлял собой странную фигуру — невысокий полноватый человек, скорее задумчивый и хмурый, но, когда он заказывал напиток, на лице его появлялась застенчивая улыбка. Молодой человек с изысканной прической, сидящий рядом с ним, изучал его краем глаза. Он отлично знал этот тип пассажиров — замотанный чиновник, который на пару дней вырвался повеселиться. Ему не нравились такие люди.

Содержание

<i>Роберт Ладлэм</i> Уикенд Остермана	5
<i>Джон Ле Карре</i> Звонок мертвецу	217
<i>Микки Спиллейн</i> Я гангстер	346

Литературно-художественное издание

ЗВОНОК МЕРТВЕЦУ

Сборник

Перевод с английского

Редактор *О. А. Помятовская*
Художественный редактор *Е. Ю. Воронцова*
Технический редактор *А. Ф. Берникова*
Корректоры *Г. Б. Пятышева, Л. В. Назарова*

ИБ № 6

Сдано в набор 25.01.93. Подписано в печать 26.04.93. Формат 84x108/32. Бумага типографская 2. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 25,76. Тираж 100 000 экз. Изд. № С 6. Заказ 14.

ТОО «Верба». 107066, Москва, Спартаковская ул., д. 12.

Рыбинский Дом печати
Министерства печати и информации Российской Федерации.
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, д. 10.

Тираж изготовлен по заказу АО «Вториндустрия»